

Золтан, Андраш

Западнорусско-великорусские языковые контакты в области лексики в XV в. (к вопросу о западной традиции в деловой письменности Московской Руси)
[Электронный ресурс] : Дис. ... канд. филологические науки : 10.02.01. - М.: РГБ, 2006. - (Из фондов Российской государственной библиотеки)

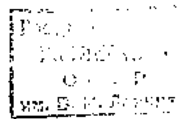
Русский язык

Текст воспроизводится по экземпляру, находящемуся в фонде РГБ:

Золтан, Андраш

Западнорусско-великорусские языковые контакты в области
лексики в XV в. (к вопросу о западной традиции в деловой
письменности Московской Руси)

Москва, 1984

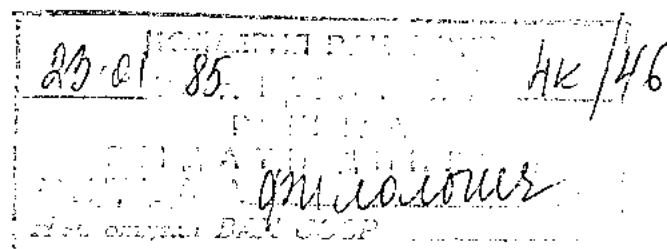
g 4443-85

61:85-10/228-0

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА, ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ОРДЕНА
ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
М. В. ЛОМОНОСОВА

Филологический факультет

На правах рукописи

ЗОЛТАН АНДРАШ

ЗАПАДНОРУССКО-ВЕЛИКОРУССКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В ОБЛАСТИ
ЛЕКСИКИ В XV В. (К ВОПРОСУ О ЗАПАДНОЙ ТРАДИЦИИ В ДЕЛОВОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ МОСКОВСКОЙ РУСИ)

Специальность 10.02.01. – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Золтан Андраш
Версия

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ
доктор филологических наук,
профессор УСПЕНСКИЙ Б.А.

МОСКВА – 1984

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ

- I. Роль межславянских языковых контактов в развитии словарного состава славянских языков.
- I.I. Актуальность изучения западнорусских заимствований в великорусском деловом языке XV в.
2. Общие традиции деловой письменности у восточных славян. Вопрос о происхождении формуляра древнерусских грамот.
3. Становление двух восточнославянских деловых языков на протяжении XIV-XV вв.: западнорусского и великорусского.
- 3.I. Процесс формирования административного языка Великого княжества Литовского.
- 3.I.I. Особенности деловой письменности Молдавии.
- 3.2. Характеристика административного языка Московского государства.

ГЛАВА I

ЗАПАДНОРУССКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТИТУЛЕ МОСКОВСКИХ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ

1. Взаимодействие двух "русских" деловых языков в XV в.
2. К предыстории слова государь в русском языке: происхождение титула господарь московских великих князей XV в.
- 2.I. К истории слова государство < господарьство.
- 2.2. Вопрос о времени перехода господарь > государь и производных.
3. Происхождение элемента титула отчичь и дѣдичь

ГЛАВА II

ЗАПАДНОРУССКАЯ ЛЕКСИКА В ПАМЯТНИКАХ МОСКОВСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ
ДИПЛОМАТИИ 30-60-х гг. XV в.

I. Произведения о Флорентийском соборе 1438-1439 гг.

I.1. "Хождение на Флорентийский собор" неизвестного
суздальца.

I.2. "Повесть о восьмом соборе" суздальского иеромонаха
Симеона.

I.3. "Слово избрано..." и летописная редакция "Повести".

2. Документы канцелярии митрополита Ионы 1448-1461 гг.

ГЛАВА III

ЗАПАДНОРУССИЗМЫ В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ И В
АКТАХ ВНУТРЕННЕГО УПРАВЛЕНИЯ В 40-70-х гг. XV в.

1. Возможность влияния митрополичьей канцелярии на велико-
княжескую в середине XV в.

2. Западнорусская лексика в летописных известиях о диплома-
тических сношениях Московского государства с зарубежными
странами.

2.1. Известия о русско-итальянских сношениях по случаю брака
Ивана III с Софьей Палеолог.

2.2. Известия о взятии Константинополя турками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

БИБЛИОГРАФИЯ

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

ВВЕДЕНИЕ

1. Наблюдаемое и в наши дни, и в более ранние эпохи значительное сходство лексики славянских языков обусловлено, как известно, только отчасти их генетическим родством, в значительной же степени сформирование общего лексического фонда славянских языков обязано активному культурному взаимодействию этих языков, не прекратившемуся после распада праславянского единства и прослеживаемому в разных направлениях и с разной интенсивностью по всей письменной истории славянских языков. Известен огромный вклад старославянского языка в развитие южно- и восточнославянских языков, а также чешского; чешский литературный язык сыграл выдающуюся роль в формировании польского литературного языка в XV-XVI вв., а этот язык в значительной степени повлиял на формирование русского литературного языка нового времени во второй половине XVI - начале XVII в. Русский литературный язык, в свою очередь, стал источником многочисленных заимствований для новоболгарского и новосербского литературных языков в XVII-XIX вв. и играл и продолжает играть важную роль в развитии новых украинского и белорусского литературных языков (см.: Трубецкой 1927, 59-80, Булаховский 1951).

Взаимодействие близкородственных славянских языков на междиалектном уровне по некоторым линиям их соприкосновения было довольно рано прервано вследствие вторжения венгров в Дунайский бассейн (IX в.) и тюркоязычных кочевых народов в Причерноморье, а в результате консолидации раннефеодалных славянских государств было ограничено и внутри двух больших ареалов с преобладающим славянским населением (Балканский полуостров и Восточноевропейская равнина). Этими факторами

культурное взаимодействие не было прервано, а наоборот, во многих случаях даже стимулировалось. В результате культурного взаимодействия могли стать "общеславянскими" (т.е. иметь общеславянское распространение) слова, возникшие в одном определенном славянском языке намного позже распада праславянского единства. Исследование межславянских заимствований поэтому может внести иногда существенные коррективы в этимологии, установленные на основе формальных совпадений и тем самым уточнить данные о первоначальном распространении того или другого слова, отделяя праславянский лексический фонд от вторичных культурных наслоений. При внушительных достижениях в области реконструкции праславянского лексического фонда, отраженных в наиболее систематизированном виде в издаваемых в Москве и Кракове праславянских словарях (ЭСЯ, СПрасл) иногда "исследователи забывают о том, что процессы диффузии слов играют не менее важную роль в истории языков, чем процессы преемственности слов из праязыка" (Шенкер 1983, 261).

Изучение истории межславянской миграции отдельных слов и лексических значений имеет первостепенное значение также для этимологии неславянских языков, контактировавших в разные эпохи с разными славянскими языками одновременно, как например, венгерский язык (ср. Золтан 1979).

1.1. Настоящая работа посвящена малоизученному до сих пор вопросу о взаимодействии двух восточнославянских деловых языков – западнорусского и великорусского – в области лексики. Этот вопрос ставился до сих пор обычно в рамках польско-русских языковых контактов, в которых западнорусский язык рассматривался прежде всего как язык-посредник, передатчик

полонизмов в русский язык (Кохман 1967, 7, IV, 15-21; 1975, 22-27; Собиц 1969, 163-167). Такой подход был понятен при недостаточной разработанности сравнительно-исторической лексикологии восточнославянских языков и при постановке вопроса с точки зрения языка дающего, но едва ли оправдан с точки зрения заимствующего языка, для истории которого важно в первую очередь установление непосредственного источника заимствования, и лишь после его определения возникает вопрос о происхождении слова в языке-передатчике. Критически рассматривая результаты исследований по полонизмам в русском языке и сопоставляя данные памятников русского языка с показаниями западнорусских памятников, мы неизбежно приходим к выводу, что на протяжении XV-XVI вв. русским языком в преобладающем большинстве случаев были заимствованы только те полонизмы, которые до появления их в великорусских памятниках были уже прочно усвоены западнорусским языком, и что наряду с полонизмами в тот же самый период вошли в русский язык также собственно западнорусские (украинские и/или белорусские) слова (ср. Золтан 1983, 342-343). Поэтому, хотя большинство лексических элементов, вошедших в русский язык в рассматриваемую эпоху из западнорусского, и является по происхождению полонизмами, нам представляется целесообразным поставить наше исследование в план языкового взаимодействия в самом восточнославянском ареале.

Наша работа призвана заполнить известный пробел в исследованиях по западным элементам русского языка допетровской эпохи, развертывавшихся особенно начиная с конца 1950-ых годов. Исследователи (Тамань 1960, Тамань 1961, Кохман 1967, Кохман I-IV, Кохман 1975; Собиц 1969) интересовались в первую очередь полонизмами, проникшими в разные виды русской

письменности, в том числе и в памятники делового языка, а также словами чешского (Мельников 1967; Кохман 1970; Кохман 1974), латинского и романского (Лиминг 1976), немецкого (Гардинер 1965) происхождения, проникшими в русский язык через посредство польского языка, или вообще западноевропейской лексики, заимствованной русским языком до Петровского времени (Фогараши 1958) или включая и XVIII в. (Хюттль-Ворт 1963).

Оживление в этой области исследований было вызвано — кроме всеобщего развития изучения межславянских языковых контактов — несомненно и выходом в свет "Этимологического словаря русского языка" М.Фасмера (Фасмер I—III, Фасмер-Тр. I—IV). Дело в том, что из-за отсутствия более современных специальных исследований по заимствованиям русского языка из западноевропейских языков, в том числе и польского, М.Фасмеру пришлось пользоваться устаревшими уже во многом работами (Христиани 1906, Смирнов 1910), вслед за которыми в науке на долгое время укрепилось мнение, будто в русском языке донетровской эпохи было мало заимствований из западноевропейских языков, хотя, как подчеркивал еще в начале XX в. А.И.Соболевский, "всякое специальное исследование — по истории ли литературы, по истории ли быта, по истории ли языка, или даже по истории искусства, имевшего в то время [в XV—XVIII вв. — А.З.] по преимуществу церковный характер, — дает в результате длинный ряд крупных и мелких данных, указывающих на тесные связи Москвы с западом Европы задолго до Петра" (Соболевский 1903а, 38—39). Упомянутый недостаток этимологического словаря М.Фасмера, находящийся в поразительном противоречии с его несомненно большими достоинствами в дру-

гих отношениях, послужил толчком к более doskonaльному изучению той части русской лексики, которая была заимствована из западноевропейских языков до XVIII в. Что же касается полонизмов, то некоторые из указанных специальных исследований по этому вопросу (особенно Собиш 1969, частично также Тамань 1960 и 1961, Кохман 1967) грешат отсутствием строгого разграничения фактов западнорусского и великорусского языков, в результате чего к "полонизмам" в русском языке причисляются иногда и слова, засвидетельствованные лишь в западной письменности (ср. Кипарский III, 98-99; Речек 1961, 153; Золтан 1977а, 194). При этом сам В.Кипарский обвиняет в этом М.Фасмера, который включил в свой словарь каждое слово, засвидетельствованное в словарях И.И.Срезневского и В.И.Даля, и таким образом в "Этимологическом словаре русского языка" приводится большое количество слов, фактически относящихся к словарю белорусского и/или украинского языков (Кипарский III, 99). Таким образом и такое несомненное достоинство словаря М.Фасмера, что он в известной степени заменял отсутствовавшие до последнего времени этимологические словари белорусского и украинского языков, признается фактором, препятствовавшим развитию исследований в области западнорусско-великорусских языковых контактов. Вместе с тем, этот недостаток словаря М.Фасмера был обусловлен и объективными причинами, в первую очередь, недостаточной разработанностью исторической лексикологии и лексикографии украинского и белорусского языков. К настоящему времени многое уже изменилось: вышли или выходят новые исторические словари всех трех восточнославянских языков (СРЯ, ССУМ, ГСЕМ). Нам кажется, что в современных условиях и этот недостаток словаря М.Фасмера должен стимулировать исследования по украинско-белорусско-русским языковым контактам (ср. Шенкер

1983, 256).

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что упомянутые работы по польско-русским языковым контактам, особенно многочисленные труды польского слависта С.Кохмана (см. библиографию), содержащие прочно обоснованные оригинальные этимологии целого ряда русских слов, заимствованных, в конечном итоге, из западнославянских языков (из польского или - посредством польского - из чешского), создали ту необходимую научную базу, без которой наше исследование было бы невыполнимым. Если заимствование русским языком допетровского времени слов романско-германского происхождения уже по культурно-историческим соображениям предполагает учет возможности чешско-польско-западно-русского посредничества, то выявление слов, проникших в русский язык таким же путем, но состоящих из одних славянских морфем, требует весьма сложной доказательной процедуры; приходится считаться с возможностью преемственности из праязыка, с одной стороны, и с возможностью параллельного образования слов из тех же морфем и с тем же значением - с другой. Поэтому в исследовании межславянской миграции слов и лексических значений - наряду с принципами этимологизирования заимствованных слов вообще - получает большое значение контекст ранних употреблений данного слова в принимающем языке. Не преувеличивая значение первой фиксации какого-нибудь слова в памятниках письменности (в результате дальнейших разсуждений каждая "первая" фиксация может оказаться отнюдь не самой ранней), можно с уверенностью сказать, что если какое-то русское слово появляется в великорусской письменности в контекстах, относящихся к Западной Руси, а в западнорусской письменности это же слово имеет большую традицию употребления или

оно в самом западнорусском является заимствованием из польского (а в польском, как правило, из чешского), то необходимо признать, что данное слово в великорусском заимствовано из западнорусского, несмотря на то, что в новейшее время слово могло стать "общеславянским", поскольку впоследствии оно — уже как русизм — могло заимствоваться и южнославянскими языками.

Поэтому в нашем исследовании большое внимание уделяется контекстам ранних употреблений тех слов, о которых предполагается, что в великорусский язык они были заимствованы из западнорусского; в ряде случаев именно контекст ранних фиксаций обратил наше внимание на неисконность того или иного слова в великорусском. "Малая выразительность признаков заимствования из одного языка в близко родственный же язык" (Булаховский 1951, 37) составляет специфическую трудность исследования межславянских заимствований, которая при отсутствии собственно лингвистических критериев может быть устранена лишь путем привлечения свидетельств культурно-исторического характера. Поэтому прежде чем приступить к показу языкового влияния западнорусского делового языка на великорусский, наряду с историко-лингвистическими факторами, необходимо осветить также некоторые основные вопросы, связанные с культурными традициями деловой письменности, т.е. вопросы, принадлежащие к области древнерусской дипломатики.

2. Язык древнерусских грамот, отразивший живую восточнославянскую речь, проявляет большое разнообразие по отдельным областям восточнославянской языковой территории (ср. Соболевский 1980, 39). В то же самое время документы, написанные в самых разных областях, обнаруживают поразительное сходство в

формуляре, что позволяет возвести их к общей традиции составления деловых документов, установившейся, по-видимому, еще в киевский период. Это в первую очередь — характерный зачин древнерусских грамот: се азъ (позднее также язъ, я), а се азъ (язъ, я) с предшествующей инвокацией (въ имя ѿца и сѣна и сѣго дѣха) или без нее. Эта формула вместе с часто встречаемой в ранних документах формулой санкции (ср., напр., в Мстиславовой грамоте ок. 1130 г.: даже кто запыртить [.] тоу дань [...], да соудить Емоу ѿгъ въ днь пришьствиѣа своего), несомненно, церковнославянская. Зачин се азъ (с вариантами) в XII–XIV вв. характеризует жалованные и духовные грамоты, и, реже, также другие виды документов, из самых разных областей древней Руси. Мы его находим в Киеве (Мстиславова грамота ок. 1130 г., Обн.-Барх. I, 33), в Новгороде (берестяные грамоты № 450, XII в., Арциховский и Янин 1978, 51; № 138, XIII в., Арциховский и Борковский 1958, II и др., Договорная грамота Александра Ярославовича Невского и новгородцев с немцами 1262–1263 г., Обн.-Барх. I, 51; Духовная новгородца Климента до 1270 г., там же, 55), на Волыни (ср. грамоты Владимира Васильковича 1287 г. и Мстислава Даниловича 1289 г., включенные в Галицко-Волынскую летопись, ПСРЛ II, 903–904 и 932) и в Москве (Духовная Ивана Калиты 1327–1328 гг., Обн.-Барх. I, 89), в Смоленске (Грамота князя Федора Ростиславовича 1284 г., Смол. гр. 62; Подтвердительная грамота князя Ивана Александровича I-й половины XIV в., Смол. гр. 69) и в Полоцке (Вкладная грамота князя Онофрия 1399 г., Хрест. I, 52).

Происхождение начальной формулы древнерусских грамот не выяснено, хотя изучение элементов формуляра как самых устойчивых элементов языка грамот могло бы пролить свет на начальный этап становления канцелярского дела в Киевской Руси. Наб-

людаемую с XII в. языковую практику при составлении документов - основной текст пишется на русском языке, а элементы формуляра на церковнославянском - можно было бы интерпретировать как отражение более позднего этапа развития, которому предшествовал период, когда языком княжеской канцелярии был церковнославянский, как это предполагал Л.П.Якубинский для X в. (Якубинский 1953, 89), а церковнославянский язык был вытеснен из языка грамот (при сохранении традиционных формул) в связи с возникновением церковнославяно-русской диглоссии после официального крещения Руси в 988 году, когда церковнославянский язык начал связываться исключительно с христианской культурой (ср. Успенский 1983, 12). Однако нет достаточного материала для предположения о существовании княжеской канцелярской традиции в области внутреннего управления в X в.; договоры с греками, сохранившиеся в составе Повести временных лет, свидетельствуют лишь о наличии письменной традиции в области дипломатических сношений. Языком переговоров с греками мог быть и греческий. По наблюдениям С.Микуцкого, те части текстов договоров с греками, в которых излагается точка зрения русской стороны, т.е. в которых можно видеть отражение позиции русских послов, сформулированной ими самими, обнаруживают формулы, не характерные для византийской царской канцелярии, но имеющие параллели в греческих частных актах своего времени (Микуцкий 1953, 19). На распространение знания греческого языка в окружении киевских князей в X в. указывает описанный Константином Багрянородным факт, что в сопровождении Ольги приехали в Константинополь из Руси три переводчика (там же, 22). Характерный зачин и повествование от первого лица ед. ч. древнерусских грамот не имеет аналогий ни с византийскими царскими грамотами, в кото-

рых употреблялась конструкция η βασιλεία μου, ни с находящимися в прямой зависимости от них южнославянскими грамотами, в которых калькировалась эта греческая конструкция (господство ми, кралѣвство ми, царство ми), ни с западными, латинскими грамотами, в которых употреблялось множественное величие ("pluralis maiestatis"). Н.Н.Дурново было высказано предположение о том, что "для русских княжеских канцелярий домонгольской эпохи образцом мог быть язык болгарских царских канцелярий, и они переняли оттуда формулу начала княжеских грамот "Се азъ" с болгарскими личными местоимениями 1 sg." (Дурново 1969, 94-95; ср. также Удуханов 1972, 98, Успенский 1983, 54, примеч. 2). Однако это предположение остается недоказуемой гипотезой, поскольку болгарских грамот с такой формулой не сохранилось, из эпохи первого болгарского царства вообще не сохранилось никаких болгарских грамот, а в грамотах болгарских царей второго болгарского царства эта формула не встречается (см. Ильинский 1911); она отсутствует и в древних сербских грамотах (см. Миклошич 1858). В то же самое время поразительное сходство с формуляром древнерусских грамот обнаруживает единственная греческая грамота венгерского короля Стефана I (997-1038), датируемая 1002 г., которая сохранилась в списке 1109 г. (современное издание, а также факсимильное воспроизведение текста см. Молнар и Шимон 1977, 10-14): † Ἐν οὐόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος· ἐν τέλλομαί ἐγὼ στέφανος χριστιανὸς ὁ καὶ κρᾶν πάσης οὐστρείας [...].

Как установлено венгерскими византистами (Цебе 1916; Дарко 1917), этот формуляр не имеет ничего общего с византийской царской канцелярией, но вполне обычен в Византии и в сфере влияния византийской культуры в грамотах ч а с т н ы х

л и ц . Таких грамот сохранилось относительно немного (Дельгер 1956, 340), но они достаточно убедительно свидетельствуют о том, что данный формуляр, представленный упомянутой грамотой Стефана I, и ставший повсеместным в древней Руси, восходит к византийскому частному акту (аналогичные греческие грамоты см., напр., Миклошич и Мюллер IV/I, № 39, 1247 г., с. 95, № 50, XIII в., с. 97; № 51, 1281 г., с. 98; № 139, XIII в., с. 225; № 170, XIII в., с. 266 и др.; Дельгер 1948, № 110, 1286 г., с. 299). В языковом отношении характерно, что грамоты частных лиц писались в основном на народном греческом языке с сохранением некоторых книжных оборотов формуляра. Языковое оформление древнерусских грамот полностью соответствует оформлению византийских частных актов, при этом в древнерусских документах элементы формуляра приобретают церковнославянскую форму в соответствии с элементами формуляра византийских частных актов, сохранивших в своем составе традиционные книжные элементы. Таким образом, мы приходим к выводу, что появление древнерусского народного языка в грамотах находится в прямой зависимости от языковой ситуации в Византии, т.е. языковая ситуация в Киевской Руси и в этом отношении калькирует византийскую диглоссию (ср. Исаченко 1980, 78-80).

Возведение формуляра древнерусских грамот к византийской частной грамоте делает излишним упомянутое непроверяемое предположение о заимствовании начальной формулы из древнеболгарской канцелярской практики, так как церковнославянские элементы в формуляр древнерусских грамот могли проникнуть уже и на территории Руси в результате осознания функционального параллелизма церковнославянского и греческого (книжного) языков (ср. Успенский 1983, 16-23); форма личного местоимения

азъ была достаточно распространена в русском церковнославянском языке XI в., она употреблялась не только в канонических текстах, но и в записях русских писцов, ср., напр., в приписке дьякона Григория к Остромировому евангелию 1056-1057 гг.: Азъ Григории диѦако(н) (Обн. - Барх. I, 15), в приписках к Новгородским служебным минеям 1095-1097 гг.: Азъ грѣшныи рабъ ѡжии недостойныи дѣмъка [...] азъ бо есмь грѣшныъ невѣжа (там же, 30), в записях Мстиславова евангелия конца XI - начала XII вв.: азъ бо грѣшныи рабъ алекса... Азъ рабъ ѡжи... (л. 213 а), азъ же хоудый наславъ (л. 213 б). (В тексте самого евангелия - правда, только в единственном случае - засвидетельствована и русская форма Ѧа: Ѧа изгоню ѡбси - л. 83 а, Мст. ев. 289 и 123; ср. Дурново 1924, 257). Сочетание се азъ часто встречается в евангельских текстах, в том числе и некоторых очень часто цитируемых, как напр., Мт. XXIII, 20: и се азъ съ вами Ѧесмь въ вса дни. до скончаниѦа вѣкоу. (Мст. ев. л. 163 в, с. 219). Таким образом, эта формула вполне могла быть создана как русско-церковнославянский эквивалент соответствующей греческой формулы, и нет никакой необходимости предполагать при этом и само по себе сомнительное болгарское канцелярское посредство.

Можно полагать, что той языковой практике, которую мы можем проследить в древнерусских грамотах с XII в., предшествовал период, когда в качестве актового языка на Руси пользовались и греческим языком. На такое положение вещей указывает тот факт, что почти на всех сохранившихся княжеских и митрополичьих печатях XI в. мы находим греческую надпись (см. Янин I, 14-59; ср. также греческую надпись на княжеской печати еще и в начале XII в., Соловьев 1961). Греческая надпись на печатях митрополитов, почти исключительно греков по проис-

хождению, не вызывает удивления, но такая же практика на княжеских печатях служит доказательством того, что греческий язык был использован и в светском, государственном делопроизводстве. Если принять, что древнерусский административный язык к XII в. исторически заменил греческий, с которым он в XI в. еще сосуществовал, то становится понятным наличие греческих калек внутри текста (вне формуляра), отмеченное А.В.Исаченко в Мстиславовой грамоте ок. 1130 г. (Исаченко 1970; 1980, 115–118) и В.М.Живовым в Уставе Ярослава (Живов 1984, 78–79). Как установил А.С.Львов, сам термин грамота был заимствован древнерусским языком изустно прямо из греческого, минуя вообще старославянское посредство (Львов 1966). Все эти факты убеждают нас в правоте взгляда, согласно которому книжная культура древней Руси восходит к византийской христианской культуре через южнославянское посредство, но образцы грамот были получены русскими прямо от греков (ср. Годинка 1891, 18); причины же своеобразия формуляра древнерусских грамот, как было указано выше, следует искать в том, что этот формуляр восходит к формуляру византийских частных актов, который на Руси распространился и в княжеском делопроизводстве.

В связи с этим возникает вопрос, почему именно формуляр частных актов получил общерусское распространение к XII в. Можно думать, что в Киевской Руси, как и на других перифериях византийского мира — в Южной Италии, в Венгрии — образцы деловых документов насаждали книжники, не получившие специальной канцелярской выучки (ср. Моравчик 1938, 411), но имевшие некоторые навыки в составлении бытовых документов (жалованных, купчих, духовных грамот), и из-за отдаленности от царской канцелярии и редких сношений с ней на перифериях

именно этот формуляр лег в основу практики княжеских канцелярий. Таким образом, можно допустить, что в X-XI вв. в Киевской Руси не существовало другой княжеской канцелярской традиции, чем та, которая засвидетельствована, напр., в Мстиславовой грамоте ок. 1130 г. Однако если считать, что тексты договоров с греками X в., сохранившиеся в составе Повести временных лет, восходят на самом деле к одновременным славянским спискам, то необходимо признать, что в киевский период, даже до официального крещения Руси в 998 г., существовала и другая княжеская канцелярская традиция, пользовавшаяся - в соответствии с книжным греческим языком византийских царских грамот - русским книжным языком, т.е. церковнославянским, как это имело место, напр., в средневековой Сербии, где - в отличие от частных грамот - царские грамоты писались на церковнославянском языке. Если же считать, что сохранившиеся тексты договоров являются более поздними (XI в.) переводами с греческого, то употребление в них церковнославянского языка объясняется самим фактом перевода, поскольку в данный период "перевод с греческого с необходимостью предполагает применение церковнославянского языка" (Успенский 1983, 23). Существование отдельной княжеской канцелярской традиции в X-XI вв., отличной от отразившейся в первых сохранившихся грамотах XII в., доказать невозможно ввиду отсутствия до XII в. княжеских грамот, дошедших до нас в подлиннике. В Уставе Владимира, относимом большинством исследователей к началу или первой половине XII в., но сохранившемся в списках начиная с XIV в., мы находим уже привычную формулу "Се азъ/язъ" с предшествующей инвокацией (см. Шапов 1976, 12-84); ту же самую формулу можно обнаружить и в списках Устава Ярослава (без инвокации), сохранившихся с XV в. (см. Ша-

пов 1976, 85-139). Таким образом, источники позволяют нам констатировать только то обстоятельство, что к XII в. в древней Руси как в княжеском, так и в частном делопроизводстве распространился формуляр грамот, обнаруживающий типологическое и, по-видимому, также генетическое сходство с формуляром византийских частных грамот, и в эпоху феодальной раздробленности древняя Русь вошла уже с установившимися образцами деловых документов, которые несмотря на распад Киевского государства на ряд самостоятельных княжеств продолжали и в дальнейшем служить образцами как для княжеских канцелярий, так и при составлении частных актов.

Традицию составления грамот по определенным образцам подерживала, несомненно, церковь, единственное общерусское учреждение в эпоху феодальной раздробленности. Надо полагать, что в ранний период (XI-XIV вв.) княжеские грамоты составлялись духовными лицами, как и в Западной Европе (ср. обзор у Каштанова, 1982). Во всяком случае, имеются известия о том, что княжеские печатники занимали высокие должности в церковной иерархии (напр. в XIII в. митрополит Кирилл был ранее печатником Даниила Романовича Галицкого, а в XIV в. нареченный митрополит Митяй ранее был печатником Дмитрия Донского, см. Штекль 1966).

3. Довольно последовательно выдержанный церковнославянский формуляр в восточнославянских деловых документах XII-XIV вв. при большом диалектном разнообразии самого языка этих грамот свидетельствует о продолжении в условиях феодальной раздробленности канцелярской традиции, сложившейся еще в киевский период.

Язык грамот, как известно, лучше других памятников отражает диалектное членение восточнославянской языковой территории

перерастающее, особенно в XIII-XIV вв., в формирование и консолидацию большинства характерных черт трех восточнославянских языков. Вследствие известных исторических обстоятельств развитие административного языка протекало, однако, не по линии русско-белорусско-украинской троичности, но в соответствии с объединением большинства восточнославянских земель в двух больших государственных образованиях - в Московском государстве и в Великом княжестве Литовском - к концу XV века привело к образованию двух восточнославянских государственных языков - великорусского (московского) и западнорусского (общего - в главных чертах - украинско-белорусского), не считая несколько особый (староукраинский в своей основе) язык молдавской канцелярии, функционировавший на периферии восточнославянской языковой территории в преимущественно неславянской среде.

3.1. В основу западнорусского делового языка лег галицко-волынский говор (Курашкевич 1934, 5-8; Станг 1935, 6-7; ср. также Курашкевич 1937, 57). Галицко-волынское княжество в XIII - первой половине XIV в. развивалось в тесных экономических, политических и культурных контактах со своими западными соседями - Польшей и Венгрией. Как можно судить по грамотам XII в., включенным в Галицко-Волынскую летопись (см. выше, с. 11), и здесь продолжались традиции деловой письменности, унаследованные из киевского периода. Однако необходимость частого общения с западными соседями привела здесь к возникновению также латинской канцелярии при княжеском дворе, памятники которой сохранились с первой четверти XIV в. (Срезневский 1882, 173-174; 177; 180; 185). К сожалению, не сохранилось ни одной подлинной галицко-волынской княжеской грамоты на русском языке из первой половины XIV в. (часто встречаемые в

разных публикациях грамоты Льва Даниловича оказались позднейшими фальсификатами, см. Грушевский 1902, Шевелев 1979, 222), поэтому мы не можем непосредственно сравнить русские и латинские грамоты, вышедшие из одной и той же галицко-волинской канцелярии. Однако можно предположить, что уже в этот период сосуществование латинской и русской канцелярий не могло не отразиться на языке и на формуляре русских грамот, поскольку некоторые элементы латинской, польской, немецкой социальной терминологии, а также дипломатической фразеологии отмечаются уже в Галицко-Волинской летописи XIII в. (см. Генсёрский 1961). После присоединения в 1349 г. Галицкой Руси к Польше (Волея тогда еще была захвачена Литвой) русский язык становится одним из двух (наряду с латинским) языков польской королевской канцелярии при Казимире III, так как согласно существовавшей между Польшей и Венгрией договоренности Галицкая Русь, на которую претендовала и Венгрия, должна была управляться отдельно (см. Пашкевич 1924, 6-7). Таким образом, Галицкая Русь оказалась под властью польского короля, но пока не в составе Польши; Казимир III считал себя наследником своих родственников — вымершего рода галицко-волинских князей. Об этом свидетельствует между прочим и его греческая грамота константинопольскому патриарху Филофею 1370 г. с просьбой о назначении в галицкие митрополиты епископа Антония (РИБ VI, Приложения, № 22, с. 125-128); польский король-католик выступает здесь в роли главы православного государства, наследника православных русских князей (отдельная галицкая митрополия была основана в 1303 г. по просьбе галицкого великого князя Юрия I Львовича, внука короля Даниила, см. Голубинский II/I, 96, II/2, 8). Особое положение Галицкой земли при Казимире III отражалось и в сохранении

особого государственного, административного языка этой области - "русского" (т.е. староукраинского, отражающего галицкую диалектную основу).

В области дипломатики внимания заслуживает тот факт, что первая русская грамота Казимира III, несмотря на наличие в тексте некоторого числа полонизмов, сохраняет древнерусский формуляр: А се А король казимир краковський и куавський и господарь рускоѣ землѣ даѣ Іесмѣ служѣ своєму иванови дворице (Пещак 1974, № 12, после 1349 г., с. 27), т.е. можно констатировать продолжение древнерусской (галицко-волинской) канцелярской традиции в польской королевской канцелярии. Это обстоятельство можно объяснить тем, что в королевскую канцелярию был принят человек (по наблюдениям В.Курашкевича, все три известные подлинные русские грамоты Казимира III принадлежат перу одного и того же лица, см. Курашкевич 1934, 5), не просто знающий галицкий говор и умеющий писать, но знающий и традиции галицко-волинского делопроизводства, продолжавший в краковской королевской канцелярии навыки, приобретенные еще в канцелярии последних галицко-волинских князей. В написанной в то же время латинской грамоте мы находим западноевропейскую начальную формулу со множественным величия: Nos Casimirus dei gratia rex Polonie dominusque terre Russie (Генсировский и др., 1907, 80). Древнерусский зачин сохраняется и в договорной грамоте волинского князя Дмитрия (Любарта) с Казимиром III 1366 г.: Се Іазъ князь великий димитрии (Пещак 1974, № 19, с. 38). Однако в договорной грамоте Казимира III с литовскими князьями 1352 г., оформленной в королевской канцелярии тем же писцом, - которым были написаны и указанные выше две грамоты, - мы находим уже другой зачин, заимствованный из латинских грамот: Вѣдаи то каждыи члѣвкъ

кто на тии листъ посмотреть (Пещак 1974, № 14, с. 30). Эта формула представляет собой ранний вариант начальной формулы, которая впоследствии становится повсеместной в западно-русских грамотах, ср., напр., в грамоте Витовта 1382 г.: Мы Великий князь Витовть чинимъ знаемо симъ нашимъ листомъ, кто на него узреть или услышитъ чтучи (Пещак 1974, № 30, с. 61); формула эта распространилась в латинской дипломатике разных европейских стран под влиянием имперской канцелярии Германии (Станг 1935, 134); в указанную русскую грамоту Казимира III она проникла из практики латинской канцелярии короля (ср. в латинских грамотах Казимира III: Notum facimus quibus expedit vniuersis; Notum facimus vniuersis presentibus et futuris, hanc litteram inspecturis и др., Станг 1935, 133-134), по-видимому, посредством польского (разговорного) языка; о польском посредничестве свидетельствует наличие слова лист 'грамота' в начальной формуле при употреблении древнерусского эквивалента грамота внутри текста (а што тои грамотѣ писано, тую жь правду литовьскимъ княземъ держати, Пещак 1974, с. 31).

После смерти Казимира III при совместном правлении Людовика Анжуйского и Венгрией, и Польшей Галицкая Русь была передана опольскому князю Владиславу в качестве венгерского лена (1372-1378 гг.). В единственной русской грамоте этого князя, сохранившейся в подлиннике (Пещак 1974, № 28, 1378 г., с. 59-60) мы находим в основном уже западноевропейский формуляр, но сохраняются и некоторые черты древнерусских грамот, т.е. грамота представляет своего рода контаминацию латинской и византийской канцелярской традиции. Грамота начинается с церковнославянской инвокации (Во имя ѿ(т)ца и сѣна и ѿго дѣха), но повествование ведется от первого лица множественного числа (Мы

кнѣзь володиславъ [...] то Іесмы вчинили...) и дата дается от рождения Христова; составитель акта назван писарем (а писаль кнѣжий писарь костько болестрашицкий), а не дѣяком, хотя этот Костько подписывался в более ранних (частных) грамотах как писарь пана старостынъ дѣякъ из болестрашичъ именем дѣячковиць (Пещак 1974, № 16, 1359 г., с. 34) или как поповичъ болестрашицкий именемъ дѣячковиць василовъ снъ поповъ кость пружвищемъ сорочичъ (Пещак 1974, № 20, 1366 г., с. 40). "Княжий писарь" Костько, сын православного священника, стал впоследствии, при Ягайле, перемышльским судьей, и в более поздних своих грамотах сочетает элементы византийско-древнерусского и латинско-польского формуляров: Во имя ѿца и сѣна и сѣго дѣа. Аминь. А се знаменито будь и свѣдочно всѣмъ добрымъ людемъ што на тотъ листъ оузоудратъ. А се Іа Фебрунь во Іевода познавамъ то нашимъ листъ /ом/ъ (Пещак 1974, № 53, 1391 г., с. 106; о принадлежности всех этих грамот перу одного и того же лица, т.е. Костьки, см. Курашкевич 1934, 6-7); при этом характерно, что после формулы а се Іа повествование ведется от I-го л. мн. ч.: познавамъ то нашимъ листъ /ом/ъ. Все это свидетельствует о том, что вытеснение древнерусского формуляра в галицком делопроизводстве проходило постепенно, через стадию сосуществования традиционного древнерусского формуляра с новым, усвоенным под влиянием латиноязычной канцелярской практики.

Сосуществование западной и восточной традиций выражается и в титулатуре Владислава Опольского в указанной грамоте 1378 г.: князь назван с одной стороны господарем (калька лат. dominus) и дѣдичем (калька польск. dziedzic, лат. heres; о титулах господарь и дѣдичъ см. ниже), с другой — самодержцем (калька греч. αὐτοκράτωρ, см. Острогорский 1935, 97). Возможно,

что титул самодержец входил в прошлом также в титулатуру галицко-волынских князей; в XIII в. засвидетельствовано употребление этого титула по отношению к Роману Мстиславовичу и Даниилу Романовичу (Острогорский 1935, 162; ср. также Гансёровский 1958, 58–60); о продолжении этой традиции может свидетельствовать и применение этого титула по отношению к Казимиру III в грамоте 1361 г., сохранившейся, правда, не в подлиннике, а в списке, внесенном в Перемышльскую городскую книгу (Пешак 1974, № 17, с. 35–36). Во всяком случае, употребление титула самодержец едва ли было нововведением князя-вассала Владислава Опольского; более вероятно, что он унаследовал его (как и титул господарь) от своих предшественников — независимых православных галицко-волынских князей посредством русской канцелярии Казимира III.

↑ Материал, приведенный из самых ранних галицких грамотах, свидетельствует о том, что замена русско-церковнославянского формуляра польско-латинским проходила здесь постепенно, через стадию сосуществования этих двух разных традиций. О первичности русско-церковнославянского формуляра и на этой территории достаточно убедительно свидетельствуют указанные грамоты галицко-волынских князей, сохранившиеся в Ипатьевской летописи. Поэтому предположение Г.Шевелева о том, что галицко-волынский канцелярский язык мог развиваться на основе разговорного языка этой области под чешским влиянием, но без участия церковнославянского языка (Шевелев 1979, 222, примеч. 17), представляется нам неприемлемым.)

После смерти Лядовика и ликвидации венгерско-польской персональной унии Галицкая Русь была воссоединена с Польшей; в 1386 г. великий князь литовский Ягайло, женившись на младшей дочери Лядовика, Ядвиге, стал королем Польши. К этому времени

Литва уже покорила значительную часть восточнославянской территории (см. Хабургаев 1980, карта I7, с. 155); литовские завоеватели, не имевшие письменности на своем языке, в дипломатических сношениях со своими славянскими соседями пользовались русским языком; однако до унии с Польшей литовская великокняжеская канцелярия, если вообще существовала, находилась в стадии формирования; сохранившиеся договорные грамоты с соседними государствами были составлены в канцеляриях этих последних (договор с Польшей 1352 г. — в русской канцелярии Казимира III, перемирие с Дмитрием Донским 1371 г. — в Москве, см. Косман 1969, 98). Персональная уния Литвы с Польшей при Ягайле имела между прочим и то следствие, что в основу формирующейся литовской великокняжеской канцелярии была положена имеющая к этому времени уже известную традицию русская канцелярия при польском королевском дворе. Этим и объясняется, что формуляр литовских великокняжеских грамот уже во времена Ягайла калькирует латинские грамоты польской королевской канцелярии и не продолжает (а наоборот, постепенно вытесняет и в местном делопроизводстве) традиционный древнерусский формуляр (Соболевский 1980, 71; Станг 1935, 132-141; 1939, 101). Существование русской канцелярии в Польше, развившейся по историческим причинам на южноукраинский (галицкий) диалектной основе, не могло не отразиться и на языке литовских великокняжеских грамот: на первых порах в них преобладают элементы именно южноукраинских говоров, а не, как ожидалось бы, черты одного из белорусских говоров; черты белорусского языка берут верх в великокняжеских грамотах лишь ко второй половине XV в. (Станг 1935, 50-51).

До унии Литвы с Польшей под влиянием подвластного Литве, но стоявшего на более высоком культурном уровне восточносла-

вянского населения происходил процесс христианизации литовской знати, многие представители литовских княжеских родов приняли христианство (разумеется, в его православном варианте) задолго до официального крещения Литвы (в католичество) в результате кревской унии в 1386 г. Литовские великие князья Гедимин (1316-1341) и Ольгерд (1345-1377) достигли даже того, что был поставлен особый митрополит для Литовской Руси (Голубинский II/2, 8-10). Крещение коренного населения Литвы в католичество обозначало и переименование части православной литовской знати и открывало путь католической пропаганде не только в собственной Литве, но и в подвластных ей русских землях. "И оттоле начаша крестити Литву в латынскую вѣру, и присла [Ягайло] архиепискупа к Вилни в Литовскую землю, и тогда начаша костелы ставити по всей Литовской земли" — рассказывает западнорусский летописец (ПСРЛ XXXV, 64). Часть обрусевшей литовской знати, однако, сохранила православие, и стала впоследствии защитником веры в Литовской Руси. В великокняжеском центре при Ягайле (1386-1392) и Витовте (1392-1430) господствовали католические, польские обычаи; в русской канцелярии этих князей составлялись грамоты, по языку восточнославянские, с преобладанием все еще южноукраинских диалектных черт (Станг 1935, 7, 19-21), но по формуляру уже латинские. Можно думать, что ко времени Ягайла ослабла уже и связь русской канцелярии с православным духовенством (прослеживаемая еще в предшествующий период, см. выше); характерный древнерусский формуляр контаминируется с польско-латинским также в грамотах самих православных духовников, ср., напр., грамоту луцкого епископа 1398 г.: А с е а з ъ вѣѣка
иванъ из луцка з н а е м о ч и н ю в с ѣ м ъ а же
да(л) ми г(с)дарь мой великий король митрополью галицкую (Пе-

шак 1974, № 73, с. 135-136). Во всяком случае, церковнославянский элемент в великокняжеских грамотах при Ягайле и Витовте сводится к минимуму, а элементы языка государственного делопроизводства проникают все шире и шире в язык частных актов, в том числе и в язык православной церковной администрации. С обращением Литвы в католичество православие в Литовской Руси стало религией лишь допустимой, но не государственной; православная церковь была лишена непосредственного влияния на дела государства. Это обстоятельство препятствовало занятию православными высоких государственных должностей, в том числе и значительных должностей в великокняжеской канцелярии. Русским отделением канцелярии Витовта заведовали литовские бояре, "русскими" (т.е. украинцами или белоруссами) были только писари; латинским отделением заведовали поляки (Косман 1969, 111). Окончательная замена названия профессии дьяк словом писарь в западнорусском - в соответствии с лат. scriba, польск. pisarz - указывает также на разрыв светского, государственного делопроизводства с православными (византийскими) традициями. Если в русских грамотах Казимира III и Владислава Опольского обнаруживаются еще следы древнерусского (церковнославянского по языку) формуляра, унаследованного от прежней галицко-волинской канцелярии, то при Ягайле и Витовте завершается процесс реориентации западнорусской дипломатики на латинские образцы, которые начинают калькироваться со всей очевидностью при посредстве польского разговорного языка, а не при помощи церковнославянского. Предполагается при этом и влияние чешского языка и чешской дипломатики (см. Соболевский 1980, 72; Мацурек 1958, 1960, 1960а, 1966; ср. Чабан 1962, I.Я. 1967). Это мнение опирается на сходство формуляра чешских и галицких грамот XIV - XV вв., а также

на сходстве лексического материала формулярных элементов. Так как в Польше деловые документы в это время писались исключительно на латинском языке, Й.Мацурек считает возможным, что галицкие (а также молдавские) писцы следовали не польско-латинским, а именно чешским образцам. В связи с этой гипотезой необходимо указать на тот факт, что галицкие грамоты сохранились с более раннего времени, чем чешские (самая древняя чешская частная грамота — 1370 г., королевская — 1394 г., см. Мацурек 1960, 176), хотя это, конечно, может быть и случайностью, как это полагает Й.Мацурек, который принимает, что именно галицкие грамоты, опережающие по времени первые сохранившиеся чешские грамоты, доказывают употребление чешского языка в делопроизводстве в самой Чехии уже около середины XIV в. Это построение носит явно гипотетический характер и ввиду отсутствия чешских грамот, хотя бы одновременных с первыми галицкими, непосредственное чешское влияние на галицкую канцелярскую практику второй половины XIV в. не может быть доказано. Сходство формуляра украинских и чешских грамот объясняется, на наш взгляд, намного проще — их общей зависимостью от тех же латинских образцов. Отсутствие грамот на польском языке в данный период свидетельствует лишь о том, что в польских канцеляриях не писали на польском языке, но едва ли можно себе представить, чтобы не существовал польский разговорный вариант документов, составляемых на латинском языке. "Типично чешские слова", обнаруженные Й.Мацуреком в галицких и молдавских грамотах, являются словами общими для чешского и польского языков (в ряде случаев, конечно, в результате сильного влияния чешского языка на польский), поэтому они не могут свидетельствовать о непосредственном чешском влиянии на язык староукраинских грамот. Слабой

стороной гипотезы Й.Мацурека следует признать и то, что политические связи Галицкой земли с Чехией (и то посредством Силезии) автор может проиллюстрировать только начиная со времени правления этой областью Владислава Опольского (между тем как тесные политические связи Галицкого княжества с Польшей прослеживаются в источниках уже с самого начала существования этого княжества). Богемизмы русских грамот Казимира III — это, на наш взгляд, богемизмы польского языка, которые попали в эти документы в результате совместной работы польских и галицких писцов в польской королевской канцелярии, т.е. мы считаем гипотезу о прямом влиянии чешского языка на язык самых древних галицких грамот недоказанной и даже маловероятной (ср. Кохман 1971, 69 — 71, 1974, 145 — 147, 1975, 13 — 16; ср. также Гумецкая 1967).

На протяжении XV в. происходит постепенное перемещение диалектной основы языка литовской великокняжеской канцелярии. Если при Ягайле из-за преемственности между польской королевской русской канцелярией и литовской великокняжеской в великокняжеских документах преобладают украинские черты, то при Казимире IV (1440—1492) заметно вырастает число грамот, написанных белорусскими писцами (Станг 1935, 50—51) и в следующий период, в годы правления Александра (1492—1506) и Сигизмунда I (1506—1548) вырабатываются относительно устойчивые нормы делового языка; этот период Станг называет периодом "классической формы литовско-русского языка" (Станг 1935, 52; ср. также Журавский 1978, 186—187).

Общую характеристику этого языка, данную Стангом, можно подытожить следующим образом:

В области фонетики преобладающее большинство грамот характеризуется смешиванием ѣ и е во всех позициях, диалектным

признаком севернобелорусских говоров, расположенных ближе к столице, г. Вильне: южнобелорусская (и североукраинская) трактовка ѣ (ѣ > е только в безударном положении) характеризует только ок. 20-25% великокняжеских грамот. Кроме того, фонетическую систему "классического периода" характеризуют еще следующие особенности:

- отсутствие аканья (засвидетельствовано лишь несколько случаев гиперкорректного написания о вм. а);
- отсутствие яканья;
- е > о после ш, ж, ч, щ, ц и перед твердыми согласными или в конце слова;
- ффрикативное г (взрывное г - пишется кг - только в заимствованиях);
- вѣ > у;
- депалатализация губных в конце слова;
- твердые ш, ж, ч, щ, ц (после них пишется ы);
- депалатализация р¹.

Из морфологических особенностей приводим лишь самые существенные:

- распространение ффлексии -у в род. п. ед. ч. существительных мужского рода с бывшей основой на -о- (за исключением существительных, обозначающих лиц),
- устранение результатов II-й палатализации у этих же существительных путем распространения ффлексии -у в мест. п. ед. ч. у существительных на -к, -г, -х;
- ффлексия мест. п. мн. ч. этих же существительных обычно -ех (< -ѣхѣ), после к, г, х - -ах/-ох (этот последний вариант под влиянием южных и югозападных белорусских говоров);
- в дат. и мест. п. ед. ч. существительных с основой на а

- результаты II-й палатализации сохраняются;
- флексия -ое род. п. ед. ч. прилагательных женского рода;
 - формы указательного местоимения тот: им. п. ед. ч. - тний, тв. п. ед. ч.
 - тымь, род. п. мн. ч. - тыхь, дат. п. мн. ч. - тымь, твор. п. мн. ч. - тими, мест. п. мн. ч. - тыхь;
 - 3 л. ед. и мн. ч. наст. вр. глаголов оканчивается на -ть;
 - I л. мн. ч. у тематических глаголов оканчивается на -мь, у атематических глаголов - на -мо (напр., есмо);
 - будущее время глаголов несовершенного вида образуется при помощи буду + инфинитив (Станг 1935, 63-114).

Как видно по приведенным особенностям, западнорусский деловой язык в этот период, хотя и обладал уже довольно четкой белорусской диалектной базой, избегал включения в норму тех белорусских особенностей (аканье, яканье, дзеканье), которые были целиком чужды украинскому языку. То же самое относится и к лексике: количество литуанизмов в памятниках западнорусской письменности ничтожно. Унаследованный общеславянский словарь пополняется главным образом заимствованиями из польского языка, общими для украинского и белорусского языков. Официальным языком Великого княжества Литовского, таким образом, стал в известной степени искусственный язык, имеющий наддиалектный характер, но благодаря именно этому наддиалектному характеру этот язык мог обслужить сперва только деловые, но впоследствии - особенно в XVI-XVII вв. - также литературные и отчасти даже культовые потребности украинского и белорусского населения Польско-Литовского государства, так как на основе этого языка возник новый литературный язык, т. н. "проста мова" (см. Успенский 1983, 68-69).

Нормированный западнорусский деловой язык распространился и в украинских областях (за исключением Галицкой Руси, где в 1433 г. русский деловой язык был заменен латинским, см. Соболевский 1980, 80-81, Шевелев 1979, 397).

3.1.1. На части земель, входивших раньше в состав Галицко-Волынского княжества или, по крайней мере, зависевших от него, в XIV в. образовалось Молдавское княжество. Восточнороманское население, переселившееся сюда из-за Карпат, встретило здесь еще живые восточнославянские (жужноукраинские) и, возможно, также жужнославянские (болгарские) говоры, но в Молдавии - в отличие от Валахии - преобладал восточнославянский элемент (Бернштейн 1948, 363-366). В основу канцелярского языка Молдавии лег жужноукраинский (галицкий) говор, в который проникали элементы церковнославянского языка (среднеболгарского извода), а также многочисленные местные слова как романского происхождения, так и заимствованные из разных соседних языков (венгерского, немецкого и польского) (Яцимирский 1909, I; Богдан 1908, 371; Станг 1935, 8; о полонизмах в языке молдавских грамот см. Стойкович 1973). В XIV-XV вв. кадры писцов для молдавских канцелярий поставляло местное славянское (в данном случае - украинское) население (Бернштейн 1948, 101). Галицкий говор, таким образом, в XIV в. лег в основу двух канцелярских языков - западнорусского и молдавского¹, но между тем как диалектная основа запад-

1) Несмотря на наличие обстоятельной монографии С.Б.Бернштейна о языке валашских грамот XIV-XV вв. (Бернштейн 1948), в литературе последних лет все еще встречается ничем не обоснованное мнение, будто бы западнорусский язык XIV-XVI вв. был государственным языком не только Литвы и Молдавии, но также Валахии (Филин 1974, 9, Журавский 1978, 185). Как известно, языком валашских грамот был болгарский.

норусского на протяжении XV в. изменилась (переместилась на север), молдавский канцелярский язык сохранил в основном свой южноукраинский характер, что и привело к некоторому обособлению языка молдавских грамот от языка западнорусских грамот (о языке молдавских грамот см. Ярошенко 1931), хотя в области дипломатики в молдавских грамотах наблюдается влияние западнорусских формул, которые иногда переплетаются с церковнославянскими; ср. характерный зачин молдавских грамот второй половины XV в.: Въ има ѿца и сѣна стѣго дѣхатр(о)ица стѣа и единосѣчнаа. и нераздѣлимаа. с е. азъ ра(б) вл(д)кы моего їсу хѣ. їѡ Стефа(н) воевода ѡжїеу м(л)-стїю г(с)п(д)рь земли. мо(л)давской знаменито чини(м) и(с) си(м) листо(м) наши(м) въсѣ(м) кто на(н) възри(т) или его чтучи оуслыши(т) (Русановский 1965, № 63, 1488 г., с. 127). Обращает на себя внимание неорганичность сочетания формул разного происхождения (се азъ ... чини(м) ... наши(м) – русско-церковнославянский формуляр предполагал бы повествование от 1 л. ед. ч.), отмеченная выше и в некоторых галицких грамотах XIV в. Такое же сочетание разных формул наблюдается и в закарпатской грамоте 1404 г.: Се азъ панъ радуль вицашпанъ маромуре(ш)скы(м) [!] и жупанъ ба(н)ко и тодѣрь [..] даємо вѣдомо симъ наши(м) листомъ въсѣ(м) кому кто по- смотреть на сесѣ листъ (Русановский 1965, № 65, с. 133–134). Интересны случаи, когда западнорусский формуляр переплетается с болгарским (опосредованным, по-видимому, канцелярией валашских воевод): Мл(с)тїа ѡжїеа. азъ алеѡандръ восвода, и г(д)нѣ въсеи Молдовлахїиской зем- ли, чинимъ знаменито, кто на сїе

п и с а н і е о у з р и т ь , и л и е г о о у с л ы -
ш и т ь . е ж е б ѣ л о п р о и з в о л и г (д) в о м и
(Русановский 1965, № 34, 1422 г., с.75) – здесь к несогласо-
ванности азъ с формой глагола чинимъ присоединяется еще и
конструкция господство ми с повествованием от 3-го л. ед. ч.
Встречаются, однако, и грамоты с западнорусским зачином в
чистом виде: Мл(с)тію бѣже мѣ александръ воевода господарь
земли мо(л)давской. чини(м) знаменито ис си(м) листомъ нашимъ
оусѣ(м) кто на(н) оузри(т) или его оуслыши(т) чтучи (Русанов-
ский 1965, № 35, 1422 г., с.77). Как видим, в дипломатике
Молдавии, развивавшейся на стыке разных культур, перекрещи-
вались разные канцелярские традиции: восточнославянские (вос-
ходящие к византийскому частному акту), южнославянские (вос-
ходящие к византийской царской грамоте) и западнославянские
(калькирующие соответствующие латинские формулы).

3.2. К концу XV – началу XVI в. все восточнославянские
земли, оставшиеся за пределами Великого княжества Литовского
и Польши (и, частично, также Молдавии и Венгрии) были объе-
динены Великим княжеством Московским. Параллельно с ростом
политической власти Москвы проходил процесс распространения
московского канцелярского языка, вытеснение им местных кан-
целярских языков, сложившихся на основе тех же самых киев-
ских традиций, но на местном разговорном субстрате, из кото-
рых как по количеству сохранившихся памятников, так и по
своеобразию языка выделялась деловая письменность Новгорода
и его колоний. Новгородская дипломатика характеризовалась и
особой начальной формулой (при частичном сохранении – преи-
мущественно для духовных – древнерусской формулы се азъ):
поклонъ отъ (...), которая засвидетельствована и в двух смо-

ленских грамотах 1284 и 1300 гг. (Смол. гр. 66-67; ср. Русановский 1978, 178), а также в полоцкой грамоте ок. 1300 г. и в грамоте рижан в Витебск ок. 1300 г. (Хрест. I, 42-43). Можно думать, что этот зачин распространился под влиянием интенсивных контактов северозападных русских земель с прибалтийскими немцами; указанные смоленские и полоцкая грамоты адресованы в Ригу. После присоединения Новгорода к Москве (1478 г.) на новгородских землях местный диалект в делопроизводстве был заменен московским (Соболевский 1980, 54). Таким образом, для изучения истоков канцелярских традиций и административного языка централизованного Русского государства первостепенное значение имеет исследование документов великокняжеской канцелярии.

В области дипломатики московские великокняжеские грамоты, сохранившиеся с XIV в., продолжают древнерусскую традицию. В духовной грамоте Ивана Калиты (ок. 1339 г.) мы находим древнерусскую (церковнославянскую) начальную формулу с инвокацией: Во имя о(т)ца и с(ы)на и с(в)атаго д(у)ха, се азъ, грѣшныи худыи рабъ б(о)жи Иван(ъ), а также санкцию, сходную с той, которая встречается уже в Мстиславовой ок. 1130 г.: А кто сю грамоту порушитъ, судитъ ему б(о)гъ (ДДГ № I, с. 7-11). Этот же формуляр с некоторыми факультативными приращениями сохраняется для духовных грамот на протяжении XIV - XVII вв. Начальная формула се азъ встречается также в некоторых ранних договорных грамотах: Се азъ, князь великий Семе)нъ Иванович (всеа) Рус(и) (ДДГ № 2, ок. 1350-1351 гг., с. 11), а также в перемирной грамоте послов великого князя литовского Ольгерда с Дмитрием Донским 1371 г. (ДДГ № 6, с. 21; эта грамота была составлена в Москве, что косвенно подтверждается в самом тексте: "А си грамота аже

буд(е)тъ кнѣзю великому Олѣбѣру не любѣ, инѣ отошлетъ", ср. Косман 1969, 98). Однако уже во второй половине XIV в. возникает новый зачин договорных грамот: По бл(а)гос(ло)в(е)нью отца нашего Алексѣя, митрополита всеѣа Руси, на сем, брате молодшии, кн(А)зь великий Михаил Олекса(ндр)ович, целуи ко мнѣ кр(е)сть, къ брату старѣишему, кн(А)зю великому Дмитрию Ивановичю (ДПГ № 9, 1375 г., с. 25, ср. Каштанов 1970, 35-36). Эта формула договорных грамот, выработанная уже в московской канцелярской практике, исторически заменяет формулу се азъ (сохранившуюся в частных грамотах до конца ХУ в.), по-видимому, через стадию, засвидетельствованную в договорной грамоте Дмитрия Донского с серпуховским князем Владимиром Андреевичем ок. 1367 г.: По бл(а)г(осло)в(е)нью о(т)ца нашего Олексѣя, митрополита всеѣа Рус(и), се ѣаз, кнѣзъ великий Дмитрий Иванович, докончали ѣсмы з братомъ с молодшим, со кнѣземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ. Целовали ѣсмы кр(е)сть оу о(т)ца своего оу Олексѣя, оу митрополита всеѣа Рус(и) (ДПГ № 5, с. 19).

Включение в начальную форму указания на благословление митрополита свидетельствует о том, что московская великокняжеская канцелярия в XIV-XV вв. развивалась в тесной связи с митрополичьей (ср. Водов 1979, 344). Это и способствовало сохранению в Московской Руси древнерусского (церковнославянского) формуляра, а также появлению и новых церковнославянских элементов в великокняжеских грамотах, заимствованных из практики митрополичьей канцелярии. К таким элементам относится, в частности, элемент титула всея Руси, заимствованный московскими князьями из титула митрополитов (Шахматов 1938, 77, Алеф 1959, 6) и получивший впоследствии - во время второго южнославянского влияния - форму всеа

Русии (Тихомиров 1969, 144). В отличие от Литовской Руси, где к концу XV в. церковнославянский элемент в великокняжеских грамотах исчезает, в Московской Руси ничто не препятствовало непрерывному воздействию церковнославянского языка на канцелярский язык, в первую очередь, разумеется, на устойчивые формулы, и это воздействие поддерживало употребление традиционных формул до Петровского времени (ср. Успенский 1983, 54, примеч. 2). Влияние церковнославянского языка на язык московской великокняжеской канцелярии не ограничивалось традиционными формулами; в XVI в. полонизмам в западнорусском языке противопоставляются нередко церковнославянизмы в великорусском деловом языке, напр., предок - прародитель, присяга - крестное целование, писарь - дьяк (ср. Золтан 1983, 340-341). Вместе с тем, язык великокняжеской канцелярии развивается на московском разговорном субстрате; этот разговорный субстрат к XIV-XV вв. мог включить в себя уже значительное количество прочно усвоенных церковнославянизмов. Наряду с церковнославянизмами московский деловой язык дополняет унаследованный восточнославянский словарь новообразованиями, местными бытовыми словами и выражениями, а также заимствованиями и кальками из тюркских языков (см. Горшкова 1951, Спринчак 1956а, Русановский 1978).

Г Л А В А I

ЗАПАДНОРУССКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТИТУЛЕ МОСКОВСКИХ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ

I. Развиваясь на разном диалектном субстрате, в разных государственных образованиях, в контактах с разными языками и культурными традициями, московский и западнорусский деловые языки к XV веку развили уже ряд характерных черт, на основании которых документы, написанные в Западной Руси, легко отличимы от документов, написанных в Северо-Восточной Руси, несмотря на то, что оба языка продолжали характеризоваться и в дальнейшем многими общими чертами, унаследованными из древнерусского периода. Унаследованный общевосточнославянский словарь обеспечил и в дальнейшем беспрепятственную коммуникацию между носителями двух языков; можно думать, что лексические различия между языком московских и западнорусских грамот в XV-XVI вв. еще не приводили к осознанию их как принадлежности двух разных языковых систем. Оба языка назывались в это время "рускими"; можно думать, что западнорусский язык воспринимался в Московской Руси как местный вариант единого "русского" языка, а это понятие, как известно, включало в себя здесь еще и церковнославянский язык, который отличался от московского делового языка не меньше, чем западнорусский. Во всяком случае западнорусские тексты в московских ответных документах цитируются без перевода еще и во второй половине XVI в., когда вследствие возрастающей полонизации западнорусского языка словарный состав двух языков уже сильно различался и в польско-русском диалоге на западнорусском языке уже имели место иногда и недоразумения вроде того, что Иван Грозный выражение Стефана Батория "твои послы пе-

ред маестат наш были возвани" (КПМЛ II, № 22, с. 45) воспринял как оскорбление (см. Иван Грозный 1951, 219, ср. 662).

В связи с тем, что государственным языком Великого княжества Литовского стал западнорусский, этот язык стал и языком дипломатии в сношениях Литвы с Московским государством. Поскольку Польша до Люблинской унии 1569 г. не имела общих границ с Россией, в условиях польско-литовской персональной унии (1386-1569 гг., с небольшими перерывами) дипломатические сношения Польско-Литовского государства с Московским рассматривались как литовско-московские. Употребление западнорусского языка польско-литовской дипломатией в сношениях с Россией согласно этой традиции продолжалось и после действительной унии Польши и Литвы в 1568 г. Традиция эта была поддержана по желанию русской дипломатии еще и в XVII в., когда в самой Западной Руси западнорусский деловой язык с одной стороны, все больше и больше уступал место польскому языку, а с другой — терял свой самостоятельный характер, превращаясь в вариант польского языка в кирилловской графике. Несмотря на явное незнание русского языка в польской королевской канцелярии, в 1646 г. русские послы в Польше возразили против предложения польской стороны, чтобы королевские грамоты русскому царю писались впредь на польском языке, так как "издавна повелось, что грамоты королевские к великому государю пишутся б е л о р у с к и м п и с ь м о м, и теперь, мимо прежних обычаев, по-польски писать не годится" (Соловьев У, 469-470). Этот эпизод показывает, что западнорусский деловой язык, в качестве дипломатического языка, несмотря на свой сильно полонизированный характер, воспринимался великоруссами в середине XVII в. все еще как свой язык, противопоставленный польскому как иностранному (Успенский и Живов 1983, 16).

Традиция использования западнорусского языка в качестве языка московской дипломатии имеет глубокие корни. Как на это указывалось во введении, западнорусская лексика богато представлена уже в московской посольской документации, сохранившейся с конца XV в. (Лурье 1963, 263). Этот материал был использован в ряде работ по истории русской лексики (Фогараши 1958, Кохман I—IV и др., Сергеев 1971, 1972, 1978).

Отмеченный исследователями факт, что уже в самых ранних дошедших до нас документах этого рода засвидетельствовано довольно много польских и западнорусских по происхождению слов, и этот пласт лексики характеризует не только памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским (ПДП I), но также с другими европейскими государствами, в частности, с Германией (ПДС I), позволил А.Л.Хорошкевич даже утверждать, что "в 1489 г. посольским делопроизводством [в Москве — А.З.] ведали либо поляки, либо белорусы" (Хорошкевич 1980, 233). То обстоятельство, что в посольской документации, сохранившейся случайно именно с конца 80-х гг. XV в., западнорусская лексика используется в сношениях с иностранцами вообще, заставляет предположить, что такая языковая практика сложилась уже раньше и часть полонизмов проникла в московский канцелярский язык до фиксации их в "Посольских книгах". Как будет показано в дальнейшем, использование западнорусского языка московской дипломатией в качестве "lingua franca" в общении с Западом и в более раннее время подтверждается разного рода источниками, относящимися как к церковной, так и к светской дипломатии. Лексическая диффузия между двумя "русскими" языками может иллюстрироваться историей ряда великорусских слов, усвоенных на протяжении XV в. из западнорусского. К ранним примерам западнорусских заимствований в великорусском от-

носятся, в частности, элементы титула московских великих князей - господарь и отчичь и дѣдичь.

2. Самый обычный титул московских великих князей, а затем русских царей - государь, появляется в московской письменности сначала в форме господарь/осподарь; эта форма остается официальной до начала XVII века (ср. еще на печатях Бориса Годунова 1599 г.: господарь всеа Роусі, СГГД II, № 73, с. 155, и Ижеди-митрия II 1609 г.: господарь всеа Руси самодержецъ многихъ гос-подарствъ господарь, СГГД II, № 179, с. 362).

Само слово господарь является общеславянским только в значении 'хозяин, владелец', а не как титул главы государства. В древних памятниках славянских языков в этом последнем значении слово отмечается только в восточнославянском и в сербском. Единичные случаи употребления слова господарь в значении 'властитель, правитель' в древнейших валашских грамотах конца XIV в.-XV вв. объясняются влиянием сербской дипломатики (Д.Богдан 1933, 270-271); сочетание krol gospodarz в единственном - не-локализованном - древнепольском памятнике 2-й пол. XV в. (ССтп II, 467) является, по всей вероятности, украинизмом (ср. формы nistu, namistnik в том же тексте, см. Лось 1915, 539; ССтп У, 67; ср. также сочетание hospodar krol в львовской гра-моте 1400 г., Лось 1915, 283 - по позднему списку).

Исследования историков (Штекль 1954, II4-II6; ср. Алеф 1959, 6; Водов 1978, 25) показали, что титул господарь проникает в письменность Московской Руси из Литовской Руси в первой полови-не XV в. (обратный путь заимствования предполагает А.Л.Хорошке-вич, однако без аргументации, см. Хорошкевич 1980, 88, примеч. 65); но происхождение титула в самом западнорусском остается не выясненным. На самом деле, в памятниках великорусских областей,

вошедших к концу XV — началу XVI в. в состав Московского государства, слово господарь в функции великокняжеского титула до XV в. не засвидетельствовано, хотя само слово господарь в исходном своем значении 'хозяин, владелец' было хорошо известным на всей восточнославянской территории как в памятниках церковно-литературного, так и делового характера, ср., господарь въ нѣтажѣ, нѣдѣ (Арциховский и Борковский 1963, 69-71); в Синайском патерике XI-XII вв.: не вѣдушю господарю нивѣ (Син. пат. 61; Срезн. I, 563), вѣсхотѣ ѿа господарь съжечи (Син. пат. 146). Как социальный термин 'владелец раба, холопа' господарь отмечается в ряде договорных грамот и юридических документов XIV-XVI вв. в Новгороде (ГВНГ № 6, 1304-1305 гг., с. 16; № 7, 1304-1305 гг., с. 17-18; №№ 9-10, 1307-1308 гг., с. 20-22; № 14, 1326-1327 гг., с. 28 и др.), в Москве ("Правосудье митрополичье", АСЭИ III, № 8, ок. 1390-1420-х гг., с. 24; Судебники XV-XVI вв., Срезн. I, 571), а также в Западной Руси (Судебник Казимира IV 1468 г., Яковкин 1936, 12-14). Судя по ранней фиксации слова господарь 'хозяин, владелец' в древнерусских памятниках, а также по его широкому распространению по всей восточнославянской языковой территории в XIV-XVI вв., оно принадлежало и в древнерусском языке к праславянскому наследию несмотря на то, что А.А.Шахматов и вслед за ним Р.О.Якобсон считали его заимствованием из чешского на том основании, что слово господарь уже в древнейших памятниках выступает часто без начального г-: осподарь (Шахматов 1915, 178; Якобсон 1952, 390). Надо признать, что севернорусские написания осподи, осподинъ, отражающие произношение с[ɣ], вызваны не влиянием якобы заимствованного из чешского слова [ɣ]осподарь, а наоборот, произношение [ɣ]осподарь распространилось на севернорусской территории под влиянием однокоренных церковнославянских слов, т.е. в конечном итоге севернорусские написания осподарь, встречающиеся с XIII-XIV вв.

отражают влияние литургического произношения, сложившегося на южнорусском диалектном субстрате с ффрикативным [ʁ] (ср. Успенский 1968, 43 и 71, примеч. 43). Что же касается второго, более позднего значения слова господарь — 'верховный правитель, повелитель, монарх; титул монархов (князей, королей, царей)', то первые несомненные фиксации слова в данном значении относятся к грамотам, вышедшим из русской канцелярии польского короля Казимира III после завоевания им Галицкой земли в 1349 г.: А се А король казимиръ краковъский и куДвский и господарь рускоѡ землѡ (Пещак 1974, № 12, после 1349 г., с. 27; ср. также № 17, 1361 г. [по списку], с. 36). С таким же титулом упоминается Казимир III и в одной из галицких частных грамот: подъ державою великого крола краковъского казимира и господара рускоѡ землѡ (Пещак 1974, № 22, 1371 г., с. 44). В одновременных латинских грамотах Казимира III выражению господарь рускоѡ землѡ соответствует dominus terre Russie (1439 г., Генсировский и др. 1907, 80).

Тот факт, что слово господарь как элемент монаршеского титула исторически впервые засвидетельствовано в русских грамотах польского короля, считавшего себя наследником (в качестве правителя Галицко-Волынской Руси) последних галицко-волынских князей, может привести к выводу о том, что общеславянское господарь 'хозяин' либо приобрело новое значение в русской канцелярии Казимира III, либо же употребление слова в этом значении продолжает галицко-волынскую традицию. В связи с этим последним предположением следует иметь в виду, что русские грамоты Казимира III, как на это указывалось выше, являются не буквальными переводами латинских грамот, а своеобразной контаминацией древнерусских и латинских образцов; наряду с элементами древнерусского формуляра грамот мог сохраниться и традиционный ти-

тул последних галицко-волинских князей. На такую возможность указывает то обстоятельство, что в некоторых из латинских грамот последних галицко-волинских князей выступает элемент dominus Russiae: Andreas Dei gratia dux Ladimiriae et dominus Russiae (1320 г., Срезневский 1882, 177; Генсировский и др. 1907, 153); Georgius ex dono Dei natus dux et dominus Russiae (1334 г., Срезневский 1882, 185; Генсировский и др. 1907, 153). Нам кажется, что титул господарь Рускоѣ землѣ в русских грамотах Казимира III представляет собой не что иное, как кальку латинского dominus Russiae (ср. лат. dominus I. 'хозяин', 2. 'господин'), возникшую в результате сосуществования латинской и русской канцелярий, причем русское выражение возникло неизбежно в русской канцелярии Казимира III, где оно впервые засвидетельствовано, а, возможно, уже несколько раньше, в первой половине XIV в. — в канцелярии галицко-волинских князей, откуда и перешло в канцелярскую практику при дворе Казимира III.

Ввиду отсутствия подлинных русских грамот галицко-волинских князей первой половины XIV в. наше предположение о существовании такой традиции в Галицко-Волинской Руси остается непроверяемой гипотезой; тем не менее остается фактом, что титул господарь Рускоѣ землѣ появился в среде, в которой сосуществовали славянские и латинские языковые и канцелярские традиции.

Необходимо отметить, что в одном случае господарь засвидетельствовано в сочетании со словом князь намного раньше указанных грамот в надписи на чаре черниговского князя Владимира Давидовича до 1151 г.: а се чара кнѧ[жа] володимирова давидов[и]ча кто из нее пѣ[е] тому на здоровье, а хвала бога [и] своего господара великого кнѧ[за] (Срезневский 1882, 60-61; Обн.-Барх. I, 35; Рыбаков 1964, № 24, с. 28-29 и табл. XXIX); слово господарь в этом тексте толкуется исследователями автоматически как

'государь'. Однако, судя по контексту, слово ωсподарь здесь может означать и 'хозяин', и ввиду совершенной изолированности фиксации слова (г)осподарь в качестве титула вплоть до середины XIV в. следует, на наш взгляд, отдать предпочтение именно такой интерпретации слова осподарь в этом памятнике ('пусть хвалят бога и своего хозяина, великого князя'); в данном случае, по-видимому, мы имеем дело только с контекстуальным сближением значений 'хозяин' и 'правитель', обусловленным тем обстоятельством, что "хозяин", из чьей чары пили гости, и "правитель", т.е. князь, здесь одно и то же лицо. В связи с предполагаемой интерпретацией слова ωсподарь в этом памятнике укажем, что господарь в древнерусских памятниках могло употребляться и в контекстах, в которых оно в значении 'хозяин' противопоставляется гостям; ср.: "Тоу рѣ господарь гостемъ, да видимъ съ свѣщаи, звѣрь ли есть влѣзъ во дворъ" (XI в., по сп. XIV в., Ч. Николю IV, 7 - КДРС).

В связи с отсутствием начального г - в этом раннем памятнике, относящемся к Южной Руси, Г.Шевелев, который переход [г] > [ʔ] в этой области датирует концом XII - началом XIII в., не находя удовлетворительного ответа на пропуск буквы г, полагает, что ωсподарь в данном случае в значении 'господин' ('lord') было заимствовано из чешск. hospodář как элемент высокого стиля (Шевелев 1979, 351-352; исконность слова господарь в значении 'хозяин, владелец' - 'master', 'owner' - при этом автором не оспаривается; ср. указанную выше точку зрения А.А.Шахматова и Р.О.Якобсона). Такое предположение наталкивается на семантические трудности ввиду того, что hospodář в древнечешском не засвидетельствовано в качестве титула или формы обращения (не считая специального употребления этого слова в качестве титула аббатов, которое, однако, отмечается только с XVI в., между тем как само

слово в основном своем значении 'хозяин' засвидетельствовано многочисленными примерами уже с XIV в., см. Гебауэр I, 470). Если принять точку зрения Г.Шевелева, то следовало бы приписывать древнечешскому слову такую фиксацию, на которую имелось бы всего одно доказательство — черниговская надпись середины XII в., что весьма маловероятно. Следует отметить, что датировка перехода $[ɣ] > [r]$, устанавливаемая Г.Шевелевым на основе хронологии написаний, отражающих произношение $[d']$ на месте этимологического $[ɣ]$, не является обязательной. По мнению ряда ученых, переход $[ɣ] > [r]$ в Южной Руси завершился уже ко времени принятия христианства, чем и объясняется утверждение фриктивного $[r]$ в качестве устойчивого элемента русского литургического произношения (Шахматов 1915, 162, 178, 196; Трубецкой 1927, 63; Успенский 1968, 43, 71, примеч. 44). Если придерживаться этой точки зрения, то отсутствие буквы Γ в данной надписи может объясняться тем, что мастер был не черниговцем, а северноруссом. Возможно впрочем и то, что буква Γ на самом деле есть в этом слове в тексте надписи, так как буква Γ в предыдущем слове (своего) может относиться и к слову всподара, поскольку интересующий нас фрагмент надписи выглядит примерно так: свогосподара (см. точное отображение надписи у Рыбакова, 1964, с. 29), т.е. возможно, что мастер при изготовлении надписи пропустил одну из двух повторяющихся секвенций го(Γω) и заметив ошибку, втиснул маленькую букву о на свободное место под Γ (ср. также другие пропуски в этом тексте, восстанавливаемые издателями). Нам представляется самым вероятным именно такое объяснение пропуска буквы Γ в этой надписи (данное Б.А.Успенским), потому что оно избавляет нас от необходимости прибегать к неестественным и тем самым маловероятным гипотезам о причинах отсутствия Γ — в этом

одном, совершенно изолированном в свое время случае употребления слова господарь в сочетании со словом князь. Как бы то ни было, следует констатировать факт, что до появления слова господарь ок. середины XIV в. в русской канцелярии Казимира III у нас нет положительных свидетельств об употреблении этого слова в качестве элемента русского княжеского титула не только в севернорусских, но также в южнорусских областях. Это обстоятельство не исключает той возможности, что титул этот мог быть заимствован королевской канцелярией из канцелярской практики последних галицко-волинских князей, но и в этом случае нет оснований предполагать, что это слово вошло в титулатуру галицко-волинских князей значительно раньше первой фиксации их титула dominus Russiae в латинских грамотах (1320 г.); естественнее считать, что, наоборот, если эта семантическая калька возникла на самом деле в галицко-волинской канцелярской практике, то она была создана после введения латинского образца.

На именно канцелярское происхождение титула господарь указывает и то обстоятельство, что в западнорусском слово господарь не стало эквивалентом латинского dominus при обращении к любому представителю знати, а сохранилось для обращения к верховному правителю (королю, великому князю и — реже — удельным князьям); как форма обращения к другим знатым лицам распространился очень рано полонизм пань. В памятниках староукраинской деловой письменности XIV-XV вв. слово пань засвидетельствовано 10800 раз (ССУМ II, 125), слово пані — 111 раз (ССУМ II, 123), между тем как господинь зафиксировано только 45 раз (ССУМ I, 255), а госпожа — всего 2 раза (ССУМ I, 256; 13 раз отмечена болгарская форма госпожда, но только в молдавских документах — ССУМ I, 256-257; в связи с частотно-

стью этих слов в староукраинских грамотах ср. также Спринчак 1956). Это обстоятельство приводит нас к выводу, что семантическая калька господарь и заимствование пань/пані заполнили реальный пробел в восточнославянской лексической системе, а слова господинь/госпожа мы должны рассматривать как элементы церковнославянского языка, т.е. как заимствования из древнеболгарского языка, не получившие в XIV в. еще широкого распространения в разговорном языке восточнославянского населения Юго-Западной Руси. На церковнославянское происхождение слова господинь указывает и то, что в староукраинских грамотах оно употреблялось преимущественно как титул молдавских воевод и как форма обращения к духовным лицам (ср. ССУМ I, 255). Что же касается Северо-Восточной Руси, то обращение к князю господинь отмечается Д.С.Лихачевым начиная с середины 70-х годов XII в. и считается им новым для этого периода политическим термином (Лихачев 1951, 25-26; ср. Виноградова Сл. I, 173-174). В свете приведенных данных трудно согласиться также с выводом О.Н.Трубачева о том, что можно "отвергнуть мысль о вторичном распространении слова gospodь из церковнославянского в другие славянские языки" (ЭССЯ УП, 62). Нельзя упускать из виду, что также др.-польск. gospodzin "господь" (почти исключительно о боге, ССтп II, 468-470) является, по всей вероятности, заимствованием из др.-чешск. hospodin (Славский I, 325), которое, в свою очередь, приобрело значение 'господь (о боге)' во взаимодействии со старославянским языком (Мареш 1967, 1262); слово господь, реконструируемое для церковнославянского языка чешского извода X-XI вв., было элементом словаря именно церковнославянского языка, а не древнечешского (Якобсон 1950, 268-270). Следует учитывать и то обстоятельство, что строгое различие слов господь 'о боге' и господин

'о людях' характеризует только язык православных славян, поэтому при распространении самих этих слов нельзя не считаться с влиянием церковнославянского языка. В церковнославянском языке русской редакции в начале XII в. (Мстиславово евангелие) господь еще могло употребляться и по отношению к "земному господину" (Жуковская 1972, 66-67), однако впоследствии и в восточнославянской области проводится строгое разграничение сфер применения этих двух слов. Единичные поздние случаи, когда господь выступает в обращении к представителю светской власти, как напр., в отчете русских послов Дмитрия Ларева и Митрофана Карачарова московскому великому князю Ивану III ("наяснѣшему и вышнѣшему господу, господу Ивану Васильевичу, царю всеа Руси" - 1504 г., КрД I, 519) объясняются явным подражанием западным формам обращения (ср. в латинских грамотах того же периода: "*illustrissimo domino, domino Ioanni ...*", см. Унбегаун 1935, 353). Как видно, имеются веские аргументы в пользу предположения о том, что как ^{*}govrodъ, так и ^{*}govrodinъ стали "общеславянскими" только благодаря средневековой культурной экспансии древнеболгарского. Очень раннее вытеснение слова господинъ заимствованным из польского словом панъ объясняется, по-видимому, тем, что слово господинъ ко времени начала интенсивных польско-восточнославянских языковых контактов в Юго-Западной Руси не успело еще укорениться в разговорной речи в качестве элемента языкового этикета. Слово панъ распространилось в Юго-Западной, а затем во всей Литовской Руси, несомненно под влиянием польского разговорного языка, но распространение титула господарь по отношению к верховным правителям обязано западнорусскому канцелярскому языку, откуда он в XV в. спорадически (см. выше), а в XVI в. уже все шире проникает и в польский язык в украинской огласовке (нов-

podar, см. СП УШ, 367-368, ср. Карпчук 1977, 56, 68, Мини-ковска 1980, 57-58, 1980а, 65). Таким образом появление значения "верховный правитель, монарх" у слова праславянского происхождения господарь мы должны признать староукраинской семантической инновацией, возникшей в результате семантической аккомодации славянского слова господарь 'хозяин' под влиянием лат. dominus.

Наши выводы о происхождении титула господарь в староукраинском подтверждаются историей этого титула в сербской дипломатике. Если рассмотреть сербские данные в хронологическом порядке, то оказывается, что отправной точкой распространения титула господарь в сербской дипломатике мы должны признать Дубровник, дипломатика которого в средневековье развивалась опять-таки в латино-славянском симбиозе.

Слово господарь в значении 'правитель какой-то области' в сербских грамотах встречается уже с XIII в., ср. в грамоте Стефана Радослава, данной Дубровнику в 1234 г.: ако ми богъ да и боудоу г о с п о д а р ь (Миклошич 1858, 19); в грамоте зетского князя Георгия Бакшича, данной Дубровнику в 1373 г.: и кол [...] буду г о с п о д а р ь ѿвоизи земли приморской, коѣа ѣе коло Дубровника (Миклошич 1858, 184). Однако случаи, когда слово господарь вне всякого сомнения входит в официальную титулатуру князей, относятся к первой половине XV в., ср. в грамоте 1436 г.: прѣде к намъ у Дубровникъ много славна и почтена племенита госпога Еелена, [...]кки много славного свето почившаго кнеза Лазара, г о с п о д а р а с р ь б л е м ь (Миклошич 1958, 386); в грамоте 1441 г.: прѣмисмо ѿдъ много славного господина Гюрга, г о с п о д а р а с р ь п с к о и з е м л и и к тому ниже речено благо (Миклошич 1858, 406). По-видимому, из переписки с Дубровником

закрепляется этот титул и за турецкими султанами в их сербских грамотах, так как по отношению к Дубровнику турецкая власть считала себя преемником прежних сербских королей и деспотов (Унбегаун 1975, 221; о роли сербского языка в Турецкой империи и вообще о роли сербов в турецком государственном аппарате см. Хадрович 1947, 44-48). Ср. в грамоте султана Амурата, данной Дубровнику в 1430 г.: Я велики госпо-
д а р ь и велики амира султань Амурать бегъ, синь великого
г о с п о д а р а и великого амире султань Мехеметь бега (Миклошич 1858, 362). В XV в. господарь становится постоянным элементом титулатуры турецких султанов в их сербских грамотах, соответствующим слову râdîşāh в турецких грамотах (ср. Бош-ков 1977-1979, 95).

У нас нет данных, которые позволили бы с достаточной уверенностью предположить сколько-нибудь тесные контакты между (галицкой или краковской) русской и далматинской сербской канцеляриями в XIV в. (хотя возможность контактов и не исключается, поскольку в XII-XIV вв. и Далмация, и Галич находились в сфере влияния Венгрии, и у нас есть некоторые исторические сведения о южнославянско-южнорусских политических, династических и церковных связях в этот период, см. Пацуто 1950, 238; Шушарин 1965, 444-445; Грицак 1958, 152), поэтому появление титула господарь почти одновременно в этих отдаленных друг от друга славянских областях мы должны признать результатом параллельной семантической инновации, для которой имелись сходные условия как в собственном языковом материале (наличие праславянского слова* gospodarъ 'хозяин'), так и в характере самых актуальных языковых контактов (сосуществование в обоих центрах славянской канцелярии с латинской).

Путь распространения титула господарь в Западной Руси хо-

рошо согласуется с общим ходом развития западнорусского делового языка. После смерти Казимира III мы встречаемся с этим словом в составе титула Владислава Опольского: рускоѡ земли господарь (Пещак 1974, № 28-29, 1378 г., с. 59-61), также подольского князя Александра Кориатовича: кнѧзь и гдѣрь подольской земли (Пещак 1974, № 24, 1375 г., с. 50), а затем, после унии Литвы и Польши, в составе титула Владислава Ягайла как польского короля и великого князя литовского одновременно. Есть все основания думать, что закрепление титула господарь за литовскими великими князьями совершилось как раз в те годы (1386-1392), когда Ягайло практически управлял обоими государствами, ср. в его договорной грамоте со смоленским князем Юрием Святославичем 1386 г., написанной в Вильне: Мы юрьи свѧтъславич кнѧзь великий смоленьскій даемъ ведомо кто коли сю грамоту видить а любо слышитъ с володиславом ѡбъѣмъ мѣстѣмъ с королемъ полскимъ литовскимъ и рускимъ иныхъ земель ѡсподаремъ так есмь оу докончаньи (Смол. гр. 72; Пещак 1974, № 37, с. 70), или в договорной грамоте Ягайла с его братом Скиргайлом 1387 г.: Владисла ѡбъ мѣ^сти король полский литовски и руски иныхъ земель гдѣрь (Хрест. I, № 18, с. 49). Эта титулатура полностью соответствует интитуляции латинских грамот Ягайла: Nos Vladislaus, Rex Poloniae ac Lithvaniae, Russiae et aliarum plurimarum terrarum Dominus (HRM Suppl., N CLXV, a. 1415, p. 454).

Таким образом, употребление слова господарь в соответствии с лат. dominus в титулатуре литовских великих князей является одним из элементов галицкого происхождения, перешедших в деловой язык Великого княжества Литовского в результате соединения литовской канцелярии с польской при Ягайле. В этот же период проникает титул господарь в язык

молдавской канцелярии, сначала как титул Ягайла (см. Пешак 1974, № 41-42, 1388 г., с. 79-81), а затем и как титул молдавского воеводы (см. там же, № 65, 1395 г., с. 125-126). В грамотах внутреннего управления молдавские воеводы в конце XIV в. пользовались еще титулом господинъ (см. там же, № 55, 1392 г., с. 109). В первой половине XV в. титул господарь становится обычным и в актах внутреннего управления, хотя иногда встречается еще и господинъ (ср., напр., грамоту воеводы Александра львовским купцам 1408 г., в тексте которой читается господарь, но на надписи привешенной к ней печати фигурирует гпнъ, см. Русановский 1965, № 32, с. 70). Ранняя история титула господарь однозначно указывает на то, что он был заимствован из западнорусской канцелярской практики (ср. Вьртосу 1960, 190-194; Миту 1963, 182).

Кроме официальной титулатуры сочетание господарь король появляется и в нарративной части западнорусских грамот как этикетная форма обращения к королю или упоминания о нем, в соответствии с лат. dominus rex и польск. pan król: дал ми гсдръ мой великий король митрополю галицкую [...] Іа за то слюбоую и хачу дати [...] моему милому гсдру королю двѣ стѣ гривень рускихъ (Пешак 1974, № 73, 1398 г., с. 136); межи нашимъ господаремъ кролемъ Владиславомъ Полскимъ (АОЗ I, № 9, 1404 г., с. 5). Поэтому нельзя согласиться с Г.Штеклем, который появление этой формы обращения в западнорусском датирует серединой XV в. и видит в ней результат персональной унии Польши с Литвой (Штекль 1954, II5). Указанные ранние фиксации сочетания господарь король (вне официальной полной титулатуры) относятся к подвластным Польше областям (Галич, Львов) и свидетельствуют скорее о том, что оно возникло в Галицкой Руси, где условия для сочетания этих двух титулов существова-

ли уже во второй половине XIV в. при Казимире III.

После того, как Ягайло передал управление Литвой Витовту (1392 г.), слово господарь вошло и в титулатуру Витовта. Правда, в немногочисленных сохранившихся подлинных русских грамотах самого Витовта обычен титул в сокращенной форме (мы князь великий витовтъ, Русановский 1965, № 8, 1407 г., с. 35, ср. также № 9, с. 36, №№ 56-57, с. 110-112; № 67, с. 128; № 78, с. 141), однако Витовт часто упоминается в современных ему документах с титулом господарь, ср., напр., в серии присяжных грамот подвластных Литве удельных князей 1400-1401 гг.: по смерти на^шго г^ос^дра великого к^няз^я витовта не искати ми иных г^осподаревъ мимо на^шег^о милого г^осподаря крола влодислава полского (Пешак 1974, № 81, с. 145-146, ср. также Русановский 1965, №№ 6-7, с. 33-34; АЗР I, №№ 17-20, с. 28-30) или в полоцкой грамоте 1407 г.: К^нязь великий Витовтъ литовьский, на^ш ѡсп(о)д(а)рь (Полоцк. гр. I, № 38, с. 108). Как видно из приведенных текстов, слово господарь к этому времени в западно-русском могло означать уже любого верховного правителя и могло выступать как общее название монархов с разными титулами. Употребление слова в таком обобщенном значении в западнорусском языке подтверждается и летописными источниками, в частности панегириком Витовту, составленным или еще при жизни Витовта (Охманьский 1982, 89), или вскоре после его смерти в 1430 г. (Смолка 1890, 18-19), включенным в состав ряда западнорусских летописей. Этот памятник интересен между прочим тем, что дается в нем обзор титулов современных Витовту европейских монархов и при этом для каждого из них употребляется обобщенное название господарь: господарь Угорьской земли, зомеи п^есарь римьский (имеется в виду Сигизмунд Люксембургский, венгерский король [1387-1437 гг.] и император Священной

Римской империи [с 1410 г.]); славному господарю, благоверному же и христолюбивому царю цариградскому; господарь земли Молдовьскыи и Басарабъ, по волоскому языку воеводн; господарь земли Болгарьской, по болгарьскому языку деспоты (ПСРЛ XXXV, 75-76).

Длительное "господарствование" Витовта в Литве (1392-1430 гг.) и его активное участие в общерусской политике несомненно способствовало распространению его титула как в подвластных ему областях, так и в смежных с ними восточнославянских землях (ср. Штекль 1954, II 5; Водов 1978, 25). Неслучайно поэтому, что проникновение титула господарь в великорусские документы относится как раз ко времени великого княжения Витовта в Литве.

В связи с назначением (по инициативе Витовта) Григория Цамблака в западнорусские митрополиты его титул попадает в соборную грамоту литовских епископов от 15 ноября 1415 г., написанную на церковнославянском языке: И тако нам скорбящимъ о церкви и о людехъ Божьихъ, подвиже милостивый Богъ сердце великого князя Александра, зовомаго Витовта, Литовскаго и многихъ Русскихъ земель господаря (АЗР I, № 24, с. 33; РИБ VI, № 38, с. 311); ср. также в окружной грамоте самого Витовта, написанной на западнорусском деловом языке, в которой он мотивирует свое решение об отделении Киевской митрополии от Московской: а ныне люди со стороны ркуть: "осподарь не в той вѣрѣ, того для церковь оскудѣла" (АЗР I, № 25, с. 36). Эти документы стали известными всей русской церковной иерархии, в том числе и великорусской, которая сохранила верность митрополиту Фотию, о чем свидетельствует сам Фотий: "Како убо стекшемуся скврньному Сбору, писанія по всей Руской земли посылать" (АИ I, № 19, с. 30, РИБ VI, № 39, с. 323). Об извест-

ности титула Витовта в Москве свидетельствует тот факт, что в послании константинопольского патриарха Иосифа II митрополиту Фотию 1416 г., переведенном с греческого (со всей очевидностью, в митрополичьей канцелярии), Витовт упоминается как осподарь: И сего ради писалъ царь святыи къ великому князю Витовту, тако же и мы, о исправленіи вещи сіа, и надѣмся, понеже естъ умныи о с п о д а р ь (РИБ УГ, № 40, с. 360). В документах сношений Витовта с великорусскими князьями только литовский великий князь титулуется словом (г)осподарь, ср., напр. в договорной грамоте Витовта с тверским великим князем Борисом Андреевичем 1427 г.: Се Іазъ, князь велики Борисъ Александровичъ тѣбрьски, взалъ есмь любовь таковоу с своим г(о)с(поди)н(о)мъ, з дѣдомъ, великимъ кн(А)з(е)мъ Витовтомъ и многихъ Русьскихъ земль г о с п о д а р е м ъ (ДПГ № 23, с. 62) или в договоре Витовта с великим князем рязанским Иваном Федоровичем ок. 1430 г.: Г(о)с(поди)ну, ѡ с п д а р ю моему, великом(у) кнАз(ю) Витовту, се Іазъ, кнАз(ъ) велики Иван Федоровичъ рАзанскы, добиль есми челом [...] и ѡ с п о д а р ь мой, кнАз(ъ) велики Витовтъ, приналъ мен(А) [...] на службу (ДПГ № 25, с. 67-68; ср. также аналогичную грамоту пронского князя Ивана Владимировича того же времени, ДПГ № 26, с. 68-68).

Принимая во внимание не только сохранившийся актовый материал, но и другие исторические сведения о личных контактах Витовта с московскими великими князьями, можно уверенно утверждать, что способ титулования великого князя в Литве был известен в Московской Руси уже в конце XIV — начале XV в. Как известно, Василий Дмитриевич обручился с Софьей Витовтовной в Западной Руси, где он провел довольно длительное время в 1386-1387 гг., еще до своего правления. Когда он вернулся в Москву,

пришли с ним "князи Лятцкіе, панове, и Ляхове и Литва" (Воскр. лет., ПСРЛ УШ, 52); в 1396 г. Василий I и митрополит Киприан были у Витовта в Смоленске (там же, 69), в 1397 г. Витовт встретился со своим зятем в Коломне (Натансон-Леский 1922, 25); в 1422 г. и 1425 г. Софья Витовтовна с малолетним Василием II ездила к Витовту (там же, 29, ПСРЛ ХУШ, 167; ХХУ, 245). Событием самого большого масштаба, на котором московский великий князь и сопровождающие его лица могли ознакомиться с этикетом, принятым во дворе Витовта, был, несомненно, съезд монархов в Вильне и Троках по случаю (несостоявшейся в конце концов) коронации Витовта в 1430 г., в котором участвовали великий князь Василий II и митрополит Фотий наряду с монархами Центральной и Восточной Европы (ПСРЛ ХХУ, 34; ПСРЛ ХХУП, 343; это, пожалуй, последний - до эпохи Петра I - случай, когда глава Московского государства добровольно ездил за границу, если не считать поездки Лжедмитрия, ср. Панченко и Успенский 1983, 61).

Таким образом, на наш взгляд, титул (г)осподарь не мог быть неизвестным в Московской Руси уже в первой четверти XV в., но он был известен как титул литовского великого князя.

Первое применение этого титула по отношению к московским великим князьям относится к духовной Кирилла Белозерского 1427 г. (по списку, АИ I, № 32, с. 62; АСЭИ II, № 314, с. 277-279, ср. Штекль 1954, II5); дериват господарство (в написании гдсрьство) засвидетельствован также в духовной митрополита Фотия 1431 г. в двух значениях: 'достоинство монарха' и 'область, подчиненная монарху', ср.: Буди жъ млсть и олгодать Гса Бга и прѣчистой Его Матери на моемъ снѣ, на Великомъ Кнѣе на Василье Васильевичѣ, и на его снѣхъ и внуцехъ, с вѣликим ихъ Гдсрьствомъ (СГГД II, № 17, с. 22, по списку XVI в., Срезн. I, 572;

Черных 1956, II3-II4; СРЯ IV, 108); И что, сну мои, ѿкуду мнѣ что пришло въ црковный домъ Хвсѣ и прѣчистыя Его Матѣри, в отчинѣ вѣликаго вашего Гдсрства, и от-ыныхъ земѣль, Гдсрствъ, Великихъ Княжении, и ѿ Литовской земли [...] и о томъ о всемъ тѣбѣ приказываю, сну моему, Вѣликому Кнѣзю Василью Васильевичю (СГГД II, № 17, с. 21).

Первые безоговорочно достоверные случаи употребления слова (г)осподарь в значении "верховный правитель" в московских великокняжеских документах, не имеющих никакого отношения к Западной Руси, встречаются в договорных грамотах Василия II с Дмитрием Шемякой 30-х гг. XV в., сохранившихся в подлиннике: А гдѣ будетъ ити нашимъ ратемъ, и гдѣ кто живетъ въ вашей очинѣ, кто кому служитъ, тотъ идетъ своимъ о с п о д а р е м (ДЛГ № 34, 1434 г., с. 88; ср. также № 35, 1436 г., с. 91-92, 94, 97, 99; № 38, 1441-1442 гг., с. 109, III, II4, II6). В более ранних договорных грамотах в статье подобного содержания выступает слово князь, ср.: а кто которому кнѣзю(ю) слоужитъ, где бы ни жилъ, тому с тѣмъ кнѣземъ и ѣхати, кому служитъ (ДЛГ № 14, ок. 1390 г., с. 40). В подобном значении слово господарь отмечается в послании Василия II константинопольскому патриарху Митрофану 1441 г., в котором московский великий князь просит разрешение на поставление в митрополиты рязанского епископа Ионы: И просимъ святѣйшее ти владычество [...] за неустроение и мятежи еже въ окрестныхъ насъ странахъ, и г о с п о д а р е ѿ умноженіа, свободно намъ сѣтворите въ нашей земли поставление митрополита (РИБ УІ, № 62, с. 535). Поставленный в митрополиты в конце 1448 г. Иона уже в том же году в окружной грамоте призывает жителей Московской Руси, чтобы они были челомъ своему г о с п о д а р ю великому князю о жалованьи [...]. А не имете бити челомъ своему г о с п о д а р ю ве-

ликому князю, [...] а за тѣмъ кровь христіанская прольется (РИБ УІ, № 64, с. 542; АИ І, № 43, с. 87). В качестве официального титула сочетание осподарь земли русской в Московской Руси засвидетельствовано впервые на монетах Дмитрия Шемяки до 1447 г.; на монетах Василия II с конца 40-х гг. XV в. читается осподарь всея Руси или осподарь всея русской земли (Алеф 1959, 6, II-12). Василий II называет себя господарем в договоре с суздальским князем Иваном Васильевичем 1448-1449 г: на семъ на всем, княз(ь) Иванъ /Васил/ьевич, целуи ко мнѣ кр(е)сть, къ своему г о с п о д а р ю, к великому князю Васил(ь)ю Васил(ь)евич(у) [...] А мене ти, своего ω с п о д а р а [...] держати ч(е)стно и грозно (ДПГ № 52, с. 155-156, 157-159; ср. Штекль 1954, II5). Заслуживает внимания, что этот договор был заключен "по благословению" митрополита Ионы и, возможно, в оформлении грамоты принимала участие митрополичья канцелярия (см. ниже, гл. II). В более ранних княжеских договорах московский великий князь писался "братом старейшим" по отношению к удельным князьям - своим "братьям младшим". О том, что новый титул господарь воспринимался как более высокий, чем прежний брат старейший, отчетливо свидетельствует одна из грамот митрополита Ионы, в которой говорится: "Вѣдаете, сыну, и прежнее, что ся състало отъ того князя Ивана Андреевича над нашімъ сыномъ, а надъ его братомъ старѣишимъ, а не рку, надъ братомъ, но надъ его Осподаремъ, надъ Великимъ Княземъ Васильемъ Васильевичемъ" (АИ І, № 56, 1454 г., с. 104).

В документах международных отношений Московской Руси при Василии II титул (г)осподарь встречается только по отношению к литовскому великому князю, как, напр., в тверско-московском

договоре (тверская грамота, ок. 1439 г., по списку середины XV в.): А будет вам, брат(е), взят(и) любовь с Жигимонтом, или с Литвою, или кто ины ш сподарь сдет на Литовьской земли, и вамъ, брат(е), без мен(а) любви не взят(и) (ДЦГ № 37, с. 106) или в послании Василия II греческому царю Константину Палеологу 1451-1452 гг.: мы, милостию Божию създаше съ своею матерью съ Великою княгиню, и съ нашею братьем с Русскими Великими князи и съ помѣстными князьми, и съ Литовскія земли Осподаремъ съ Великимъ Княземъ [...] (РИБ УІ, № 71, с. 578; АИ І, № 41, с. 84; ср. Алеф 1959, 8). Как показывают последние примеры, в середине XV в. при составлении документов внешних сношений в Москве отдавали себе отчет в том, что (г)осподарь — это титул литовского великого князя. Поэтому нельзя не согласиться с выводом Г.Штекля о том, что слово это было введено в титулатуру Московских великих князей по образцу литовских (Штекль 1954, II4-II6). Если наши выводы о происхождении титула господарь в западнорусском верны, то слово господарь 'верховный правитель', 'титул великого князя' в великорусском представляет собой один из ранних семантических латинизмов, проникших в формирующийся деловой язык Московской Руси посредством делового языка Западной (Литовской) Руси.

Так как инициатива по введению титула господарь для московских великих князей принадлежала духовенству (ср. Штекль 1954, II5), то есть все основания полагать, что слово господарь в своем новом значении в Московской Руси могло восприниматься как принадлежность церковнославянского языка, т.е. западнорусское по своему происхождению слово в великорусском превратилось в функциональный церковнославянизм. Усвоенный из западнорусского языка этот новый титул московских великих

князей на великорусской почве на первых порах мог восприниматься буквально, т.е. в общеизвестном здесь своем значении 'владелец раба, холопа', ср. в Псковской 2-й летописи под 1480 г.: "и сами господари великии князи о семь вѣсте, может ли един рабъ двѣма господарема работати; по еуангельскому словеси, ли единого възлюбит, а о друземъ не радити начнет; тако и мы не хоцемъ двема работати, но хоцемъ единого осподаря держатися великого князя Ивана Васильевича" (Псков. лет. П, 61; ср. Мт. VI, 24: "Ѳако никъи же рабъ можетъ двѣма господинома работати. или Ѳединого възненавидитъ. а друугааго възлюбитъ" - Мст. ев. л. 34а, с. 68). По-видимому, таким буквальным пониманием титула господарь было вызвано и сопротивление новгородцев признать московских великих князей Ивана III и его сына Ивана Ивановича Молодого своими "господарями", потому что "наперед того, как и земля их стала, того не бывало, ни которого великого князя государем не зывали, но господином" (1477 г., ПСРЛ XXV, 309; то же: ПСРЛ XVШ, 254; ср. Булахов 1961, 57).

В противовес московским притязаниям на титул господарь и новгородцы ввели его в титулатуру своей республики в последние годы ее независимости (ГВНП № 96, 1459-1469 гг., с. 152; № 156, 1476-1477 гг., с. 156, ср. Штекль 1954, 116). Возможно, что такое именно понимание нового титула было и в интересах московского великокняжеского центра, стремившегося к неограниченной власти и начавшего "проводить взгляд на своих вассалов и подданных как на "холопов" (Хорошкевич 1982, 40). На великорусском соотношении господарь - холоп (ср. соотношение господь - раб в церковнославянском при обычном соответствии русск. холоп - цсл. раб) базируется, по-видимому, и этикетное обращение подданных к великому князю как "холопов" к "гос-

подарю" ("государю"), отмечаемое в московских документах с конца XV в. (см., напр., ПДС I, I492, с. II4-II5), но неизвестное в западнорусских текстах. - Отметим, что Афанасий Никитин употреблял слово господарь также по отношению к богу (зм. господь), в переводе мусульманской молитвы: "Боже осподарю, боже, боже вышний, царю небесный" (Афан. Ник. 75), хотя в своих собственных молитвах он употреблял, конечно, слово господь ("Господи боже мой! На тя уповах, спаси мя, господи!" - Афан. Ник. 69).

Во второй половине XV в. еще не завершилось окончательное распределение титулов господарь и господинъ; в это время встречаются еще случаи, когда и духовные лица именуют себя "господарями", прибавляя новый титул к старому, как напр., новгородский архиепископ Иона в одной из грамот ок. I460 г.: "По благословенью преосвященнаго господина и осподаря архіепископа Великого Новагорода и Пскова владыки Ионы" (ГВНП № II5, с. I74 - КДРС). Однако позже господарь > государь стало ассоциироваться со светской властью, а в титуле архиереев употреблялось только традиционное господин, при этом титул господарь/государь считался более высоким, чем господинъ, ср. в письме старца Филофея дьяку Михаилу Мунехину I52I-I524 гг.: "[...] гсдну михаїлѣ григорьевичу, не токмо гсдну но ꙗко гсдрю моему нищїи чернецъ филофеѣ бѣга молю ꙗко челом бѣю. писал ты гсдрь ко мнѣ свою грамотѣ [...]"] (Малинин I90I, Приложение У, с. 33). В конце XVI - первой половине XVII в. в документах, вышедших из патриаршей канцелярии, патриарх титулуется официально "великим господином": "От великого господина Иева патриарха московского и всеа Руси [...]"] (см., напр., АМЗХ III, № I90-I9I, I95, 226, 250, 253-255 и др., I588-I600 гг., с. I98-235), такой же титул употребляли и митрополиты (там же, № 257-

258, 260-288, 1614-1616 гг., с. 235-271), между тем как их подвластные в письмах и челобитных обращались к ним словом "государь": "Государю святейшему Иаву патриарху московскому и всеа Русии твоего, государева [...] Волосова монастыря нищии твои, государев, богомолец игумен Пимин да твои холоп, государев, Иванец [...] челом бьет" (там же, № 245, 1598 г., с. 224, ср. также № 251-252, 1599-1600 гг., с. 229-231; № 263-269, 1615 г., с. 243-252). Из московских патриархов титулом "великий государь" пользовался некоторое время патриарх Никон, которого в 1654 г. специально наградил этим титулом царь Алексей Михайлович (Гиббенет I, 22), но когда в 1658 г. отношения царя и патриарха ухудшились, посланник царя князь Юрий Ромодановский обвинил Никона в том, что тот самовольно присвоил себе титул "великий государь", говоря: "Ты оскорбляешь царя, что пишешься великим государем; у нас один государь царь", и потребовал от имени царя, чтобы патриарх "впредь не писался и не назывался великим государем" (там же, I, 29-30; ср. титулатуру Никона в одних из его грамот 1658 г.: "От великого государя святѣйшаго Никона патриарха московскаго и всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи" - там же, II, 487). Этот же эпизод свидетельствует об изменениях, которые произошли в отношениях светской и духовной власти с ХУ в. к ХУІ в. Если раньше ряд титулов для монарха ввели фактически главы церкви (господарь, отчичь и дѣличь, самодержец), то теперь уже глава государства награждает титулом патриарха.

2.1. Под несомненным влиянием западнорусского языка распространилось в Московской Руси и слово господарство (в разных значениях: 'Власть, достоинство государя', 'область, земля, подчиненная государю', а также как почтительная форма об-

ращения к государю). Около середины XV в. слово господарство встречается во всех указанных значениях в грамотах митрополита Ионы, адресованных в Литву и в Казань, изобилующих западнорусизмами (о них см. ниже), ср., напр., в послании киевскому удельному князю Александру (Олелько) Владимировичу: въ тогдашня времена было господарство отъ того православнаго самодержьца всея руския земля Владимира на Кієвъ; въ господарствѣхъ рускыхъ господарей съ цариградскими цари негладости ради (РИБ УІ, № 66, прежде 3І января І45І г., с. 560-56І); в посольстве польскому королю и великому князю литовскому Казимиру ІУ: великѣй господарь, великѣй король [...] хотѣль еси въ другомъ своемъ богомоліи и господарствѣ, галичьской митрополіи, Божіи церкви и дома церковнии [...] къ святѣй Софѣи и кієвскому столу отдати по старинѣ, и велѣль еси намъ себя обослати тутю, въ томъ въ своемъ госпо- дарствѣ (РИБ УІ, № 68, с. 570); в послании смоленскому епископу Мисаилу: пришоль тутю къ вамъ в литовское оспо- дарство отъ римскіе церкви ученикъ (РИБ УІ, № 88, І460-І46І гг., с. 662); в грамоте к казанскому хану Махмутеку: Иона, митрополитъ кієвскіи всеѣа Роус(и), достоинѣю честь великомуу ти господарствѣ симъ нашим писаниемъ послали есмо, слыша, что же вышнѣ(о) б(о)га силою держишь свое господарство (АСЭИ ІІІ, № І0, ок. І455-І456 гг., с. 26).

Господарство как почтительная форма обращения возникла, по-видимому, по аналогии с формами владычество, господство, святительство, т.е. оно образовано по южнославянскому образцу, восходящему к византийской традиции (ср. І.3); в территориальном же значении оно, по всей видимости, восходит к за-

паднорусскому господарство, которое в западнорусском было относительно редким словом по сравнению с заимствованным из польского словом панство (ССУМ I, 254, II, 124; ср. Штекль 1954, II6), возникшим несомненно по образцу этого последнего. Польск. państwo, в свою очередь, калькирует лат. dominium и dominatio (в разных значениях, в том числе и в территориальном значении, см. Матушевский 1958, 87-89; ср. также польские глоссы в латинских текстах: dominus - pan, dominium - państwo, СЛП III, 836). Употребление слова господарство/государство в великорусском в соответствии с зап.-русск. господарство/панство, польск. państwo, лат. dominium наглядно явствует из контекстов, когда перечисляются или упоминаются разные владения одного и того же монарха, ср. уже у митрополита Ионы, который говорит о Казимире IV как о "самодержце великихъ двоихъ г о с п о д а р ь с т в ь" (РИБ VI, № 66, с. 562), т.е. Польши и Литвы как двух разных политических образований. В России Иван IV говорит о своих "государствах" в соответствии со своими владениями, перечисленными в титуле (ср., напр., АИ I, № 296, 1543 г., с. 539). Поэтому нельзя согласиться с мнением П.Я.Черных о том, что в применении термина государство к отдельным областям России в конце XVI - начале XVII в. проявлялась "грозная опасность территориального распада Московской Руси" во время Смуты (Черных 1956, 198-199); такое употребление слова обусловлено его происхождением и первичной семантикой; Псковская земля, напр., сама себя называла "господарством", ср. в надписи на печатах, отобранных Василием III при покорении Пскова в 1510 г.: печать господарства псковьскаго (СИТД II, с. У). Семантическая близость русск. господарство/государство и польск. państwo явствует также из записи Лжедмитрия I 1604 г., написанной парал-

лельно на русском и польском языках, в которой Лжедмитрий титулуется всѣхъ Гд^срствъ Московскихъ Гд^срь и дѣдичъ (wszistkich Panstw Moskiewskich Pan y Dziedzic) и обещает дать своей будущей жене два Гд^срства великие, Велики Новгородъ да Псковъ (dwoie Panstwa, Wielki Nowogrod y Pskow) (СГГД II, № 76, с. 159-161).

Таким образом, русск. господарство > государство, как и господарь > государь, представляет собой в конечном итоге семантический латинизм, опосредствованный западнорусским и (в случае с господарство) польским языками. Это тем более примечательно, что в двух остальных современных восточнославянских литературных языках (укр. держава, блр. дзяржава) для выражения понятия "государство" употребляется церковнославянизм держава, представляющий собой кальку с греческого (κράτος от κρατεῖν 'держать', 'властвовать', ср. Миклошич Сл. 177-178; СЯС I, 520-522), т.е. в данном случае русское слово государство сохраняет преемственность с западнорусским, тогда как украинский и белорусский литературные языки, отказавшись от собственной традиции, обратились к церковнославянскому источнику. (В современном русском литературном языке разные по происхождению слова государство и держава подверглись стилистической дифференциации).

2.2. Что же касается фонетического облика слов государь и государство, то самой трудной задачей является определение времени изменения господарь > государь. К концу XV в. в великорусских памятниках устанавливается подтительное написание слов господарь, господар(ь)ство в виде г^сдрь, г^сдр(ь)ство. Издателями памятников эти сокращения раскрываются обычно как государь, государ(ь)ство, хотя для такого издательского приема

по отношению к XV-XVI вв. нет достаточного основания, так как в тех относительно немногочисленных, но все-таки показательных случаях, когда эти слова пишутся без титула, мы находим только формы господарь/осподарь, господар(ь)ство/осподар(ь)ство, ср. напр., в надписи на печати Василия III: господарь всея Руси (АРГ, № 34, 1507 г., с. 40), Ивана IV: царь господарь всея Руси (АСЭИ III, № 278, 1577 г., с. 295), на монетах Ивана IV: осподарь всея Руси (Срезн. II, 735), ср. также на указанных выше печатях Бориса Годунова 1599 г. и Лжедмитрия II 1609 г. Написание господарь/осподарь встречается иногда и в текстах грамот XVI в., ср. осподарь (АРГ № 59, 1510 г., с. 64), господарской (АФХ П, № 315, 1565-1566 гг., по списку конца XVI - начала XVII в., с. 333). Господарство засвидетельствовано в Московском летописном своде конца XV в. (список I-II пол. XVI в.) под 1377 г. в тексте "Повести о Митие": "да повелить держава твоя со скоростию снитися епископомъ сущимъ въ Русстей земле под областю господарства твоего" (ПСРМ ХХУ, 197); господарство здесь употреблено в функции обращения к великому князю (как и держава), а не в значении 'владение, хозяйство' (ср. Ильенко 1958, 12), и попало в текст "Повести" при переработке ее во второй половине XV в., в первоначальной редакции конца XIV в. его еще нет (см. Прохоров 1978, 220, ср. 4-5, 125-126). О живучести формы господарство еще и в XVII в. свидетельствует ее фиксация в Уложении Алексея Михайловича 1649 г.: А будетъ кто измѣнитъ из Московскаго господарства отъ/ѣдетъ в иное господарство [...] и госдръ пожалует его (СРЯ IV, 100, ср. также другие примеры XVII в. там же), а также в предисловии к переводу Псалтыри на "простой, обиклой словенской Азыкъ" Авраамия Фирсова 1683 г.: Бываю(т) нынѣ в росіискомъ г^сдцарствѣ

несогласія, расколы (ГИМ, Син. 710, л. 3 об - указание Е.А. Целуновой; об этой рукописи см. Успенский 1983а, II2).

В свете приведенных данных нельзя согласиться с выводом Г.Штекля о том, что "около 1492 г. довольно резко прекращается употребление формы господарь в московских канцеляриях, и с тех пор государь становится единственным постоянно употребляемым обращением к московскому великому князю" (Штекль 1954, II5). Из наших данных вытекает, что к концу XV в. распространилось лишь сокращенное написание слова, и это свидетельствует лишь о приспособлении его к общепринятому сокращенному написанию однокоренных церковнославянских слов господь, господинъ.

Ранняя датировка формы государь в исторических и этимологических словарях основывается в конечном итоге на произвольной интерпретации подт[—]ительного написания г^сдрь, принадлежащей либо самим авторам этих словарей, либо перенятой ими из публикаций, не преследующих лингвистических целей, в которых титулы раскрываются без оговорок. Между тем первые положительные доказательства в пользу наличия формы государь в русском языке относятся к концу XVI - началу XVII в., хотя в это время употреблялась еще и форма господарь. Ввиду того, что в русских текстах этого времени преобладает подтительное написание, первостепенное значение приобретают свидетельства иностранцев. Так, Штаден во второй половине XVI в. пишет haspodar (Исаченко 1980, 276), Флетчер (1591 г.) - hospodare (Лиминг 1967, 210-211), Маржерет (1607 г.) - hospodar, ospodar (Ворт 1981, 205; ср. Живов 1982, 339, 346), Фенне (1607 г.) - aspodar, aspodarschoi, gospodar (Фенне I, 38, 480, ср. II, 24, 455; другие примеры см. Успенский 1971, с. LVI). Однако в словаре Соважа (1586 г.) наряду с формами асподарь, асподарыня

(aspondare; aspondarenia, aspondarinnia) встречаются уже и формы асударь (asoudare, assoudare) и асударыня (asoudarinie) (Ларин 1948, по указателю), правда, не в составе царского титула, а только в качестве вежливого обращения. Джемс (1618-1619 гг.) знает только формы сударь, сударыня, сударев (Ларин 1959, по указателю; по поводу формы государь [gosʹdari], неправильно прочтенной Б.А.Лариным вм. сударь [sʹdari] см. Успенский 1971, с. LVIII). В русских текстах, написанных русскими, форма государство нам встретилась впервые в цитированной записи Лжедмитрия I 1604 г., в которой рядом с многочисленными подт[—]ительными написаниями раз засвидетельствовано и написание государство: кои часъ доступлю наслѣдственнаго нашего Московскаго Государства (СТГД II, № 76, с. 160); хотя этот текст пестрит полонизмами, форму государство необходимо признать великорусской, так как в западном не произошло изменение господарь > государь (несмотря на то, что в публикациях западнорусских текстов написание г^сдрь иногда также интерпретируется как государь; так, напр., Срезн. I, 571 цитирует зап.-русс. перевод статута Казимира по АЗР I, № 2, хотя в этом тексте слово пишется везде под титлом, ср. фотокопию в издании: Роман и Ветулани 1959, с. 149, 160, 166; в западнорусском известна сокращенная форма этого слова в виде сподарь, засвидетельствованная с 1489 г., см. Карский I, 372, Карплюк 1977, 83). Несокращенные написания государь, государство встречаются и в Вестях-курантах ок. середины XVII в. (В-К III, № 5, 1645 г., с. 18; В-К IV, № I, 1648 г., с. 42-44, 53-56, 64); в этих же текстах засвидетельствована и форма господарь, но уже как титул молдавского и валахского воевод (В-К III, № 45, 1646 г., с. 234).

Форма господарь ('господин') сохраняется еще в фольклорных

текстах, ср. напр., в "Многолетиі", записанном П.И.Мельниковым (А.Печерским) в Приволжье:

Еще дай боже, еще дай боже

Еще дай боже, еще дай боже

Здравствовати!

Господину, господарю,

Господину, господарю

Нашему !...

(Мельников-Печерский П, 137); ср. также господарыня 'госпожа, сударыня' в свадебной песне, записанной в Архангельской губернии в 1852 г. (СРНГ УП, 89).

Форма государь возникла, по-видимому, в разговорной речи на протяжении XVI в., когда слово господарь из великокняжеского титула превратилось в общеупотребительную форму обращения. Начало процесса демократизации этой формы обращения можно видеть, на наш взгляд, в придворном этикете, а именно в том, что великие княгини обращались к своим мужьям с этим титулом, ср. уже в середине XV в.: По Осподаря своего грамотѣ Великого князя Василіа Васильевича, се язѣ Княгини Великая Марья пожаловала есмь [.../] (АИ I, № 49, 1450 г., с. 98); А на поминок д(у)ши своег(о) господара, мѣжа своего, великого кн(а)зѣ Васил(ъ)ѣа Дмитріевич(а) [.../] (Духовная Софьи Витовтовны, ДДГ № 57, 1451 г., с. 177); несколько позже такая форма обращения отмечается и в грамотах представительниц менее знатных слоев феодального общества, ср., напр., в рязанской грамоте 1482-1483 гг., в которой вдова упоминает о своем муже: придала есми то село съ всѣмъ с тѣмъ, какъ вѣдалъ осподарь мой Прокосей Давыдович, да и ѣзъ какъ вѣдала после осподара своег(о) (Пам. ряз. № 2, с. 9). Как видим, в XV в. и в таком

употреблении встречается только форма господарь/осподарь, как и в других случаях, когда слово пишется не под титулом. Таким образом, возникновение формы государь мы должны датировать временем не ранее XVI в. На основе приведенных выше свидетельств надписей на царских печатях и других данных конца XVI – XVII в., можно полагать, что официальной формой слова в царском титуле и в начале XVII в. продолжало быть господарь, произносимое с фрикативным /ɣ/. Разговорный вариант государь, который несомненно существовал уже в XVI в., еще и в начале XVII в. мог попасть только в документы, составленные лицами, не имевшими специальной канцелярской выучки (как, например, и писец указанной записи Лжедмитрия II).

Форма господарь к концу XVI – началу XVII вв. стала уже архаизмом, традиционной канцелярской формой, между тем как в разговорном языке произошло изменение господарь > государь. Изменение это не получило еще общепринятого объяснения. Фонетическая интерпретация преобразования слова господарь на государь (Преобр. I, 152; Фасмер-Тр. I, 446; ЭСРЯ I/4, 150; ЭССЯ VII, 59-60) представляется малоубедительной из-за нетипичного перехода безударного о > у. Может быть, следует отдать предпочтение предположению П.Я.Черных о том, что форма государь получилась из господарь в результате народно-этимологического воздействия слов суд, судить (Черных 1956, 214). Контексты, в которых эти понятия сблизились, имеются в летописях, ср., напр., рассказ Псковской 3-й летописи (список 60-х гг. XVI в.) о споре Ивана III с Новгородом о титуле под 1477 г.: "вам своимъ господином челом биемъ, а что государи васъ, а то не зовѣмъ, а соуд вашимъ намѣстникомъ на Городище по старинѣ, а что вашему соуду великихъ князей, ни вашихъ тивуномъ /У/, а то в насъ не быти, ни дворище вамъ Ярославля не даемъ"

(Псков. лет. II, 209). Предположение это, однако, нуждается в дополнительных доказательствах. Как бы ни было, по единогласному мнению исследователей русск. государь восходит к более ранней форме господарь, а государство к господар(ь)-ство, а эти более ранние формы восходят, на наш взгляд, к соответствующим западнорусским словам. Разговорные варианты, возникшие на великорусской почве, к ХУШ в. становятся единственно литературными, а господарь сохраняется или, скорее, повторно заимствуется, только в качестве экзотизма — как титул молдавских и валашских воевод, как об этом свидетельствует В.Н.Татищев в своем "Лексиконе" (1730–1740-е гг.): "иногда называли государя господарь, но оное ныне токмо волоскому и мултанскому воеводам дается" (Татищев 1979, 244). Устаревшая уже к этому времени в русском языке форма господарь стала повторно широко известной в этом специальном значении в связи с переездом в Россию Дмитрия Кантемира в 1711г. (Б.А.Успенский, устное сообщение).

3. Около середины ХУ в. появляется в титуле московских великих князей элемент отчичь и дѣдичь 'наследник', 'наследственный правитель'. Первая известная нам фиксация этого выражения в применении к московскому великому князю относится к посланию митрополита Ионы псковичам 1461 г. (по сл. начала ХУІ в.): Благословеніе Іоны, митрополита кіевскаго /и/ всея Руси, въ отчину великого господаря, царя рускаго, а нашего господина [...], а вашего, нашихъ дѣтей, о т ч и ч я и д ѣ д и ч я, по родству [...]; А что есте, сынове, присылали къ великому господарю, а къ нашему сыну, къ своему о т ч и ч ю и д ѣ д и ч ю, къ Великому князю [...] (РИБ УІ, № 90, с. 673–675; ср. АИ І, № 60, с. 107). Инициатива по введению

нового титула принадлежала, по-видимому, и на этот раз высшему духовенству, как и в случае титула господарь (и как это имело место несколько позже и с титулом византийского происхождения самодержец, см. Острогорский 1935, 169); с титулом отчичь и дѣдичь упоминается Иван III в грамотах митрополита Филиппа новгородцам 1471 г.: "и отъ своего бы есте Господина отъ Великого Князя, отчича и дѣдича, не отступали, а къ Латыньскому бы есте Господарю не приступали" (АИ I, № 281, с. 514); "и вы, сынове, смиритесь, емуже Богом порученни есте подъ крѣпкую руку благовѣрнаго и благочестиваго Русскихъ земель государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси, вашего отчича и дѣдича" (РИБ У1, № 102, с. 730; ПСРЛ XX/I, 289). В документах великокняжеской канцелярии этот элемент титула засвидетельствован впервые в 1472 г.: Иоанъ Божією милостью единъ правой Государь всея Руси отчичь и дѣдичь и инымъ землямъ отъ сѣвера и до востока Государь (СГГД У, 12 - КДРС) и продолжает употребляться на протяжении XVI и XVII вв., преимущественно только в составе торжественного полного титула в документах внешних сношений (ср. отчет об интервенции русских послов у французских властей в 1667 г., вызванной тем, что в тексте грамоты, приготовленном французской стороной, "самые высокие титулы прописаны: "самодержца, отчича, и дедича, и наследника, и государя и обладателя" у той грамоты на подписи не написано" (Пут. посл. 288); выражение отчичь и дѣдичь и наслѣдникъ входило в состав полного царского титула еще и при Петре I (Петр IV, 349 - КДРС); синонимическое сл. наслѣдникъ присоединялось к элементам западнорусского происхождения отчичь и дѣдичь со времен Ивана IV (ср. в грамоте Ивана Грозного шведскому королю 1572 г., Иван Грозный 1951, 144 - КДРС).

Титул отчичь и дѣдичь сложился в западнорусском языке в первой половине XV в. (засвидетельствовано с 1433 г., ССУМ II, II2–II3). Слово дѣдичь 'наследник' было постоянным элементом титула польских королей и употреблялось в их русских грамотах в соответствии с лат. heres (первая фиксация относится к грамоте Казимира III 1361 г., см. Пещак 1974, № 17, с. 36; ср. также в грамоте Владислава Опольского 1378 г., там же, № 28, с. 59, и др.). Слово это рассматривается обычно как праславянское (ЭСЯ IV, 226; СПрасл. III, III–II3), однако ранняя история слова в восточнославянских языках однозначно указывает на то, что в великорусском оно заимствовано из западнорусского, а в западнорусском из польского dziedzic (Кохман 1967, 105; Булыко 1972, 89; Шевелев 1975, 455), которое, в свою очередь, заимствовано из чешского (Шенкер 1983, 262). В отличие от слова господарь, о котором нельзя уверенно сказать, возникло ли оно в русской канцелярии Казимира III или же продолжает там устоявшуюся уже галицкую традицию, о наличии слова дѣдичь в галицко-волынском говоре до присоединения Галицкой Руси к Польше свидетельствует его фиксация в Киевском летописном своде при описании галицких событий 1190 г.: "Галичкийи же моужи срътоша его [Володимира Ярославича] с радостью великою князѧ своего и дѣдича, а королевича протнаша. из землѧ своеѧ. а Володимѣрь сѣде. на столѣ дѣда своего и ѡтца своего" (ПСРМ II, 666–667; ср. Срезн. I, 782–783). Возможно, что это слово входило уже в титулатуру последнего галицко-волынского князя Болеслава-Юрия II, ср. его титулатуру в латинской привилегии городу Саноку на магдебургское право 1339 г.: Georgius dei gratia dux et heres regni Russie (Пашкевич 1924, 36). Слово отчичь также засвидетельствовано в летописи по Ипатьевскому списку (в части, содержащей Галицко-

Волынскую летопись) под 1208 г.: "наидоша Данила во Оугорьскои землѣ. дѣтьска соуца. и просиша оу короля Оугорьско-го. даи намъ ѡтчица Галичу Данила" (ПСРЛ II, 724; ср. Срезн. II, 832). Была выдвинута точка зрения, что отчиць тоже заимствовано из польского (Генсерский 1961, 191). Однако ввиду слабой засвидетельствованности др. - польск. ościzyc (ССтп У, 547; с. 1443 г., все четыре примера взяты из львовских актов, в которых данное слово - в написании oszczysz, oszczyszowye - глоссирует лат. heres) нельзя исключить возможность обратного направления заимствования. Это предположение подтверждается и тем, что слово отчиць, наряду с западнорусскими памятниками, довольно рано засвидетельствовано также в Новгородской I-й летописи: отчиць (под 1400 г., по списку XV в., Срезн. II, 832) и в московско-тверской договорной грамоте 1375 г.: вотчиць (по списку XV в., ДДГ № 9, с. 26; Срезн. I, 308; СРЯ III, 76), и, таким образом, можно полагать, что слово отчиць < отъчиць является общевосточнославянским дериватом от отъць. Если это предположение верно, то появление сочетания отчиць и дѣдичь в западнорусском можно объяснить как результат глоссирующей синонимии, т.е. толкования заимствованного из польского слова дѣдичь 'наследник' собственно восточнославянским синонимом отчиць; ср., напр., употребление этих слов в переводе Статута Казимира III: Пригожаецца частокро(т) што отчичи алюбѡ дѣдичи езда(т) по чужей земли по слоужьбамъ а заставляють намесники во отчине своей алюбѡ оу дѣдинѣ (ССУМ I, 336); возможно, что такое синонимическое употребление двух слов привело со временем к переосмыслению данного сочетания, в результате которого выражение отчиць и дѣдичь получило оттенок градации; не исключено, впрочем, и то, что сочетание отчиць и дѣдичь возникло по аналогии соче-

таний отчина и дѣдина (ССУМ II, II2), отчина и дѣдина (ССУМ II, IO6) 'наследственное имение', восходящих, по-видимому, к фразеологизму отцы и дѣды 'предки' (ср. ССУМ I, 337). Во всяком случае сочетание отчичь и дѣдичь 'наследник, наследственный владетель' хорошо засвидетельствовано в западнорусских памятниках первой половины XV в., между тем как его не находим ни в древнепольских, ни в великорусских памятниках этого времени. Наряду с грамотами, оно засвидетельствовано и в западнорусских летописях, напр., в рассказе о покорении Подольской земли Витовтом: А то си три брѣты, татарскыя князи, о тчичи и дѣдичи Подолской земли (ПСРЛ XXXV, 66; ср. также I38, I60). В польском переводе XVI в. на соответствующем месте читается: A czi trzey bracia tatarskie, o uczizibili i dziedzice ziemie Podolskiej (ПСРЛ XXXV, I86), из чего явствует, что слово отчичь западнорусского оригинала было заимствовано польским переводчиком в восточнославянской форме, с конечным - щ. Возможно впрочем, что и во львовских примерах старопольского словаря (см. выше) написания типа oczyszcz следует читать не oczysz, а oczyszcz. Существование варианта с конечным - щ (oczyszcz) в старой польской письменности подтверждается также словарем Линде (III, 525).

Таким образом, несмотря на то, что дѣдичь в западнорусском является полонизмом, фразеологизм отчичь и дѣдичь 'наследник, наследственный владетель' мы должны признать собственно западнорусским (украинско-белорусским) новообразованием, которое проникает в титулатуру московских великих князей около середины XV в. Как элемент монаршеского титула отчичь и дѣдичь восходит, в конечном итоге, к лат. heres (Конечный I925-I926, 2II-2I2); нам кажется, однако, что образцом для его введения

в Московской Руси послужила не литовская великокняжеская титулатура (там выступало только одно слово дѣдичь), а способ титулования западнорусских православных князей и магнатов (ср. ССУМ II, II2), с которыми московские митрополиты поддерживали тесные контакты (хотя они могли титуловаться и одним словом отчичь, ср. в уставной грамоте киевского князя Александра Владимировича митрополиту Исидору 1441 г.: Се Газь, кн(я)зь Александръ Володимирович, г^сдрь отчичь Киевський, Шапов 1976, 180).

На великорусской почве элемент титула отчичь и дѣдичь не получил широкого распространения; это объясняется, по-видимому, тем, что это выражение включалось только в полный титул русских государей, употреблявшийся лишь при особенно торжественных обстоятельствах и преимущественно в дипломатических сношениях с Западом (ср. свидетельство Котошихина о том, что "црь московской пишется в хрстіянские гсдрства полными большими титлами", включая и элементы отчичь и дѣдичь, и наслѣдникъ, "а в бѣсѣрманские гсдрства тѣми титлами не пишется", см. Пеннингтон 1980, 52-53). В западнорусском языке слова отчичь, дѣдичь, а также сочетание отчичь и дѣдичь приобрели со временем значение 'землевладелец' (< 'наследственный землевладелец' < 'наследник', ср. польск. *dziedzic* 'землевладелец'). По свидетельству В.И.Даля, "вотчинники писались: отчичь и дѣдичь" также в России (Даль I, 509); этот способ титулования землевладельцев по наследству мог распространиться в России и независимо от царского титула в XVII в., когда были присоединены к России значительные западнорусские области. Именно такое употребление слов отчичь или дѣдичь отмечается в московском переводе-редакции Литовского статута (XVII в., см. Кохман 1967, 105).

Г Л А В А П

ЗАПАДНОРУССКАЯ ЛЕКСИКА В ПАМЯТНИКАХ МОСКОВСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ДИПЛОМАТИИ 30-60-х гг. XV в.

Поскольку, как мы видели, западнорусские элементы господарь, отчичь и дѣдичь проникли в титул московских великих князей под несомненным воздействием деятелей русской церкви, необходимо рассмотреть вопрос о западнорусском влиянии на язык московской церковной дипломатии около середины XV в. Рассмотрим два круга источников, которые с этой точки зрения специально еще не исследовались: 1. памятники о Флорентийском соборе 1438-1439 гг.; 2. дипломатические грамоты митрополита Ионы 1448-1461 гг.

1.1. Хронологически первым памятником, обильно отражающим западнорусскую по происхождению лексику в оригинальном произведении, связанном с великорусской церковной канцелярией, является "Хождение на Флорентийский собор" неизвестного суздальца, участвовавшего в русском церковном посольстве на Ферраро-Флорентийский собор 1437-1440 гг.

Произведение это замечательно прежде всего тем, что его автор уделяет большое внимание достопримечательностям увиденных по пути за рубежом стран и городов, не касаясь обсуждавшихся на соборе вопросов. "Хождение" имеет дневниковый характер, оно отражает непосредственные впечатления русского путешественника. Произведение это дошло до нас в списках XVI в. и более позднего времени (об истории текстов памятника и о его историко-культурном значении см. Казакова 1980, 8-52); мы пользовались первоначальной редакцией "Хождения", опубликованной Н.А.Казаковой (Хожд.).

Всякое описание чужих стран предполагает употребление некоторого количества экзотизмов; в данном случае замечательно,

однако, что неизвестный суздаец, по всей вероятности, епископский дьяк, в качестве экзотизмов использует главным образом западнорусскую лексику для описания реалий, с которыми он познакомился в Германии и Италии. Рассмотрим эту лексику в порядке последовательности рассказываемых событий.

Покинув Псков, русское посольство прибыло в область юрьевского епископа: "Первый град немецкий Коспир бискупа Юрьевского" (Хожд. 63). Название католического епископа бискуп, несомненно, западнорусского происхождения, а не заимствовано прямо из др.-в.-нем. bischof, как полагал М.Фасмер (Фасмер-Тр. I, 168), так как оно хорошо засвидетельствовано в западнорусских документах с самого начала XV в. (ССУМ I, 96; Булько 1972, 43; ср. также Соболевский 1910, 196); заимствованная из западнорусского форма бискуп исторически заменяет более раннюю др.-русс. форму пискуп, засвидетельствованную в смоленско-рижском договоре 1229 г. (Смол. гр. 24), в Новгородской I-й летописи под 1240 г. (Новг. I лет. 77), а также в Галицко-Волынской летописи (ПСРЛ II, 814 и др., где - ввиду отсутствия варианта с начальным р - в древнепольском - неверно объясняется как полонизм, ср. Генсерский 1958, 71), заимствованную из др.-н.-нем. (Лиминг 1976, 43; Томас 1976, 61, примеч. 38). Зап.-русс. бискуп восходит через посредство польск. biskup, чешск. biskup к др.-в.-нем. bischof, которое через лат. episcopus заимствовано из того же греч. ἐπίσκοπος, к которому восходит и др.-русс. (через пол.) епископъ.

К этому памятнику относятся самые ранние фиксации в великорусском тексте существительного право: "и ту его [Исидора] встретил бискуп юрьевский с великою честию, по своему праву немецкому", "и монастырь бе женский, по их праву един, велми чуден" (Хожд. 63). Уже Н.С.Трубецкой полагал, что русск. право было

заимствовано из польского, в котором prawo калькирует нем. Recht (Трубецкой 1927, 79–80; ср. также Виноградов 1982, 40). Детальное изучение истории слова право в восточнославянских языках (Брицын 1965, 90–95; Кохман 1977, 73–81) позволяет отвергнуть мысль о праславянской древности этого существительного (ср. Фасмер-Тр. III, 352; КЭС 360); на восточнославянской почве право появляется в конце XIV в., но в этот период отмечается только в западнорусских памятниках (Срезн. II, 1348; ССУМ II, 220–221), и посредством западнорусского языка попадает в документы внешних сношений Московского государства, в которых отмечается с 1495 г., и до конца XVII в. употребляется только в контекстах, относящихся к зарубежным странам; русским литературным языком термин право усваивается лишь в начале XVIII в. (Кохман 1977, 76–77). В западнорусском языке XV в. право употреблялось в основных значениях 'право' и 'закон', как и в древнепольском (ср. ССтп УП, 33–44); автор "Хождения" употребляет его в соответствии с др.-русск. (цсл.) законъ 'совокупность правил поведения, предписываемых той или иной религией' (ср. СРЯ У, 217). Таким образом, включению слова право в словарный состав русского литературного языка в начале XVIII в. предшествовало довольно длительное (XV–XVII вв.) употребление его в качестве экзотизма для обозначения чужого "закона" или "права"; история слова в великорусских памятниках XV–XVII вв. свидетельствует о том, что оно было заимствовано не прямо из польского, а из западнорусского.

Представителей немецкой знати в Риге неизвестный суздалец называет панами: "и сретоша его [Исидора] паны велиции" (Хожд. 63). Слово панъ в западнорусском засвидетельствовано уже в XIV в. (ССУМ II, 125–126; Срезн. II, 875); заимствовано из польск. pan (Фасмер II, 308), которое, в свою очередь, является боге-

мизмом (Басай 1966, 60). В великорусских источниках отмечается с начала XV в., в первую очередь в контекстах, относящихся к Литве и Польше (ср. приведенное выше известие Воскресенской летописи о приезде в Москву Василия Дмитриевича; ср. также известия Псковской 2-й летописи о литовских событиях: 1400 г.: "одо^{лѣ}ша Татарове и побиша множество литовских князей и панов"; Псков. лет. II, 31; 1435 г.: "и побѣдиша множество князей и пановъ Свитригаиловых", Псков. лет. II, 45). Из документов дипломатических сношений конца XV в. видно, что зап.-русс. пань соответствовало великорусскому бояринь, ср., напр., в московском посольстве 1488 г.: "чтобы отъ насъ бояринь, а отъ тебя бы пань, съѣхався, обиднымъ дѣломъ управу учинили на обѣ стороны" (ЦДП I, № 2, с. 7), ср. соответствие "паны, сипречь бояре" в московском переводе-редакции Литовского статута (Ланно 1916, 6).

В московских дипломатических памятниках XV в. пань может относиться уже не только к польско-литовской знати, но и к представителям привилегированного класса других европейских народов, ср., напр., "бискупы и панове Угорские", "Хорватские земли панове" (1492 г., ЦДС I, 94).

Как в отличие от православного епископа католический епископ назван бискупом, так и католический архиепископ назван западнорусским словом арцибискупом: "егда была близ града, сретоша его [Исидора] арцибискуп Тимофеи и архимандрит Захариа"; "и ел господин [Исидор] у арцибискупа; и владыка Аврамии и Фома, посол тверскый, седоша за единым столом с митрополитом и арцибискупом" (Хожд. 63). Зап.-русс. арцибискупъ 'католический епископ' (ССУМ I, 80, с 1415 г.; ср., однако, уже в Киевском летописном своде под 1152 г., ПСРЛ II, 450, ср. Срезн. I, 31) заимствовано из польск. arcybiskup, которое вос-

ходит к чешскому arcybiskup; фонетический облик префикса arcy- объясняется как результат контаминации лат. (из греч.) archi- и нем. erz- (ср. лат. archiepiscopus, нем. Erzbischof; Басай 1966, 30); судя, однако, по передаче греческих имен в средневековых южнославянских переводах с латинского (Ацѣлишь, Анцилешь < Achilles), свидетельствующей о том, что в центральноевропейском среднелатинском произношении сочетание chi читалось как ci (см. Хадрович 1955, 64-65), предположение о немецком воздействии на чешскую форму префикса arcy- нам представляется излишним.

Расстояние между городами в Германии и Италии, а также — на обратном пути — в Венгрии, Польше и Литовской Руси — автор дает в милях, между тем как в великорусских областях — в верстах: "А от Мелна града 4 мили до реки Елєвы" (Хожд. 65 и др., часто). В западной Руси мера расстояния миля была известна уже в XIV в. (ССУМ I, 594); в великорусские памятники это слово проникает в качестве экзотизма в первой половине XV в., прежде всего в связи с жанром хождений, ср. уже в Хождении Зосимы 1422 г. (СРЯ VI, 157); встречается также у Афанасия Никитина (Афан. Ник. 49), а также в некоторых летописных известиях, относящихся к Западной Руси (СРЯ VI, 157). Зап.-русск. миля восходит через польск. mila, ср.-в.-нем. mile к лат. mīlia (равнущи) 'тысяча (шагов)' (Фасмер-Тр. II, 622; ср. Гардинер 1965, 155; Лининг 1976, 79).

К этому памятнику относятся первые известные в литературе случаи употребления глагола муровати 'выложить камнем' и производных: "и еще суть реки велики приведены по всему граду тому, береги их и дна морованы камением"; "и под весь град той улица морованы и полаты" (Хожд. 65), "столпы в нем морованы, имуща мрамор всяк цветом" (Хожд. 69), "и знаменахомся у

гроба святого, самого не видехом, замурован бе лежит" (Хожд. 70; ср. СРЯ IX, 310). В западнорусских памятниках муровати засвидетельствовано несколько раньше, см. в Никифоровской летописи (сп. XV в.) под 1430 г.: "и взя [Сигисмунд] град Крев мурованыи и сожже" (ПСРЛ XXXV, 34); зап.-русс. муровати заимствовано из польск. murować, которое образовано от mur 'стена' (< ср.-в.-нем. mūr < лат. murus) по образцу ср.-в.-нем. mûren, ср.-лат. murare (Фасмер-Тр. III, 13; Лиминг 1976, 81).

Обращает на себя внимание название Альп - Полониные горы: "А от того града до Полонинных гор 10 миль. А от Полонинных гор до князя, зовоного Дуки, 15 миль [...]. А от того града к Полонинным горам до града Фреанды 24 мили [...], и всех Полонинных гор 60 миль" (Хожд. 66). Такое название Альп объясняется, по-видимому, украинским словом полонина 'горное пастбище', засвидетельствованным с конца XIV в. (ССУМ II, 184); слово полонина праславянского происхождения (ср. болг. планина 'гора', с.-х. планина 'гора, покрытая лесом'), но из восточнославянских языков оно сохранилось только в украинском языке в карпатском ареале (Иллич-Свитыч 1960, 222-223, Закревская 1983, 151-152). Из украинского слово проникло также в прикарпатские польские говоры в полногласной форме połonina; полонизированным украинизмом считается также форма płonina 'неурожайная земля', засвидетельствованная уже в XV в. (Сстп VI, 170; ср. Брукнер ЭС 422). В этом последнем значении засвидетельствовано слово полонина в переведенной с польского книге Назиратель (XVI в.): "земля которая бывает сухая [...] таковую нарицають пустынею или полониною" (Назир. л. 112, с. 331 - КДРС), "иные ж мѣста [...] вѣчне бывают неплодоносные, се же полонинами дичью или соленым мѣстом нарицають" (Назир. л. 159, с. 425); слово полонина в русском переводе в обоих случаях передает польск.

płonina, ср. в польском издании 1549 г.: "takową zowę pus-
tinią abo płonina", "a the płoninami abo słoniawami zowę"
(Кресценций 1549, 93, 136); это обстоятельство подтверждает
вывод издателей текста о том, что великорусский перевод это-
го памятника был осуществлен или при посредстве несохранив-
шегося западнорусского перевода, или же переводчиком запад-
норусского происхождения (Назир., Введение, 66-69).

Несомненно, что автор "Хождения" называет Альпы Полонини-
ми горами по аналогии с Карпатами; наличие этого собственно
украинского слова в тексте неизвестного суздальца убедитель-
но свидетельствует о том, что в качестве экзотизмов для обо-
значения западных (западноевропейских) реалий, неизвестных в
Московской Руси, он использует именно западнорусскую, а не
польскую лексику.

В связи с этим словом необходимо указать, что В.В.Ильенко
неверно относит к западнорусизмам форму планина, выступающую
в Московском летописном своде конца XV в. под 1247 г. (Иль-
енко 1958, 12); слово встречается здесь в тексте "Повести об
убиении Батия": "безбожному же оному Батю ко Угорьским пла-
нинам бежащу" (ПСРЛ XXV, 141; ср. также - по другому списку -
Срезн. II, 953). Правда, слово планина и здесь относится к
Карпатам (ср. название Карпатских гор в Повести временных
лет: горы Угорьския; в горѣ Оугорьстѣи - ПСРЛ I, 25; 139),
но в повести, сочиненной сербом (см. Перени 1955, 231-234;
ср. Радоичич 1957, 245-246), это скорее сербизм, а не церков-
нославянизированный украинизм. Как явный болгаризм употреб-
лялась форма планина 'гора' в молдавских грамотах XIV-XV вв.
(ССУМ II, 150).

Католических священников автор называет капланами: "На со-
боре же седе римьский папа Еугении, а с ним 12 гардиналов, и

архиѳискупы, и ѳискупы, и капланы, и мнихы" (Хожд. 66). Слово каплань 'католический священник', отмечаемое в великорусских памятниках впервые в известиях о Флорентийском соборе, засвидетельствовано в западнорусских памятниках с первой половины XV в. (ССУМ I, 470; Булыко 1972, 138; Соболевский 1910, 197), гда оно заимствовано из польск. kapłan, которое восходит через чешск. kaplan, ср.-в.-нем. kaplan, kapell(1)an к ср.-лат. capellanus (Фасмер-Тр. II, 186; Лиминг 1976, 64). В великорусских памятниках XV в. католический каплань противопоставляется православному попу, ср. в Новгородской I-й летописи под 1441 г.: "Митрополит Исидоръ повелѣ в лятскихъ божницахъ рускымъ попомъ свою службу служити, а в рускыхъ церквахъ капланомъ" (СРЯ УП, 65; Срезн. I, 1194; ср. также Соболевский 1910, 196).

Возможно, что к западнорусизмам относится и слово кардинал 'кардинал', хотя оно (в форме кардинал) в западнорусских источниках отмечается только с конца XV в. (Булыко 1972, 141); в великорусских памятниках о Флорентийском соборе слово выступает обычно с начальным г-, поэтому нельзя исключить возможности прямого изустного заимствования из итальянского (ср. Лиминг 1976, 65). Что же касается предположения Г.Лиминга о том, что слово мних в русском языке XVI-XVII вв. является повторным заимствованием из польского mnich (Лиминг 1976, 80; ср. также Булыко 1972, 205), то необходимо отметить, что в отличие от некоторых других моравизмов, как панежь, мьша (о них см. ниже), которые попали в древнерусские памятники XI-XII вв. вместе с текстами моравского происхождения, но не получили распространения в церковнославянском языке русской редакции, слово мнихъ с многочисленными производными употреблялось без перерыва на протяжении XI-XVII вв. (ср. СРЯ IX, 192)

и не получило особого значения 'католический монах'. По-этому следует принять, что как др.-русск. мнихъ, так и польск. mniich восходят разными путями к одному и тому же моравскому источнику (*mъnichiъ < др.-в.-нем. munih < ср.-лат. monicus < греч. μοναχός, ср. Фасмер-Тр. II, 633); в древнерусский язык слово попало посредством старославянского (мънихъ - С.-А. 59, ср. также Львов 1968, 329-330), а в польский - из чешского (Басай 1966, 51-52).

К западнорусизмам относятся названия монет золотой и грош, хотя они употреблены автором по отношению к итальянским реалиям: "И в том же граде [в Ферраре - А.З.] ясти кушихом: яловица 20 золотых, боров пять золотых, а золотой по 30 грошей; а баран два золотых; куря 3 гроши, хлеба 9 проскур на грош, сыр по золотому" (Хожд. 67).

Субстантивированное прилагательное золотой, которое из великорусских памятников отмечается впервые в данном тексте (СРЯ VI, 59), как название монеты едва ли калькирует непосредственно нем. Gulden (ср. ЭСРЯ II/6, 106), а заимствовано скорее из зап.-русск. золотыи, которое в данном значении засвидетельствовано в староукраинских грамотах XV в. (с 1421 г., ССУМ I, 406) вместе с вариантами златыи (в молдавских грамотах, ССУМ I, 399) и злотыи (ССУМ I, 401). Принимая во внимание путь распространения золотой монеты определенного веса (ок. 3,5 гр.) из Флоренции (флорин, итал. florino d'oro, ср.-лат. florinus aureus, с 1252 г.) и Венеции (дукат, итал. ducato d'oro, ср.-лат. ducatus aureus) через Венгрию (по флорентийскому образцу, ср. венг. forint, ср.-лат. florenus hungaricus/hungaricalis, aureus hungaricus/hungaricalis, с 1325 г.) в Польшу (złoty, złoty czerwony, см. ССтп I, 372;

złoty czerwony как перевод ср.-лат. aureus ungaricalis см. СП IV, I46, ср. Глогер II, 6I-62, IV, 505-506), можно предполагать, что зап.-русск. золотыи/златыи/злотыи восходит к польск. złoty, калькирующему ср.-лат. aureus, быть может, и независимо от нем. Gulden. Название золотой монеты с такой же стоимостью дукать засвидетельствовано в одной из молдавских грамот I42I г.: "ше(с)тсо(т) золоты(х) дукато(в) а либо че(р)ленн(х) золоты(х) оугорскы(х)" (ССУМ I, 330), но это название до конца XV в. не получило широкого распространения ни в западнорусском, ни в польском (в ССП не отмечается); в великорусском слово дукат появляется впервые в Повести о Дракуле конца XV в., где оно в ходе повествования заменяется словом златой (см. Лурье I964, II9), церковнославянизированной формой названия золотой. Поскольку установлено, что русская "Повесть о Дракуле" не является переводом немецких произведений на ту же тему (Штридтер I96I), можно уверенно отвергать мысль о немецком посредничестве при заимствовании русским языком этого слова в данном памятнике (Фасмер-Тр. I, 550; ЭСРЯ I/5, 206-207; Лиминг I976, 5I), а считать его в повести, записанной московскими послами в Венгрии, заимствованием из венгерского dukát (засвид. с I429 г., ЭСВенг I, 685), или же - что более вероятно - из сербского дукат (засвид. с XIV в., РХС II, 88I), так как языком-посредником в дипломатических сношениях венгерского короля Матвея Корвина с Иваном III был сербский (Холлош I979) и московские дипломаты во главе с Федором Курицыным, пребывавшие в Венгрии в I482-I484 гг., имели контакты, скорее всего, с сербским отделением венгерской королевской канцелярии. (Не исключено, впрочем, что русская "Повесть о Дракуле" была вообще переведена с сербского, так как вся экзотическая лексика в самых ранних списках памятника объясняется

лучше всего на основе сербской лексики XV в., см. Золтан 1984). Для автора "Хождения" самым обычным названием этой золотой монеты, принятой к XV в. в качестве основной денежной единицы в большинстве европейских государств, было именно ее западнорусское название – золотой, от которого он не отказывался даже в самой Италии, где он мог слышать только ducato или fiorino.

Название серебряной монеты грош стало известным в великорусских областях также через посредство Западной Руси: "новгородци начаша торговати промежи себе [...] гроши литовскими" (Новг. I-я лет. под 1410 г., Срезн I, 598, Лиминг 1976, 59), поэтому это слово в русском языке неточно считается, на наш взгляд, непосредственным заимствованием из польского grosz в ряде исследований и этимологических словарей (ср. ЭСРЯ I/4, 179-180 и цитированную там литературу). В западнорусских памятниках слово грошь как название серебряной монеты известно уже в середине XIV в., а к началу XV в. в форме мн. ч. гроши приобретает уже значение 'деньги вообще'. Зап.-русск. грошь восходит через посредство польск. grosz к чешск. groš из ср.-лат. grossi от формы мн. ч. прилагательного grossus 'широкий', так как эта монета была введена в Чехии в 1300 г. как крупная серебряная монета (denarius grossus 'широкий денарий'); в Польше она распространилась сразу же в связи с чешско-польской персональной унией при короле Вацлаве в 1300-1305 гг. (Глогер II, 213-215).

К западнорусизмам следует отнести и слово граница: "и той Люблевъ останочный есть городок угорескый, стоит на лядской границы" (Хожд. 71). Как убедительно показал С.Кохман, несмотря на господствующее в этимологической литературе мнение (Фасмер-Тр. I, 452; ЭСРЯ I/4, 160; ЭССЯ УН, 106-107; ЕСУМ I, 584

и др.), слово граница 'рубеж, предел', имеющее в настоящее время общеславянское распространение, не является праславянским дериватом от *grana/*granъ, а возникло на западославянской почве, откуда постепенно проникало в восточнославянские языки (в западнорусском засвидетельствовано с XIV в., ср. ССУМ I, 260-261, Срезн. I, 594-595, в великорусском — спорадически с XV в., причем сперва только в псковских грамотах, а с конца XV в. в памятниках дипломатических сношений с Польско-Литовским государством), и в южнославянские литературные языки было заимствовано лишь в XIX в. из русского языка (Кохман 1975, 62-68). Таким образом, фиксация слова граница в "Хождении" относится к самым ранним известным случаям употребления этого слова в великорусском тексте. Хронологически предшествует этой фиксации лишь летописное известие 1412 г. "О размете королю Ягайлу и Витовту съ Новымъ городомъ", в котором передается содержание "разметной грамоты" Ягайла и Витовта новгородцам: "а съ Нѣмцы есмя миръ вѣчныи взяли, и съ Угры, и съ всѣми нашими граничными мирны есмя" (ПСРЛ УШ, 86; ХУШ, 161; ХХУ, 241; в Новг. I-й лет. читается граничники, см. СРЯ IV, 123); граничныи или граничник восходит здесь явно к западнорусскому тексту грамоты Ягайла и Витовта, т.е. в великорусском тексте указанных летописей употребление этих дериватов от граница следует считать цитатой из западнорусского текста.

Обращает на себя внимание, что автор "Хождения" обозначает словом граница только польскую границу; для обозначения границы между великорусскими областями он пользуется обычным в великорусских памятниках этого времени словом рубеж: "А из Новагорода /Исидор/ поиде ко Пскову. И псковичи сretoша его на рубжи и почтиша его велми" (Хожд. 63).

Как видим, для передачи иностранного колорита, для обозна-

чения иностранных и иноверных реалий автор "Хождения" в качестве экзотизмов использует, в основном, западнорусскую лексику (бискуп, арцибискуп; пан; право; половинные горы, миля, граница; муровати; золотой, грош), т.е. он видит (и заставляет видеть своих читателей) Западную Европу как будто через призму соответствующих реалий Западной Руси.

Использование западнорусской лексики по отношению к западноевропейским десигнатам свидетельствует о том, что западнорусский язык уже в первой половине XV в. выступал в роли языка-посредника в дипломатических сношениях Московской Руси с Западной Европой. Что касается конкретных причин этого посредничества и форм его проявления при общении членов русского церковного посольства с немецким и итальянским населением, то мы можем высказать лишь несколько предположений.

Русскому посольству несомненно были нужны переводчики, знающие греческий, латинский и немецкий языки. Если переводчиков с греческого языка без труда можно было найти среди северо-восточного духовенства, в том числе и в окружении самого митрополита Исидора, который, по-видимому, не успел еще усвоить церковнославянский язык, поскольку на корабле по морскому пути он "нача молебн святей богородицы Одигитрие по греческии с своими греки; а владыка Аврамии по своему, по русскии" (Хожд. 64), то переводчики с латинского и немецкого языков могли вербоваться легче всего из православных Западной Руси, которые, с одной стороны, могли усвоить эти языки в условиях таких многонациональных городов, как напр., Львов, где наряду с украинцами и поляками жили и немецкие колонисты и где в 1433 г. в качестве административного языка был введен латинский, а с другой — в родном языке которых уже имелась выработанная терминология как для обозначения католических понятий, так и для быто-

вых реалий, соотносимых с теми, которые члены посольства увидели в посещенных западноевропейских странах. Можно предположить, что или сам автор был таким переводчиком, связанным своим происхождением с Западной Русью (точнее, опираясь на название Альп по аналогии с Карпатами, можно думать, что с Юго-Западной Русью, с Галицией), или же его информация восходит к такому переводчику в составе русского посольства. Судя по тому, что автор "Хождения" проявляет заметный интерес к иностранным языкам, улавливает разницу между средненижне-немецким и средневерхне-немецким языками и сравнивает это различие с различием между русским и сербским языками ("Аламанская земля, то есть не иная вера, ни инн язык, но есть единая вера латиньская, а язык немецкий же, но разно, яко и Русь сербы, тако и оне с немци", Хожд. 65; ср. Казакова 1980, 31-32), можно думать, что неизвестный суздалец сам был переводчиком, или, если и не профессиональным переводчиком, то во всяком случае человеком, который обращался с местным населением непосредственно.

Несмотря на это, число экзотизмов из других языков — не западнорусского происхождения — совсем невелико. К ним относятся следующие слова: ратман 'член магистрата (в прибалтийских немецких городах)' < ср.-н.-нем. ratman, хорошо известное в новгородских и других северо-западных памятниках уже с XIII в. (Томас 1976, 57, 61); слово употребляется в "Хождении" согласно сложившейся уже традиции по отношению к ратманам Риги и Любека; дука 'князь (в Италии)' < итал. duca; слово вводится в текст в качестве явного экзотизма ("до князя, зовомаго дуки", Хожд. 66); барка 'род лодки' — "Среди его /Города Венеции/ проходят корабли и катарги, а по всем улицам воды, ездят в барках" (Хожд. 69). Слово барка в восточнославян-

ских языках считается заимствованием из немецкого (н.-в.-нем. Barke или ср.-н.-нем. barke, ср. Фасмер-Тр. I, 127; Чижевский 1954, 335; ЭСРЯ I/2, 45; Томас 1971, 174-175; Кипарский III, 106; ЕСУМ I, 144; ЭСБМ I, 314), однако есть основания полагать, что слово было заимствовано прямо из итальянского barca. В принципе, конечно, возможно и объяснение Дж.Томаса, согласно которому фиксация слова барка в "Хождении" как раз при описании Венеции случайна, поскольку автор мог познакомиться с этим словом и с соответствующей реалией уже и раньше, в Ливонии или в Любеке, где русская делегация провела значительное время (Томас 1971, 175); о возможности фиксации экзотизмов не на той территории, где они на самом деле употребляются, свидетельствует и другое слово в тексте - новци (см. ниже). Однако фиксация слова барка в "Хождении" не является самой ранней, как это принимает Дж.Томас (ср. также СРЯ I, 74), оно читается также в "Повести о Митяе", включенной в Московский летописный свод под 1377 г.: "Вложьше же Мятяя въ барку мертвого и везше в Галату погребоша его" (ПСРЛ XXV, 198); в первоначальной редакции конца XIV в. в грецизированной форме варка и с объяснительной глоссой: "и вложиша Митяя в варку, еже есть меньшее судно" (см. Прохоров 1978, 222; ср. СРЯ II, 21), следовательно, слово барка было известно в русском языке уже и раньше благодаря постоянным контактам с Константинополем, при которых русские церковные делегации неминуемо соприкасались не только с греками, но и с жителями итальянских (венецианских и генуэзских) колоний в Причерноморье и в самом Константинополе. Таким образом, на наш взгляд, слово барка в русском языке можно считать непосредственным заимствованием из итальянского, причем более ранним, чем время написания "Хождения"; отсутствие какой-нибудь объяснительной глоссы при употреблении

в "Хождении" этого слова (как это имеет место в случае дука) свидетельствует о том, что автор предполагал его знание у тех, для кого было предназначено данное произведение.

Иначе обстоит дело со словом новци 'венгерские монеты', которое вводится в текст как явный экзотизм. О Люблеве, о котором говорилось, что он "останочный есть городок угорескни, стоит на лядской граници", автор замечает, что "есть в нем дело вугореские пенязи, новци зовутся, по 3 на золотой" (Хожд. 71). В языках, знание которых для данного времени можно предположить на венгерско-польской (современной словацко-польской) границе (словацкий, польский, немецкий, венгерский) такое слово в качестве названия монеты неизвестно. Можно лишь предположить, что русская церковная делегация, вступившая на территорию Венгерского королевства в Хорватии (о которой, впрочем, автор делает характерное замечание: "и в тех градах живут хавратяне, язык с Руси, а вера латыньская" - Хожд. 70), путешествие через Венгрию совершила в сопровождении хорватов или сербов, которые присоединились к русским путешественникам еще в Хорватии и проводили их вплоть до польской граници, т.е. информация о том, что эти венгерские монеты "новци зовутся", происходит не от местных жителей, а от сопровождавших русскую делегацию сербов или хорватов. Вполне вероятно, что это были люди сербского деспота Георгия Бранковича, который принял русскую делегацию в Загребе, где он пребывал после того, как "запленено бысть ц(а)рьство его серпское от турьскаго царя Амурата" (Хожд. 70). Фиксация сербскохорватского слова новац, новци 'деньги' в русском памятнике середины XV в. опережает на целое столетие фиксацию его в сербскохорватских источниках (РХС УШ, 243-244 - со 2-й пол. XVI в.; правда, П.Скок утверждает, что это слово было известно уже

и в XV в., однако цитирует только поздние памятники, ср. Скок II, 525-526); быть может, это свидетельство неизвестного суздальца позволит уточнить этимологию слова новац в сербскохорватском в том смысле, какие именно монеты считались "новыми" для времени появления этого слова, название которых позже превратилось в название 'денег вообще'.

I.2. Западнорусская лексика обильно отражается также в другом произведении, посвященном Флорентийскому собору - в "Повести о восьмом соборе" суздальского иеромонаха Симеона, написанной на основе личных впечатлений в 1447 г. (Казакова 1980, 64). В отличие от автора "Хождения", Симеон концентрирует свое внимание на описании церковнополитической борьбы между католиками и православными, поэтому западнорусизмы в его тексте относятся в первую очередь к области церковной жизни. Он тоже употребляет слова бискуп, архибискуп (Пов. 200, 206, 208), право (только о католиках: "по своему праву", "по ерязскому праву" - Пов. 206), но вводит и ряд новых западнорусизмов.

Западнорусизмом в русском тексте XV в. следует признать форму папез и производные папезев, папезский: "святыхъ седми папезовъ" (Пов. 201; ср. "святыхъ первыхъ папъ седми" - там же, 208); "съ приставы папезевыми" (Пов. 204), "пословъ папезскихъ" (Пов. 205). Правда, форма папез известна церковнославянским текстам русской редакции XI-XII вв., но встречается чаще всего в текстах моравского происхождения, как напр., в Житии Мефодия (Усп. сб. л. 104а, с. 190; л. 107г, с. 196, ср. Срезн. II, 877; Соболевский 1910, 187; Львов 1965, 201, 1968, 332-333); основной формой слова в древнерусских памятниках было папа (ср. Срезн. II, 876-877). Обе формы засвиде-

тельствуются в старославянских памятниках (С.-А. 84), однако моравизм папежъ (< др.-в.-нем. bâbes, râres < ср.-лат. parax - контакминация лат. papa и pontifex, см. Фасмер-Тр. III, 200-201) в древнерусском был вытеснен грецизмом папа (< гр. πάππας < лат. papa). Поэтому папеж в ХУ в. надо рассматривать как повторное заимствование из того же моравского источника, но другим путем: зап.-русс. папеж (ССУМ II, 126) < польск. parież < чешск. parež (ср. Гардинер 1965, 163; Басай 1966, 60; Булыко 1972, 235-236; Лиминг 1976, 86).

К подобным повторным заимствованиям относится и слово мша 'католическая обедня', также известное в церковнославянских текстах моравского происхождения (хотя оно было мало понятным, поскольку часто глоссировалось словом служба, ср. "съ ѿѡмъ мѡшею рекѡше съ слоужбою" - Усп. сб. л. 106б, с. 194; ср. также л. 107а, с. 195 и л. 107в, с. 196), в которых оно восходит через старославянское посредство (С.-А. 56) к моравской христианской терминологии до Кирилло-Мефодиевской миссии (< др.-в.-нем. missa < лат. missa, ср. Соболевский 1910, 187; Лиминг 1976, 81). В "Повести" Симеона - "нача [па-па] потомъ мшу мшити" (Пов. 206) - мы имеем дело, несомненно, с повторным заимствованием из западнорусского (ср., напр., в зап.-русс. переводе чина католической обедни ХУ в., Соболевский 1910, 199), где оно восходит к тому же источнику через польск. msza, чешск. mše (ср. Лиминг 1976, 81; Басай 1966, 52-53); глагол мшити в сочетании мшу мшити является, по-видимому, индивидуальным новообразованием Симеона по образцу службу служити, так как аналогичного глагола в древнепольском нет (засвидетельствовано только mszã czyć/śpiewać 'читать/петь обедню', ССтп IV, 361). В более поздних переработках "Повести"

мшити заменено глаголом служити: "папе же тогда мшу свою слоужившу" (Попов 1875, 371; ср. также ПСРЛ XXV, 257).

К западнорусизмам относится и слово приклякати/приклякнути 'встать на колени': "митрополиты вси [...] приклякнуша къ папѣ по ерязскому праву"; "а самъ [Исидор] по божницамъ ходя приклякаетъ, какъ и прочіи ерязове" (Пов. 206, ср. также 207); в "Повести" этим словом обозначается именно католический обычай, явно ненавистный автору. Слово засвидетельствовано в западнорусском переводе чина католической обедни XV в. (покладнѣ, Соболевский 1910, 199), ср. также совр. укр. приклякати/приклякнути (УРС IV, 362), польск. przykłęcać/przykłęknąć (с XVI в., СП X, 358), польск. kłęcać 'опускаться на колени' (с XV в., ССтп III, 287); ср. также польск. kłęszcё 'стоять на коленях' (откуда позже русск. клянчить, см. ЭСРЯ II/8, 169). Несомненная связь глагола приклякати/приклякнути с католической обрядностью в "Повести", а также отсутствие слова в великорусских памятниках до этого времени (ср. КДРС), однозначно указывают на заимствование из западнорусского, где слово было усвоено из польского (ср. Голубинский II/I, 452, примеч. 2; Карский 1962, 311). Праславянское *kļekati, *kļeknoti 'нагибаться, склоняться' (Славский ЭС II, 218) получило в древнепольском специальное значение 'стать на колени' именно в церковном употреблении, ср. ранние примеры употребления польских глаголов kłęcać и kłęszcё почти исключительно в таком контексте (ССтп III, 287; СП X, 358-359). Можно полагать, что ст.-сл. клячати 'стоять на коленях', засвидетельствованное только в Супрасльской рукописи (С.-А. 45), является моравизмом.

В западнорусской форме употребляется в "Повести" и слово крѣж 'католический крест' (о различиях между православным "кре-

стом" и латинским "крыжом" см. Голубинский П/І, 452, примеч. І): "пришедшу митрополиту Исидору [...] на Москву [...], нося предъ собою крыжъ и палицу серебряну: крыжъ нося во креста мѣсто, являя Латинскую вѣру [...]. Аще кто не при-
клякнетъ ко крыжу, то палицею ударивше, приклякнути велить" (Пов. 207). В западнорусских памятниках крыжъ, крижъ засвидетельствовано с XV в. (ССУМ І, 513; Соболевский І9І0, 201; Булыко І972, 176-177); слово восходит через посредство польск. krzyż, чешск. kříž к романскому croce < лат. crucem от crux 'крест' (Штибѣр І974, 136-137; ср. Фасмер-Тр. II, 388; Славский ЭС III, 256-258; Лиминг І976, 73).

В единственном случае автор объясняет значение западнорусского слова: "Потомъ же патріарху Іосиѣу умершу, и положиша его въ томъ градѣ Флорентіи въ кляштарѣ, а поруски въ манастирѣ" (Пов. 205). Зап.-русс. кляшторь 'католический монастырь' (ССУМ І, 476), кляшторь (Булыко І972, 157; Карский І962, 312) восходит к польскому klasztor, которое через немецкое (др.-в.-нем. klōstar) или чешское (klášter) посредство восходит к ср.-лат. clostrum < лат. claustrum 'замкнутое место' (Славский ЭС II, 190; Басай І966, 45; Лиминг І976, 67).

І.3. Интересно отметить, что в позднейших московских переработках "Повести" Симеона западнорусская лексика не исчезает, а наоборот, вводятся еще новые западнорусизмы. В І461-І462 гг. "Повесть" включается в произведение "Слово избрано от святых писаний, еже на латыню, и сказание о составлении осмаго собора латыньскаго" (см. Попов І875, 344-359; ср. Казакова І980, 66). Для истории "Повести" важно, что она вошла в летописные своды конца XV-XVI вв. как раз в редакции "Слова"

(Казакова 1980, 67), поэтому в летописной "Повести", которая читается, напр., в Московском летописном своде конца XV в. (ПСРЛ XXV, 253-258) и в Софийской 2-й летописи (ПСРЛ VI, 151-169), больше западнорусизмов, чем в первоначальной, авторской редакции "Повести".

К западнорусизмам, которые впервые появляются в "Слове" и сохраняются в летописной "Повести", относятся: жакъ 'католический дьякон': "и жакомъ и(х) поужи(м) не малѣ" (Попов 1875, 365; в ПСРЛ XXV, 254 прочтено неправильно: ижаком, ср. также ПСРЛ VI, 153), ср. зап.-русс. жакъ (ССУМ I, 353; Булько 1972, II2-II3; Соболевский 1910, 197, 199) через польск. żak, чешск. žak из лат. diaconus < греч. διάκονος (Фасмер-Тр. II, 34; Басай 1966, 92; Лиминг 1976, 107); костель 'католический храм': "вниде папа Еоугеніи в костель сирѣчь въ ц(е)рк(о)вь" (Попов 1875, 365; ср. ПСРЛ XXV, 254; ПСРЛ VI, 153), ср. зап.-русс. костель (ССУМ I, 502; Булько 1972, 173) через польск. kościół < чешск. kostel, др.-в.-нем. kastel из лат. castellum 'замок, крепость' (Славский ЭС II, 553-554; Фасмер-Тр. II, 347; Басай 1966, 46; Лиминг 1976, 72); коруна 'корона': "[папа] въскладаше роукавици [...] и на главѣ шапку с короунами висока" (Попов 1875, 371; ср. ПСРЛ XXV, 257; ПСРЛ VI, 159), ср. зап.-русс. коруна (ср. уже в Галицко-Волынской летописи в связи с коронацией Даниила под 1255 г.: "Присла папа послы чѣстны носаче [...] короуноу еже наречѣтъ королевьскыи сань", ПСРЛ II, 826; ср. Срезн. I, 1292; СРЯ УП, 340; ср. также ССУМ I, 500; Булько 1972, 172), через польск. korona (в XV в. также koruna, ССтп III, 346-347) из лат. corona (Фасмер II, 334; Славский II, 492-494; ЭСРЯ II/8, 325; Лиминг 1976, 71-72); клячити/кличити 'стоять на коленях': "се ли есть смирение [...], еже и бискупы оучители и(х) творать и капланове

и(х) клѣчатъ, также и вси лахове и весь латыньскіи рѣ(д) [..] клѣча(т) до скончѣніа бѣомръскаго пѣніа ихъ" (Попов 1875, 374; ср. ПСРЛ XXV, 257), ср. укр. клячати, клячити, польск. kłęczeć (Славский ЭС II, 215-216); окрутный 'жестокій': "в той же грамотѣ написаше [..] окрутную свою тяжкую клятву" (Попов 1875, 383; в Соф. 2-й летописи непонятное, по-видимому, слово заменено: "окружную свою тяжкую клятву", ПСРЛ VI, 167), ср. зап.-русс. окрутныи (Срезн. II, 651; ССУМ II, 80; Булько 1972, 225; ГЛЕМ 91-92) из польск. okrutny < чешск. ukrutný (Карский 1962, 313, Кохман IV, 24-25, Кохман 1975, 103-104); справедливый: "всѣ праве(д)ливаѣ Марко глаше пре(д) нами" (Попов 1875, 367), ср. "вся справедливаа" (ПСРЛ XXV, 255), "вся справедливая" (ПСРЛ VI, 154), ср. зап.-русс. справедливыи (ССУМ II, 374) из польск. sprawiedliwy < чешск. spravedlivý (Мельников 1967, 108; Кохман 1972, 52, 1975, 127-129; Пальцев 1973, 131; Басай 1966, 74). Фиксация прилагательного справедливый в "Слове" свидетельствует о причастности книжников западнорусского происхождения к составлению этого произведения в 1461-1462 гг., так как в великорусских памятниках справедливый и производные начинают употребляться лишь со второй половины XVII в., причем сперва только в переводных памятниках. В XV-XVI вв. справедливый, справедливость и другие дериваты встречаются только в памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, где они характеризуют дипломатические заявления польско-литовской стороны (ср. Кохман 1975, 128), а также в некоторых других документах, написанных на западнорусском языке или переведенных при западнорусском посредстве, но сохранившихся в великорусских списках, как напр., в западнорусском переводе латинской грамоты римского папы Пия II польскому королю

Казимиру IV от 3 сентября 1458 г., включенном в состав Софийской 2-й летописи: "подлугъ справедливого суду Римской церкви" (ПСРЛ VI, 168, ср. также ПСРЛ XX/I, 255 - КДРС; в латинском оригинале: "iusto romano ecclesie iudicio", Прохаска 1923, 69) или в жалованной грамоте киевской княгини Анастасии Троице-Сергиеву монастырю 1458/59 гг., сохранившейся в московском списке начала XVI в.; "А на ^{лѣ}пшѣи справедливости [1] к семѣ листѣ печать нашѣ привѣсили" (АСЭИ I, № 279, с. 200); описка в московском списке (справедливости вм. справедливости) свидетельствует о необычности существительного справедливостѣ в великорусском языке начала XVI в. Слово справедливый и производные стали общеупотребительными в русском языке только в первой половине XVIII в. (Кохман 1972, 52), между тем как прил. справедливыи, сущ. справедливостѣ, наречие справедливо/справедливѣ западнорусским деловым языком были усвоены уже к середине XV в. (см. ССУМ II, 373-374).

Подытоживая показания великорусских произведений о Флорентийском соборе, можно установить, что уже в 30-40-е годы XV в. русская церковная дипломатия в общении с Западной Европой обильно использовала западнорусскую лексику для характеристики западноевропейских, католических реалий и понятий вообще; сформировавшаяся в условиях сосуществования в Западной Руси польско-литовской католической и русской православной культур специальная лексика для обозначения соотносимых с православными, русскими понятиями и реалиями "латинских", польско-литовских понятий и реалий в трудах великорусских книжников распространилась на всю латинскую культуру; западнорусский язык, развивавшийся на рубеже двух культур, выступал в этот период уже как активный посредник в культурном общении Московской Руси с Западной Европой. Несомненно, что до

установления непосредственных дипломатических сношений Московской Руси с западноевропейскими странами при Иване III, главным проводником информации не только о православном Востоке, но также о латинском Западе было русское духовенство, которое в Западной Руси в первой половине XV в. еще относительно мирно сосуществовало с католиками, в том числе и с русскими католиками (ср. Соболевский 1910, 194–195). До окончательного разделения русской церкви на московскую и литовскую митрополии (1458 г.) все православное восточнославянское население подлежало единой церковной юрисдикции (с некоторыми перерывами, да и те были заполнены борьбой за восстановление единства), что обеспечило постоянный культурный обмен между политически разделенными восточнославянскими землями. Языковая близость, воспринимавшаяся в этот период, по-видимому, еще как тождество, обусловила беспрепятственное использование великорусским книжным языком западнорусских лексических элементов в качестве своих собственных экзотизмов для обозначения любых (не только польско-литовских) западноевропейских католических десигнатов. Этим и объясняется, по-видимому, то обстоятельство, что в великорусском книжном языке, а также в деловом языке великокняжеской дипломатии, не получили широкого распространения прямые великорусские заимствования для тех же понятий из средненижненемецкого (напр., пискуп, провст, ср. Томас 1976, 57) несмотря на то, что на Северо-Западе (Псков, Новгород) контакты великорусского населения с католическим миром начались раньше, чем интенсивное польско-латинское воздействие в Западной и Юго-западной Руси. Большинство нижненемецких заимствований осталось узко-локальными словами не только в том смысле, что они редко выходят за пределы новгородско-псковских памятников, но и в

том, что они сохраняются в них для обозначения лишь прибалтийских немецких десигнатов, не превращаясь в экзотизмы общезападноевропейского характера, между тем как большинство западнорусизмов, засвидетельствованных в произведениях о Флорентийском соборе, на протяжении XV—XVII вв. получило широкое распространение в дипломатической переписке Москвы с западноевропейскими странами (не только с Польско-Литовским государством), а часть их со временем из экзотизмов перешла в основной словарный фонд русского языка.

2. Наше предположение о том, что главным проводником западнорусского влияния в Московской Руси в середине XV в. было духовенство, подтверждается также анализом грамот, вышедших из канцелярии митрополита Ионы. Иона был поставлен в митрополиты собором великорусских епископов по инициативе Василия II в конце 1448 г.; его поставление на первых порах не было признано законным со стороны литовских властей, так как в Западной Руси законным митрополитом "всея Руси" считался и в дальнейшем Исидор, изгнанный из Москвы еще в 1441 г. из-за принятия унии на Флорентийском соборе. Первые два года правления митрополита Ионы были наполнены борьбой за восстановление единства митрополии "всея Руси", разумеется, под управлением его самого. В этой борьбе, закончившейся к началу 1451 г. подчинением Ионе литовских епархий (под номинальным управлением Исидора оставалась только галицкая епархия), московский митрополит, ставленник московского великого князя, мог рассчитывать на поддержку православных князей и магнатов в Литве, чтобы через них повлиять на литовский сенат ("раду") и подготовить благоприятное для себя решение великого князя Казимира IV. Имеются сведения о том,

что Иона активно участвовал и в политическом сближении Москвы и Литвы, в частности в подготовке мирного договора между Василием II и Казимиром IV, заключенного в 1449 г. (ДДГ, № 53, с. 160-162) и при этом его заслуги были высоко оценены также со стороны Казимира IV. Об этом свидетельствует послание Ионы Казимиру ок. 1450 г., в котором говорится: "Что еси, господине и сыну, прислалъ къ нашему сыну, а къ своему брату, Великому князю Василью Васильевичю своего посла Гармана съ рѣчьми и съ листы [...], а ко мнѣ еси своему богомолцу приказалъ съ нимъ, чтобъ вашъ богомолецъ общій попеченіе имѣлъ межю васъ великихъ государей о вашемъ братствѣ" (по сп. XVI в., ААЭ I, № 49, с. 36; ср. Голубинский П/І, 492-493). Василий II, в свою очередь, поддерживал притязания Ионы на литовские епархии, на что указывается в настольной грамоте Казимира IV Ионе от 31 января 1451 г.: "мы Казиміръ [...] гадавшие и добръ смотривше съ нашимъ братомъ, великимъ Васильемъ Васильевичемъ, и съ нашими князьми и паны, съ нашею Радю, полюбили есмо себѣ отцемъ митрополитомъ Іону" (РИБ VI, № 67, с. 563-564). Таким образом, признание Ионы главой православной церкви также в Литве можно считать результатом совместных усилий московской церковной и светской дипломатии. Для успешного проведения этой акции митрополиту Ионе нужны были люди, хорошо разбирающиеся во внутриполитических условиях Литвы и в то же время промосковской политической ориентации. Таких людей можно было найти легче всего в окружении православных князей в Литве. Укажем в первую очередь на киевского удельного князя Александра (Олелько) Владимировича, сына того Владимира Ольгердовича, который не перекрестился в католичество в 1386 г. Александр Владимирович был ревностным покровителем православия в Литве тем более, что был женат

на Анастасии Васильевне, сестре Василия II. О контактах Ионы с киевским князем свидетельствует грамота митрополита, адресованная этому князю до 31 января 1451 г. (РИБ УІ, № 66, с. 555-564); роль Владимира Александровича в подчинении Ионе Литовской православной церкви подтверждается подписью князя на цитированной выше грамоте Казимира IV от 31 января 1451 г. (см. РИБ УІ, № 67, с. 566). О том, что семья киевского князя поддерживала и личные контакты с московским великокняжеским домом, свидетельствует известие Никаноровской летописи как раз под 1451 г.: "был на Москвѣ князь Семенъ Олелковичъ оу своей бабѣ великие княгини Софїи [Витовтовны. - А.З.] и оу великого князя Василия, оу дяди своего" (ПСРЛ XXII, II6); напомним, что киевского племянника московского великого князя крестил в свое время не кто иной, как митрополит Фотий (в 1420 г.), только что получивший обратно духовную власть над западнорусской церковью, которой в 1415-1419 гг. управлял Григорий Цамблак (см. Попов 1875, 330, примеч. I). Из других влиятельных православных политических деятелей в Литве, содействовавших признанию Ионы, можно назвать князя Свидригайла Ольгердовича, служившего раньше и Василию I (см. Воскр. лет. под 1408 г., ПСРЛ УШ, 82), и канцлера Великого княжества Литовского Михаила Кезиगाйловича, подписи которых также фигурируют на указанной настольной грамоте Казимира IV (ср. Галецкий 1915, 92).

По-видимому, этими контактами митрополита Ионы объясняется то обстоятельство, что западнорусизмы в его грамотах встречаются раньше, чем он стал "общим богомольцем" как Василия II, так и Казимира IV. Надо при этом учитывать, что все послания Ионы сохранились в списках I-й половины XVI в., и поэтому многие западнорусские черты в орфографии, морфологии

и синтаксисе могли стираться при переписывании. Несмотря на это, в грамоте киевскому князю Александру Владимировичу, написанной до официального признания Ионы со стороны Казимира IV, наряду с лексическими западнорусизмами мы находим и западнорусскую конструкцию писати до кого: /Казимир/ писалъ до насъ, до своихъ богомолцовъ, свой листъ" (РИБ УІ, № 66, с. 561-562). Это может свидетельствовать о том, что в московской митрополичьей канцелярии работали выходцы из Литовской Руси уже до 1451 г. Из лексических особенностей на западнорусского писца указывает употребление слова лист не только для обозначения западнорусской грамоты, но и московской, ср. в грамоте Ионы Казимиру IV ок. 1450 г.: "А о которыхъ еси дѣлѣхъ къ нему на своихъ листьхъ написалъ [...], братъ вашъ Князь Великій о всемъ къ тебѣ на своемъ листу написалъ"; "А о чемъ ти, господине и сыну, и опричь сего нашего листу иметь мой діакъ Василей Карло говорить рѣчми" (ААЭ I, № 49, с. 36-37), хотя противопоставление московской грамоты иностранному (западнорусскому, польскому и вообще западноевропейскому) листу в московских дипломатических документах и летописных известиях выдерживается довольно последовательно еще и в XVI в. (см. Кожман 1978, 82-84; ср. Золтан 1983, 341). На основании этих немногочисленных, но все же показательных данных можно предположить, что западнорусские писцы появились в московской митрополичьей канцелярии не вследствие подчинения митрополиту Ионе литовской православной церкви в 1451 г., а уже несколько раньше и, по-видимому, в связи с дипломатической деятельностью Ионы, направленной на воссоединение митрополии после его поставления в 1448 г.

Как было отмечено выше, в этих ранних грамотах Ионы фиксируются также западнорусские по происхождению слова госпо-

царь и господарство; отметим еще употребление прилагательного польский, которое засвидетельствовано только в составе титула Казимира IV как польского короля: "И какъ Богъ положилъ на сердце великому господарю, благородному славному превысокому, отъ Вседержителя Бога превъзвышенному польскому королю и великому князю литовскому Казимиру, самодержцу великихъ двоихъ господарствъ"; вне титула употребляется в том же предложении обычное в древнерусском языке в данном значении прилагательное лядский: "какъ отъ своего господарства отъ лядскихъ державъ въ своихъ же державахъ какъ будетъ въ литовской земли" (РИБ VI, № 66, с. 561-562). По-видимому, прилагательное польский появилось в великорусском языке впервые в составе польского королевского титула, ср. также в летописном известии 1430 г. о съезде монархов у Витовта: "король польский Ягаило Олгердовичъ" (Сокр. лет. св. 1495 г., ПСРЛ XXII, 343), хотя в XV-XVI вв. поляков называли в Московской Руси обычно ляхами. Самоназвание поляков — поляк как и прилагательное польский стали общеупотребительными в Московской Руси с начала XVII в. (Черных 1956, 201; ср. Кохман 1967, 77).

После занятия киевской кафедры Иона обращается к Казимиру IV с просьбой о подчинении себе также галицкой православной церкви. В соответствующем послании новых западнорусизмов мало, отметим лишь форму княжату (прускому) в официальной титулатуре короля (РИБ VI, № 68/I, с. 566-567; ср. Срезн. I, 563), восходящую к западнорусскому княжа 'князь' (ср. в титуле польских королей: княжа Пруское, ССJM I, 480; эта форма возникла в западнорусском под влиянием польск. książę 'князь', ср. Дамерау 1963, 72). О необычности этой формы в великорусском свидетельствует и неправильное склонение (д.б.

княжати, дат. п.; позже, в ХУІ в., в аналогичных случаях в московских грамотах, адресованных польским королям, пишут просто княже, см. Иван Грозный 1951, 213).

В посланной одновременно с этим посланием грамоте литовскому канцлеру Михаилу Кезигайловичу наряду с лексическими западнорусизмами встречаются и грамматические: до + род. п. вм. к + дат. п., а также форма I л. мн. ч. есмо от быти, ср. "А нынѣ, сыну, послали есмо до великого господаря [...], и до васъ, до великыхъ пановъ" (РИБ УІ, № 68/П, с. 568; ср. также в грамоте 1456 г., адресованной полоцкому епископу Симеону: "Листъ твой, сыну, до насъ пришелъ", РИБ УІ, № 78, с. 611). Можно полагать, что эта грамота была написана вообще на западнорусском языке.

В документах 1451 г. о назначении митрополичьих наместников для Киева и для Литвы Иона обращается к своим наместникам, чтобы они управляли церковью "по доволу всяко божественныхъ и священныхъ правилъ и церковнаго правильного нашего дохода", а также к православному населению: "Вы же [...] князи и панове, и архимондриты и протопопове, и игумены и мѣстичи [...]. А также сынове, благославляю васъ всѣхъ полно, чтобы тѣтъ нашъ наместникъ въ доходѣхъ и въ пошлинахъ церковныхъ ни отъ кого не обиженъ былъ". Документы эти названы впрочем листами: "Данъ листъ с і ѿ въ Новѣгородку" (РИБ УІ, № 69, с. 572).

Слово мѣстичь 'горожанин', вопреки утверждениям некоторых исследователей (Гринчишин 1964, 73; ср. также Укр. лекс. 249, 269), не является древнерусским. Оно, правда, встречается довольно рано в восточнославянских памятниках, но до ХУ в. только в западнорусских, как напр., в грамоте Кейстута торунским купцам 1341 г. (в форме мѣстичь, см. Срезн. II, 244-245;

ССУМ I, 627); проверка летописных источников, цитируемых в словаре И.И.Срезневского, приводит также к выводу, что слово это в XII-XIV вв. было известным только в Западной Руси. В Ипатьевской летописи слово мѣстичь встречается только в составе Галицко-Волынской летописи: "[Мстислав] созва боЯри Володимѣрьскыѣ брѣ^т своего и мѣстичь Роусци и Нѣмцѣ" (1287 г., ПСРЛ II, 905); "мѣстичь [вар.: мѣстичи] же не быѣахоуа по Болеславѣ с горожаны, но рекоша, кто сядеть княжити во Краковѣ то нашъ князь" (1290 г., ПСРЛ II, 934); в последней цитате "мѣстичи" противопоставлены "горожанам" в соответствии с польской семантикой производящих основ (ср. польск. miasto 'город' и gród 'крепость'). В Летописце Переяславля-Суздальского (сп. XV в.), дошедшем до нас в составе сборника, составленного в Западной Руси (Соболевский 1980, 59), слово мѣстичь встречается в составе "Жития Феодосия Печерского": "Единомъ бо емоу любѣе некое^т мѣстича, именемъ Яна" (под 1091 г., Переясл. лет. 50). В древнейших списках "Жития" (Усп. сб. л. 26 а - 67 в, с. 71 - 135; ПСРЛ I, 183 - 198) этот эпизод отсутствует; эпизод "О преречении святого" появляется только в Кассиановской редакции Киевского патерика (1462 г., сп. конца XV в.), но там Ян назван вельможей (Пат. Печ. 61). Таким образом, следует принять, что слово мѣстичь попало в этот текст поздно (не раньше 2-й пол. XV в.) в результате западнорусской переработки "Жития". Зап.-русс. мѣстичь заимствовано, по всей вероятности, из др.-польск. mieścis 'горожанин' (см. ССТП IV, 243), несмотря на то, что древнепольское слово засвидетельствовано позже (1391 г.), чем западнорусское (1341 г., не считая летописных данных), так как дериват мѣстичь со всей очевидностью связан не с восточнославянским (и праславянским) значением прасл.*město ('locus'), но со вторичным его значением

('civitas'), возникшим в западнославянских языках под немецким влиянием (ср. нем. Stadt и statt). Др.-польск. mieścic было самостоятельным польским дериватом от miasto (может быть, по аналогии с szlachcic от szlachta, как название определенного слоя населения). Впоследствии и в самом польском языке mieścic было вытеснено богемизмом mieszczanin (отмечается с 1400 г., ССтп IV, 237-238; ср. Мельников 1967, 104). В великорусских памятниках, кроме указанной грамоты Ионы, которая была адресована православным Литвы, слово мѣстичь появляется в летописном известии 1456 г. о прибытии в Москву смоленского епископа Мисаила: "Прииде исъ Смоленска к великому князю на Москву владыка Смоленскы Мисаило со многими мѣстичи Смоленскими бити челом ему, что бы пожаловал отпустить икону пресвятыа богородица, ея же плѣномъ взялъ Юрга" (ПСРЛ XXV, 273; ср. ПСРЛ XVШ, 209; ПСРЛ XXVI, 213). Слово мѣстичь позднее встречается еще в летописном известии 1500 г., относящемся к Литве: "Также и ко княземъ Руским и к Виленскимъ мѣстичемъ, и ко всеи Руси [...] посылалъ к нимъ" (ПСРЛ XXVI, 292). Как видно, слово мѣстичь в великорусских памятниках употреблялось только для обозначения городского населения Литовской Руси (ср. также СРЯ IX, 110), и, таким образом, можно его считать экзотизмом в великорусском языке, в отличие от западнорусского, где оно входило в основной словарный фонд (ср. Спринчак 1956а, 119). Однако вскоре и в западнорусском старый полонизм мѣстичь был заменен новым: мѣщанинъ (ср. ССУМ I, 630); при взятии Смоленска 1514 г. привели к крестному целованию уже "князеи и боярь Смоленских, и мѣщанъ, и всѣхъ людей" (ПСРЛ XXVI, 304; ср. Золтан 1977). Слово мѣщанинъ в XVI в. оставалось еще экзотизмом (ср. СРЯ IX, 143-144); широкое распространение оно

получило в великорусском, по-видимому, позже, в связи с основанием в Москве в XVII в. Мещанской слободы, заселенной военнопленными и добровольными выходцами из восточных областей Речи Посполитой после русско-польской войны 1655 г. (см. Богоявленский 1980, 15-21).

Слово посполно 'совместно' восходит к зап.-русс. посполно 'то же' (ССУМ II, 205), заимствованному, очевидно, из др.-польск. pospólnie 'то же' (ССтп VI, 444-445).

Вопрос о западнорусском происхождении русск. доход, насколько нам известно, еще не ставился в научной литературе; преобладает убеждение, что русск., укр., болг., мак. доход, польск. dochód, чешск. důchod 'доход, прибыль' являются континуантами *dochodъ, якобы существовавшего уже в праславянском (ЭСРЯ I/5, 180; БЕР I, 415-416; СПрасл IУ, 29 ; большую осторожность по отношению к этому слову проявляет О.Н.Трубачев, который не только не приводит отдельной статьи dochodъ, но не упоминает о нем даже в статье dochoditi, см. ЭСРЯ У, 52). Однако уже на основе самого материала, собранного в указанных словарях, можно иметь некоторые сомнения в состоятельности этой точки зрения. Прежде всего, весьма шаткая аргументация по отношению к южнославянскому материалу. В болгарском и русском этимологических словарях игнорируется указание С.Младенова (цитированное в СПрасл) на то, что болг. доход в данном значении является поздним русизмом; упускается также из виду, что в сербскохорватском в данном значении выступает в основном не доход (которое, кроме единичных поздних случаев, засвидетельствовано только в конкретных значениях), а доходак (уже с XIII в.). Напомним, что с.-х. доходити - в отличие от соответствующих по структуре восточно- и западнославянских глаголов - имеет значение 'приходить', значит, с.-х. доходак -

это 'то, что приходит' (ср. венг. jövedelem 'доход' от jön 'приходить', калькирующее, по-видимому, с.-х. доходак), и по-этому не является безупречной параллелью к словам типа русск. доход, польск. dochód, которые, по мнению авторов этих же словарей, являются отглагольными существительными от глагола dochoditi, имеющего в восточно- и западнославянских языках другое значение ('доходить до какого-л. предела'). Поздние (с XIX в.) и редкие формы с.-х. доход, словен. dohod 'доход' следует рассматривать как заимствования из других славянских литературных языков; то же самое можно сказать и о мак. доход, в котором уже само наличие -х- указывает на книжный характер слова. Таким образом, южнославянский материал, приведенный в указанных словарях, скорее противоречит праславянскому характеру этого слова, чем подтверждает его.

Все это позволило бы еще рассматривать *dochodъ 'proventus, tributum' как праславянский диалектизм (северо-западный, в отличие от южного *dochodькъ). Однако оказывается, что доходъ в данном значении нельзя считать даже общеславянским, так как фиксация др.-русс. доходъ с XIV в. (принимаемая в СПрасл вслед за СРЯ IV, 345) основывается на недоразумении. Дело в том, что слово доходъ в указанном значении на самом деле засвидетельствовано в Никоновской летописи под 1342 г. ("Нѣци же русии чловѣци оклеветаша Феогнаста митрополита къ царю, яко "много безчислено имать дохода, и злата, и сребра и всякаго богатства", ПСРЛ X, 215), но сама эта летопись была составлена лишь в XVI в. (по новейшим исследованиям - в период между 1526-1530 гг., Клосс 1980, 51). Примеры, приведенные И.И.Срезневским из русских переводов ханских ярлыков 1267 и 1379 гг., данных русским митрополитам (Срезн. I, 719), также не могут свидетельствовать об известности слова доходъ в ве-

ликорусском языке XIII-XIV вв., так как оно не читается в самых ранних переводах, сохранившихся в списках середины XV в. (см. ПРП III, 465-491), но только в т. наз. "пространной" и "смешанной" коллекциях ханских ярлыков, возникших путем переделки и дополнения (т.е. фальсификации) т. наз. "краткой" коллекции в целях доказательства того, что уже татарские цари гарантировали иммунитет церковных имений. Переделка имела место в связи с собором 1550 г. (Приселков 1916, 47-50; слово доходъ в одном из списков "смешанной коллекции" см. там же, 110). Таким образом, употребление слова доходъ в списках этих двух позднейших редакций при отсутствии его в первоначальной редакции свидетельствует лишь об известности данного слова во время составления указанных редакций, т.е. в первой половине XVI в. Пример И.И.Срезневского из грамоты 1425 г. взят также из позднего списка (XVI в.). Единственный пример у И.И.Срезневского, не вызывающий никаких сомнений в отражении современного датировке употребления слова доходъ, восходит к жалованной грамоте Ягайла своему брату Скиригайлу 1387 г., изданной по подлиннику (см. Пещак 1974, № 40, с. 74-79); эта грамота, разумеется, относится к памятникам не великорусского, а западнорусского делового языка. Таким образом, до указанной грамоты митрополита Ионы 1451 г. у нас нет достоверных данных о наличии слова доходъ в великорусском (в КДРС после указанной выше, вошедшей в СРЯ цитаты из Никоновской летописи следует фиксация слова доходъ в цитируемой нами грамоте Ионы, а затем фиксации в великорусском актовом материале начиная с 1585-1586 гг.); имеются лишь данные, свидетельствующие о широком распространении этого слова в западнорусском начиная с последней четверти XIV в. (ССУМ I, 323). В западнорусской деловой письменности XIV-XV вв. слово доходъ является самым частотным

членом синонимического ряда доходъ (457 словоупотреблений в источниках ССУМ) — приходъ (76 раз, ССУМ II, 249) — пошлина (12 раз, ССУМ II, 218), между тем как в великорусской письменности до самого конца XV в. случаи употребления этого слова являются спорадическими и при этом, как мы видели, впервые оно засвидетельствовано в документе митрополичьей канцелярии, связанном с Западной Русью. Отметим, что слово доходъ к этому времени закрепилось в западнорусском языке не только как общее название всякого рода поборов в пользу светских феодалов, но и в пользу церкви, в том числе и православной, как это отчетливо явствует, напр., из жалованной уставной грамоты упомянутого выше киевского удельного князя Александра (Олелько) Владимировича 1441 г., данной им предшественнику Ионы на киевской митрополичьей кафедре, Исидору: "есмо отдали г(осподи)ну отцоу своему Сидору [...] села вся ц(е)рк(о)вьная, и земли, и съ всѣми доходы"; "а так же воеводы [...] не вступали бы ся оу ц(е)рк(о)вныя земли и воды, и в люди и въ вси доходы, и въ вси пошлины, и ни въ что"; "съ всѣми доходы [...] и съ всѣми пошлинами" (Щапов 1976, 180). Слово доходъ часто встречается в памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским и характеризует дипломатические заявления польско-литовской стороны: "нашимъ предкомъ и намъ дани шли и доходы съ тѣхъ волостей и наши многи пошлины [...] а нынѣ намъ отъ колка лѣтъ даней и доходовъ нѣтъ съ тѣхъ нашихъ волостей" (ПДП I, № 4, 1488 г., с. 15); "абы наши данники тьи дани и доходы исполняли намъ по давному" (ПДП I, № 12, 1490., с. 48).

Закрепление слова доходъ в великорусском деловом языке относится к последнему десятилетию XV в., ср., напр., в dokonчании рязанского великого князя Ивана Васильевича с князем

Федором Васильевичем 1496 г.: "и Мещерские волости с оброки и з доходы по старинѣ" (ДПГ № 84, с. 339); многочисленные случаи употребления слова доходѣ фиксируются в Новгородских писцовых книгах 1495-1501 гг.: "и всего дохода деньгами пол-шеста рубля ноугородцкая"; "и принимает к старому доходу денгами три рубли"; "а мелкого дохода тринадцать боранов" и т.д. (Кочин 1935, 107; ср. Кочин Сл. 103). К середине XVI в. слово доходѣ становится повсеместным в великорусских документах, ср.: "а жити Третьяку в той моей вотчине и пашня пахати и доход всякой со крестьян имати" (АФЗХ П, № 194, 1546-1547 гг., с. 195); "пожаловал есми теми селы и деревнями [...] со всеми угоды [...] и з доходом з денежным и с хлебным" (АФЗХ П, № 255, 1555 г., с. 260). Повсеместность данного слова в жалованных, закладных и прочих грамотах XVI в. не оставляет сомнения в том, что к этому времени оно было усвоено и разговорным языком. Уже в первой половине XVI в. слово могло употребляться и в церковнославянском языке, ср., напр., в речи митрополита Даниила, произнесенной на соборе 1531 г. против нестяжательских взглядов Максима Грека: "Да ты же, Максим, святня божия соборная апостольския церкви и монастыри укоряеши и хулиши, что они стяжания, и люди, и доходы, и села имеют" (цит. по: Клосс 1980, 97). Отметим, что слово доход в русских говорах представлено только в конкретном пространственном значении 'окончание, приближение к концу'; известны лишь единичные записи производных от доход 'прибыль': доходка 'прибыль, доход' (Московская губ., 1908 г.) и доходный 'являющийся прибылью, составляющий чей-либо доход' ("Доходных денег у дьякона в месяц рублей 60", Владимирская губ., 1912 г.; СРНГ УШ, 160-161).

Возвращаясь к вопросу о происхождении русск. доход, можно

констатировать, что приведенный материал довольно убедительно свидетельствует о том, что в великорусском оно является заимствованием из западнорусского. Правда, в русском языке второй половины ХУП в. отмечаются отдельные случаи употребления глагола доходить в значении 'поступать в качестве дохода' (СРЯ IY, 346), которое могло бы мотивировать существительное доходъ 'прибыль', однако принимая во внимание путь распространения слова доходъ из западнорусского в великорусский, а также факт, что континуанты прасл. *dochoditi в подобном значении не засвидетельствованы ни в одном другом славянском языке (ср. ЭССЯ, СПрасл, ук. м.), несостоятельность этимологии, согласно которой доходъ на великорусской почве мотивировано глаголом доходить, становится очевидной. Следует принять, что, наоборот, позднее и редкое русск. доходить в указанном значении мотивировано прочно вошедшим в лексическую систему русского языка уже в ХUI в. существительным доходъ.

Существительное доходъ не мотивировано глаголом доходить также в западнорусском. В староукраинских памятниках ХIY-ХУ вв. глагол доходить засвидетельствован всего лишь два раза и в обоих случаях в конкретном пространственном значении (ССУМ I, 322-323). В связи с этим можно предположить, что зап.-русс. доходъ было заимствовано в готовом виде из древнепольского, в котором, правда, dochód засвидетельствовано несколько позднее (1428 г., ССтп II, 106), чем в староукраинском, но имея ввиду исключительное господство латыни в польской деловой письменности в средневековье, это обстоятельство не может исключать возможность существования слова dochód в древнепольском намного ранее его фиксации в памятниках. Отметим, что в научной литературе известно показательное количество несомненных полонизмов, зафиксированных в западно-русских памятниках раньше, чем в памятниках самого польского языка

(см. Гумецкая 1969, 219-228, 1971, II3-II8; Золтан 1978, 215-216). Поскольку, однако, глагол *dochoditi в древнепольском также не засвидетельствован в значениях, к которым можно было бы возвести исключительно экономическое значение существительного dochód (ср. ССтп II, 105-106) нам кажется вполне вероятным, что данное слово и в древнепольский было заимствовано в готовом виде - из древнечешского, в котором dóchod засвидетельствовано в первичном своем значении 'результат', мотивированном древнечешским значением глагола dochoditi/docházěti - 'достигать' (см. Гебауэр Сл. I, 282-283), которое в древнепольский могло перейти в более узком, специально экономическом значении как 'результат экономической деятельности, польза от нее, доход'. Таким образом, современное общеславянское распространение данного слова обусловлено не его праславянской древностью, а позднейшей его миграцией, "цепной передачей" (по выражению А.Шенкера, 1983, 257) из одного славянского языка в другой.

Отметим, что западнорусизмом в великорусском следует считать не только доход, но также приход в значении 'прибыль', которое в великорусском деловом языке появилось, по-видимому, позже (в словаре И.И.Срезневского в данном значении еще не отмечается, см. Срезн II, 1488-1489), а в XVII в. употреблялось не только как антоним слова расход, но как полноценный синоним слова доход, ср. у Котошихина, у которого доход засвидетельствовано 37 раз, а приход (в синонимическом значении) - 26 раз (Пенингтон 1980, 473, 644). В материалах КДРС слово приходь в данном значении засвидетельствовано впервые в цитированной нами выше в другой связи соборной грамоте литовских епископов о поставлении Григория Цамблака 1415 г., в которой митрополит Фотий обвиняется в том, что он "ниже бо хотяше сѣдѣти у цер-

кви [...], но точію приходы церковныя собирая и живяше индѣ, и старая устроєніа и честь кіевскоѣ церкви на ино мѣсто полагае" (РИБ VI, № 38, с. 310-311). В церковнославянских памятниках, а реже также в великорусских грамотах, в значении 'прибыль, доход' на протяжении XI-XVII вв. употреблялось слово прибытокъ (КДРС), заимствованное, по-видимому, из ст.-сл. прибытъкъ 'то же' (С.-А. 103). В указанной соборной грамоте наряду с приходъ употреблено и прибытокъ: "И царь Моноиль не восхотѣ послушати прошеніа его [Витовта. - А.З.] праведнаго, своихъ дѣля прибытковъ неправедныхъ" (РИБ VI, № 38, с. 311). Поскольку в украинских грамотах XIV-XV вв. прибытокъ вообще не засвидетельствовано (ср. ССУМ), несомненно, что в этом церковнославянском тексте прибытокъ является традиционным элементом книжного языка, а приходъ - отражением западнорусского разговорного субстрата (ср. аналогичное явление употребления титулов господарь и господинъ по отношению к Витовту в этом же тексте, см. выше, гл. I). Как было отмечено выше, приходъ в данном значении в западнорусском засвидетельствовано уже в памятниках XIV-XV вв. (ССУМ II, 249); зап.-русс. приходъ имеет точную аналогию в др.-польск. przychód 'доход' (ССтп UP, 240-241).

Наличие западнорусских элементов в указанных грамотах митрополита Ионы о назначении митрополичьих наместников для западнорусской церкви было бы проще всего объяснить так, что их составление было поручено кому-то из местного западнорусского духовенства во время пребывания Ионы в Литве; в пользу такого объяснения говорит и место написания грамоты: "Данъ листь сѣй въ Новѣгородку", т.е. в Новгородке Литовском (совр. Новогрудок в Белоруссии). Такое объяснение, однако, представляется не единственно возможным и даже не самым вероятным. Как было указано

выше, западнорусизмы встречаются уже и в тех грамотах Ионы, которые написаны до 1451 г. Анализ других грамот митрополита Ионы приводит нас к выводу о том, что такая грамота могла быть составлена и в митрополичьей канцелярии в Москве, так как западнорусская лексика обильно представлена и в тех грамотах, которые датированы в Москве.

Так, в послании смоленскому епископу Мисаилу 1454 г. митрополит Иона пишет: "Вѣдаете, сыну, и прежнее, что ся със-
тало отъ того князя Ивана Андреевича надъ нашимъ сыномъ, а
надъ его братомъ старѣишимъ, а не рку, надъ братомъ, но надъ
его Осподаремъ надъ Великимъ Княземъ Васильемъ Васильевичемъ,
какая шкота [...], а сыну нашему Великому Князю, у нужи, по
слѣду Князя Ивана достати, ва въ обиду ему себе не мощно под-
дати [...]. А сыну нашему пану Михайлу канцлерю говорилъ бы
еси, чтобы христіанства дѣля, также о томъ поберегъ" (АИ I,
№ 56, с. 104).

Слово шкота, шкота, шкота 'убыток, вред' было широко рас-
пространенным в западнорусском деловом языке XV в. (ССУМ II,
559-560; Булыко 1972, 364; ср. Ильенко 1958, 7; оно восходит
через польск. szkoda к др.-в.-нем. scado (ср. нем. Schade)
'то же' (см. Тамань 1960, 123; Гардинер 1965, 242; Кохман
1967, 145; Собик 1969, 366). На неисконность глагола достава-
ти/достати в значениях 'раздобыть, приобрести; овладеть' в ве-
ликорусском впервые обратил внимание С.Кохман (Кохман 1967,
106); к этой точке зрения присоединилась и А.Пеннингтон (Пен-
нингтон 1980, 387). Оба автора рассматривают глагол доставати/
достати в данном значении как новое явление в русской лексике
XV в., возникшее под влиянием польск. dostawać/dostać 'то же'.
Необходимо в связи с этим уточнить, что данный глагол, кроме
цитированной грамоты митрополита Ионы 1454 г., засвидетель-

ствовано также в московском проекте договора Ивана III с императором Максимилианом 1490 г.: "А почнешь, брате, ты доставати своего отчѣства Княжества Кіевскаго [...]" (ПДС I, 39; московский текст этого договора отличается впрочем явными западнорусизмами, ср. дальше: "а будетъ нам валка съ Казимиромъ съ Королемъ [...]" ; другие ранние примеры из подобного рода памятников см. СРЯ IV, 333-334); кроме того, известны единичные случаи употребления глагола доставати в указанном значении также в московских грамотах 2-й половины XV в., ср. "доставати своеѣ отчины и дѣдины" (ДДГ № 62, 1461-1462 гг., с. 200), так что широкое распространение данного глагола можно отнести к XVII в., но в московском канцелярском языке он был известен уже в XV в., и это обстоятельство свидетельствует о том, что новое значение русск. доставати/достати появилось не под непосредственным польским воздействием в XVII в., но уже раньше, и, по-видимому, через посредство западнорусского языка.

Глагол поддати, поддаться и производные - подданный, подданье - рассматриваются исследователями единогласно как заимствования из польск. poddać, poddać się, poddany, poddanie, которые, в свою очередь, калькируют соответствующие латинские слова (ср. лат. subditus 'подданный', см. Фасмер II, 383; Фасмер-Тр. III, 296; Кохман 1967, 130; Собиц 1969, 299-300).

По КДРС первая фиксация глагола поддати относится к посланию Василия II константинопольскому патриарху 1441 г.: "Исидоръ кѣ сему же подда и поработи насъ подѣ отлученную многихъ ради ересей святыми и богоносными Отци Римскую церковь и Римскаго папу" (АИ I, № 39, с. 74; такая же грамота, но адресованная византийскому императору, включена также в Софійскую 2-ю летопись под 1438 г., см. ПСРЛ VI, 165). Судя по церков-

нославянскому языку этой грамоты, она была написана в митрополичьей канцелярии. Как известно, грамота эта не была послана, так как "приде вѣсть, яко царь отиде въ Римъ на царство и ста въ Латыньскую вѣру; и [князь великий] пославъ пословъ възвратити воспать" (ПСРЛ УІ, І67); в І460-6І гг. она (или копия с нее) находилась, по-видимому, в митрополичьей канцелярии, так как Иона несомненно воспользовался ею при составлении своей грамоты І460-6І гг. тому же смоленскому епископу Мисаилу, ср. текстуальное совпадение этой грамоты с грамотой Василия ІІ І44І г.: "къ сему же поддати и поработити хотя насъ под отлученную, многих ради ересей, святыми Отци римскую церковь, подъ римского папу" (РИБ УІ, № 88, с. 660). Данные ранние фиксации слова позволяют отнести его к западнорусизмам (ср. ССУМ ІІ, І64-І65) в великорусском языке.

Слово канцлер(ъ) заимствовано не прямо из немецкого, как принято считать в этимологических словарях русского языка, которые датируют появление слова ХУІІ в. (Фасмер-Тр. ІІ, І82; ЭСРЯ ІІ/8, 50), а из западнорусского (ср. ССУМ І, 470), в котором оно восходит к немецкому источнику (Kanzler) через польское посредство (kanclerz) (ср. Кохман І967, 65).

В великорусских памятниках ХУ-ХУІІ вв. это слово употреблялось только по отношению к польско-литовским и западноевропейским должностным лицам; в России должность канцлера была введена Петром І в І709 г. (Сергеев І97І, І77-І80, ср. также СРЯ УІ, 60-6І).

В І458 г. Иона назначает своим западнорусским наместником полоцкого архимандрита Каллиста. В соответствующей грамоте он обращается к Каллисту как к "нареченному въ настоятельство того священного столица", т.е. киевской митрополичьей кафедры. В данном значении ('трон, престол; архиерейская кафедра') в древ-

нерусском, как и в старославянском, употреблялось слово столя (Срезн III, 517; С.-А. 124); в западнорусском языке XV в. распространилась форма столець (ССУМ II, 388-389) под влиянием др.-польск. stolec 'трон; столица' (Булыко 1972, 308), которое в польском языке лишь в XVI в. было заменено богемизмом stolica, заимствованным позже (в начале XVII в.) из польского также в русский язык (Кохман 1970, 73-75, 1975, 129-130). В великорусских памятниках столяць > столець засвидетельствовано в разных значениях, но в значении 'трон; кафедра' только поздно и в контекстах, относящихся явно к Западной Руси (Срезн. III, 519-520; Кохман 1970, 73; 1975, 129, ср. также КДРС). Слово столець засвидетельствовано впрочем также в настольной грамоте Казимира IV митрополиту Ионе 1451 г.: "и дали есмо ему столець митрополичь Кіевський и всея Руси" (РИБ УІ, № 67, с. 564-565).

Западнорусизмы встречаются и в грамотах Ионы, адресованных в великорусские области, как напр., в послании верейскому князю Михаилу Андреевичу ок. 1451 г.: "А вѣдомо тобѣ, моему сыну, и се что князь великий былъ Витовтъ, также и нынѣ король, великіе господарева, будучи и не наша вѣры, также и княжата и панове тое вѣры [...] какую великую честь держать" (РИБ УІ, № 70, с. 574; ср. АСЭИ III, № 9, с. 25). Здесь употребление лексических западнорусизмов обусловлено контекстом: верейскому князю ставится в пример отношение католических литовских князей и магнатов к православной церкви в Литве.

На западнорусское происхождение писца этой грамоты, известной по московскому списку ок. 1535 г., указывает наличие в тексте форм сложного будущего времени, образованных при помощи глагола буду + инфинитив: "а не ѡборониш(ь) мене ты, мои с(ы)нѣ, и ты поберегисѣа възданиѣ ѡт б(о)га, а ѣзъ бѣдѣ са

от них боронити законом б(о)жьимъ что ни боудѣт именувати(сь) христиѣане" (АСЭИ III, № 9, с. 25). Использование этой конструкции как во время составления цитированной грамоты, так и во время возникновения сохранившегося списка можно объяснить только западнорусским влиянием, так как сложное будущее с буду + инфинитив выступает в западнорусских грамотах XIV-XV вв. уже как обычная грамматическая форма (ср. Станг 1935, 49, Укр. Морф. 328), между тем в великорусском оно было чуждым письменному языку еще в середине XVII в. (Котков 1974, 265-266; ср. Кржижкова 1960, Пеннингтон 1968, Горшкова и Хабургаев 1981, 323-325). Характерно, что Котошихин в своем большом произведении "О России в царствование Алексея Михайловича" (1666-1667 гг.) употребляет эту конструкцию всего лишь один раз и то вставляя ее в уста иностранных послов, между тем как в своем коротком письме шведскому сенату 1666 г., изобилующим и лексическими полонизмами, он употребляет ее три раза (Пеннингтон 1980, 281).

Есть и случаи, когда западнорусизмы употребляются вне западнорусского контекста. В послании в Новгород, датированном условно 1448-1458 гг., засвидетельствован явный западнорусизм збродень: "еще же и наймовати на то на злое и богоненавистное дѣло [...] збродней, пьянчивыхъ и кровопролитныхъ челоуѣкъ" (РИБ УІ, № 65, с. 549). Слово это приводится И.И.Срезневским в реконструированной форме сзбродень и толкуется как 'сброд' (Срезн. III, 653); ср., однако, зап.-русс. збродень 'преступник', заимствованное из др.-польск. zbrodzień 'то же' (см. Булыко 1972, 118; ср. Брикнер ЭС, 648; Варш. Сл. УШ, 392; Речек Сл. 636).

По КДРС (в.в. сбродень) это слово засвидетельствовано еще в грамоте Пскова Риге 1463-1465 гг.: "не давайте воли такимъ

зброднямъ над нашими купчинами" (ГВНП № 336, с. 323) и в Рогожском летописце (сп. XV в.) под 1354 г.: "князь Олегъ [...]/ съ своими Рязанци съ потаковники ему сбродни, много зла христіаномъ сътвориша" (ПСРЛ XV/I, 63). Слово это не получило распространения в великорусском, и, по-видимому, оно не связано прямо со словом сброд, которое в КДРС отмечается только с XVI в.

Возможно, что к западнорусизмам следует отнести и наречие зався, завсе 'всегда', которое засвидетельствовано в грамотах Ионы, адресованных как в великорусские области, так и в Литву, как например, в послании в Вятку (ок. 1452 г.): "зався своему господарю, великому князю, грубите и приставаете к его недругу" (РИБ VI, № 73, с. 591); (ср. также в послании 1459 г. в Литву: "желая завсе [и] прося у Бога, еже ми быти у васъ", РИБ VI, № 85, с. 633). Под влиянием митрополичьей канцелярии могло попасть это слово и в церковнославянскую грамоту Василия II византийскому императору Константину Палеологу 1451-1452 гг.: "Завсе [Так в издании.-А.З.] того жалахомъ и происклвахомъ, еже како бы послати намъ къ Царьскому граду пословъ своихъ" (РИБ VI, № 71, с. 582-КДРС). Правда, завсе /завсѣ/ завсѣ 'всегда' широко распространено и в северновеликорусских говорах (СРНГ IX, 342), однако следует учитывать, что на протяжении XV-XVI вв. наречие завсе употреблялось главным образом в языке московской дипломатии, ср. напр., в наказе московским боярам, проводившим 1495 г. Елену Ивановну в Литву: "да молвити о томъ, какъ пригоже, чтобы паніи не завсе сидѣли у княжны въ тапканѣ" (ПДП I, № 31, с. 167). Большинство фиксаций слова завсе в КДРС относится также к памятникам дипломатических сношений XV-XVI вв., великорусское диалектное завсе отражается, по-видимому, только в единственном примере конца XV в.,

вошедшем в СРЯ — в великорусской грамоте ок. 1492 г., в которой цитируется свидетельство местного жителя: "А Есип, г(о)-с(поди)не, самъ завсе въ дворѣ жилъ у кн(я)зя Андрѣя Дмитревича" (АСЭИ II, 244, СРЯ У, 160). Нам кажется, что в памятниках церковной дипломатии около середины XV в. наречие завсе могло употребляться скорее под влиянием западнорусского делового языка, чем великорусской диалектной речи. Зап.-русс. завсе 'всегда' (ССУМ I, 372) образовано по аналогии польск. zawsze 'то же' (Карский 1962, 247).

Если употребление западнорусской лексики в грамотах, адресованных в Западную Русь объяснимо участием в их составлении выходцев из Западной Руси, хорошо знающих западнорусскую социально-экономическую терминологию, которые обличают себя иногда и употреблением нетерминологической западнорусской лексики (вроде посполно 'совместно'), а также некоторых западнорусских грамматических форм (есмо вм. цсл. есмы или ст.-русс. есмя) и конструкций (до + род. п. вм. к + дат. п. при глаголах послать, прийти), то приведенные примеры из митрополичьих грамот, адресованных в великорусские области, свидетельствуют о том, что деятельность "западнорусского отделения" канцелярии митрополита Ионы не ограничивалась составлением документов, связанных с делами западнорусской церкви, но оно принимало участие и в составлении некоторых посланий великорусским адресатам.

В "западнорусском отделении" канцелярии митрополита Ионы были несомненно составлены и две грамоты ок. 1455- 1456 гг., адресованные в Казань: "достоинѣю честь великомуу ти господарьству симъ нашим писаниемъ послали есмо, слыша, что же вышѣг(о)б(о)га силою держишь свое господарьство, всимъ кѣпцемъ нашимъ и иных земель кѣпцемъ шкоты и убытковъ нѣтъ некоторых ни от

кого [...]. И на то надѣяс(ь) послали есмо до Казани сего своего слѹгоу Агафона" (АСЭИ II, № 10, с. 26); "Послалъ есмо до Казани сего своего слѹгѹ Агафона [...] ѿ цемѣ бѹдет томѹ нашемѹ ч(е)л(ове)ку надобѣ [...] до волнаго ц(а)рѣ достѹпн-ти, и ты бы [...] печаловался [...] чтобы тот наш ч(е)л(ове)-къ и до нас приѣхал доброволно и безъоубыточно" (АСЭИ III, № 11, с. 27). В этих небольших текстах, сохранившихся, как и другие грамоты митрополита Ионы, в московских списках I-й половины XVI в., обращает на себя внимание прежде всего большая концентрация лексических и грамматических западнорусизмов, что позволяет предположить, что оригиналы этих грамот были написаны вообще на западнорусском языке, т.е. мы имеем дело не с западнорусскими вкраплениями в великорусских текстах, а с западнорусскими текстами, сохранившимися в великорусских списках.

Из лексических западнорусизмов, кроме отмеченных в связи с предыдущими грамотами, укажем еще на глагол доступити, которое в таком же значении ('получить доступ') появляется позже у Ивана Пересветова (см. Тамань 1960, 99-101), связанного своим происхождением с Западной Русью. Зап.-русс. доступити (ср. укр. доступити 'приступить, подойти' - Гринченко I, 432; СУМ II, 390; в староукраинском актовом материале засвидетельствована только форма несов. вида доступоватыся - ССУМ I, 321; ср. польск. dośćperować; несмотря на слабую засвидетельствованность глагола доступити в украинских грамотах, его известность в западнорусском не подлежит сомнению ввиду его фиксации в Ипатьевской летописи в составе Киевского летописного свода, см. СРЯ IV, 341), калькирует польск. dośćąpić; кроме засвидетельствованного в данной грамоте значения этот глагол встречается в великорусских памятниках XVI-XVII вв. также в

военном значении 'атаковать' (Срезн. I, 717; Кохман 1967, 63, 106).

К западнорусизмам следует отнести, по-видимому, и наречие добровольно 'беспрепятственно, свободно'. В этимологических словарях русского языка слова добровольно, добровольный не приводятся. Их этимология на самом деле очевидна, однако их история в великорусских памятниках указывает на то, что они возникли не на великорусской почве, а были заимствованы в готовом виде из западнорусского. Характерно при этом, что наречие добровольно появляется в великорусских памятниках раньше, чем прилагательное добровольный (не считая приведенную И.И Срезневским фиксацию прилагательного добровольнии из сочинений Иоанна, экзарха болгарского по списку XII в. в другом значении - 'достойный', которое явно сюда не относится, ср. Срезн. I, 675). По КДРС первая известная фиксация наречия добровольно относится к жалованной грамоте верейского и белозерского князя Михаила Андреевича Кирилло-Белозерскому монастырю, датированной 1435-1447 гг. и дошедшей до нас в списке XVI в.: "А торгуютъ и в озере у неводов доброволно суцом и рыбоу" (АСЭИ II, № 77, с. 48). Из грамот, сохранившихся в подлиннике, добровольно появляется почти одновременно в Новгороде и Москве, ср. в новгородско-ливонском договоре 1448 г.: "А приѣхати имъ на тои съѣздъ и розѣхатися доброволно, безо всякой пакости, по сему крестному челоуанью" (ГВНП, № 72, с. 118) и в договоре великого князя Василия Васильевича с суздальским князем Иваном Васильевичем, датированном концом 1448 - первой половиной 1449 г. Этот документ был составлен после поставления Ионы в митрополиты и по его "благословению"; как было отмечено выше (I.2.), это первая известная договорная грамота, в которой московский великий князь называет себя "господарем" (а не "братом старей-

шим", как это было принято в более ранних княжеских договорах) по отношению к одному из удельных князей. В этой грамоте читается статья, согласно которой "А боАром, и дѣтем боАрьским, и слугам добровольно межи нас волным вола" (ДПГ № 52, с. 157, 159). В более ранних московских договорных грамотах статья подобного содержания сформулирована без слова добровольно: "А боАром и слугам меж нас волным вола" (ДПГ № 27, 1433 г., с. 71; ср. также № 31, 1434 г., с. 81; № 32, 1434 г., с. 83; № 33, 1434 г., с. 86; № 34, 1434 г., с. 88; № 35, 1436 г., с. 91, 94, 97, 99; № 36, ок. 1439 г., с. 102, 104; № 38, 1441-1442 гг., с. 109, 111, 114, 116; № 40, 1445 г., с. 120; № 41, 1445 г., с. 122; № 42, ок. 1445 г., с. 124; № 43, ок. 1445 г., с. 126; № 44, 1447 г., с. 128; № 45, ок. 1447 г., с. 131, 134, 137, 140; № 47, 1447 г., с. 145; № 48, 1447 г., с. 148); многочисленные фиксации данной статьи свидетельствуют о том, что она переходила автоматически из текста одного договора в другой без изменений; в грамоте 1448-1449 гг. в эту статью вдруг вставлено слово добровольно неорганически. Слово добровольно выступает в этой грамоте еще раз, в статье о торговле: "А гостем нашим всего нашего великог(о) кн(А)ж(е)-ныА гостити и торговати в твоеи вотчинѣ, в твоеи державѣ, добровольно, без заѣпок и без пакости" (ДПГ, № 52, с. 157, 159); поскольку здесь выступает наречие добровольно рядом с другим несомненным западнорусизмом заѣпка (о нем см. ниже), мы должны предположить, что данная грамота была составлена не только "по благословению" митрополита Ионы, но и при активном участии его канцелярии (на участие митрополичьей канцелярии указывает, на наш взгляд, и то, что Иона - сразу после поставления на митрополичий престол - назван в тексте "святим": "А ѿ чем с/А/[судь]/и сопрут, ино им третей ѿтець наш, с(ва)ты

Иона, митрополит всеа Рус(и) - там же); ср. статью подобного содержания в тверско-литовском договоре 1427 г. (тверская грамота): "А людемъ нашимъ, гостемъ, гостити межи насъ путь ч(и)стъ, без рубежа и без пакости" (ДПГ № 23, с. 63). Следующая фиксация наречия добровольно относится к dokonчанию Василия II с Казимиром IV 1449 г. (сохранилась московская грамота в западнорусском списке XVI в.): "А которыхъ люди с которыхъ мѣсть вышли добровольно, ино тымъ людемъ волнымъ волѣю, где хотѣть, тутъ живѣть. А которые люди выведены отколе невольнo [...], ино ихъ отпустити добровольно зъ ихъ статьи къ ихъ мѣстomъ" (ДПГ № 53, с. 162); во втором случае наряду со словом добровольно выступает другой западнорусизм - статки (см. ниже). Имея ввиду наличие западнорусизмов в несколько более ранней и сохранившейся в подлиннике московско-суздальской договорной грамоте, мы не вправе предположить, что эти западнорусизмы попали в текст московской грамоты при ее переписывании в Литве; они должны были быть уже в московском оригинале. Если учесть сказанное на основе исторических сведений об участии митрополита Ионы в дипломатической подготовке этого договора, то становится вполне вероятным, что его канцелярия участвовала в составлении и этой великокняжеской грамоты. Все известные историческим словарям русского языка фиксации наречия добровольно, а также прилагательного добровольный относятся к более позднему времени (СРЯ IV, 259; Срезн. I, 674-675), между тем как в западнорусских грамотах данное слово богато засвидетельствовано уже начиная с 1366 г. как в значении 'беспрепятственно, свободно', так и в значении, сохранившемся донныне в русском языке - 'без принуждения, по собственной воле' (ССУМ I, 306; в первом значении см. также в полоцкой грамоте 1407 г.: "штобы полочаном добровольно ехат(и) к Рязѣ, такъже рижаном к Полоцку без всакоѣ

завады, ни однот(о) не выемши, добровольно ему купит(и) и продат(и)" - Полоцк. гр. I, № 38, с. 109). На неисконность наречия добровольно в великорусском указывает и то обстоятельство, что оно появляется в памятниках раньше, чем мотивирующее его прилагательное; можно допустить, что, наоборот, употребление прилагательного добровольный в сочетании добровольные люди в псковских летописях при описании событий 60-70-х гг. XV в. (СРЯ, ук. м.) мотивировано именно наречием добровольно в значении 'свободно'. Наречие добровольно 'по собственной воле' засвидетельствовано в Геннадиевской библии 1499 г., в составе переведенной с латинской Вульгаты книге Ездры (I.4): "что добровольно принесѣт цркви бжїи" (ср. лат. "quod voluntarie offerunt templo Dei" - КДРС).

Следует отметить, что как наречие добровольно, так и прилагательное добровольный засвидетельствованы в русских народных говорах весьма слабо: в СРНГ (УШ, 77) добровольно представлено всего лишь одной записью в значении 'постепенно, само по себе' (Курская губ., 1915 г.), а добровольный - двумя записями (добровольная собака - Якутия, 1901 г., и добровольный рой, без указания места, 1856 г.). В значении 'добровольно, по доброй воле' фиксируется еще наречие доброволь (Якутия, 1901 г. и Костромская обл., 1945 г.); существительные доброволец, доброволка 'беглый крестьянин', 'беглая крестьянка' засвидетельствованы только в смоленских говорах (1914 г.). Все это подтверждает неисконность слов добровольно, добровольный в великорусском. Зап.-русск. добровольный, добровольно/добровольнѣ заимствованы, очевидно, из др.-польск. dobrowolny, dobrowolnie (ССТп II, 78-80), где наречие dobrowolnie также имеет значения 'свободно, беспрепятственно' и 'по собственной воле, без принуждения', ср. также др.-чешск. dobrovolný 'доб-

ровольный' и dobrovolně 'добровольно' (с XIV в., Гебауэр Сл. I, 275); нам кажется, что значение 'по собственной воле' возникло в западославянских языках под влиянием нем. gutwillig 'то же', так как сочетанием *dobra vol'a непосредственно мотивировано лишь значение типа 'благосклонный, доброжелательный', также засвидетельствованное в древнепольском (ССтп II, 81), хотя и в данном случае можно считаться с влиянием лат. benevolus. Во всяком случае история слов добро-вольно, добровольный на восточнославянской территории свидетельствует об их миграционном характере, поэтому, на наш взгляд, возникновение сложного прилагательного *dobrovol'nъ, а также наречия *dobrovol'no/dobrovol'ně нельзя отнести к праславянскому лексическому фонду, как это принимается на основе их общеславянского распространения в этимологических словарях праславянского языка (ЭСЯ IV, 45, СПрасл IV, 308-309).

В связи с указанными грамотами митрополита Ионы, адресованными в Казань, необходимо отметить, что имеется одно летописное известие, текст которого также свидетельствует о том, что около середины XV в. западнорусский язык мог использоваться и в великорусско-татарских сношениях. Ср. летописное известие 1447 г.: "Татарове же рекоша: "а мы пришли ис Черкас [...], слышали бо про великого князя, что братия над ним израду учинили и они пошли искати великого князя за преднее его добро и за его хлѣбъ, много бо добра его до нас было" (ПСРЛ XXV, 268; ср. также ПСРЛ УШ, 120, СРЯ УІ, 201). Эти татары (или их переводчик) говорили, по-видимому, на западнорусском языке, ср. конструкцию до нас вм. к нам, а также слово израда 'измена, предательство', заимствованное из зап.-русс.

зрада, израда 'то же' (Ильенко 1958, 12, ср. ССУМ I, 408), которое восходит к польск. zdrada (Тамань 1960, II4-II5, Булыко 1972, 120), калькирующему ср.-в.-н. verrât (Брюкнер ЭС 650, Фасмер I, 462, 475).

Если слова западнорусского происхождения, отмеченные в грамотах митрополита Ионы 1448-1458 гг., относятся преимущественно к светской сфере, то в его грамотах после 1458 г. засвидетельствовано большое число западнорусизмов, употребление которых обусловлено острой антиуниатской полемикой, вызванной тем, что в 1458 г. Казимир IV, как написал позже Иван III, "чрезъ свой листъ" (РИБ VI, № 100, 1465-1470 гг., с. 709) принял в качестве киевского митрополита "Исидорова ученика" Григория, поставленного римским папой и константинопольским патриархом-униатом Григорием Маммой (см. Прохаска 1923, 59-64; Голубинский II/I, 414-531; Грушевский У/2, 385-422; Ходыницкий 1934, 50-63 и др.) и, таким образом, "сотворишася два митрополита въ Руси, единъ на Москвѣ, а второй въ Кіевѣ" (ПСРЛ VI, 169). С этим событием связана оживленная корреспонденция Ионы с западнорусскими епископами и православными магнатами, в которой, с одной стороны, оживает западнорусская лексика, известная в Москве уже со времен Флорентийского собора, а с другой - появляются также некоторые новые заимствования из западнорусского.

К новым заимствованиям, не встреченным в произведениях о Флорентийском соборе, относится слово отщепенец 'схизматик'. В 1459 г. восточнорусские епископы пишут западнорусским: "Григорей не истинный митрополит, но ложный, носить съ собою листы папини [...], а въ тѣхъ листѣхъ пишетъ на осподина нашего Іону, митрополита кіевскаго и всея Руси, а именуеть его отщепенцемъ и отступникомъ" (РИБ VI, № 84, с. 633); в послании, датированном концом 1460 или началом 1461 г. сам Иона цитирует это обвинение:

"Нынѣ пакъ, слышимъ, пришелъ туто къ вамъ въ литовское господарство отъ римския церкви ученикъ и единомысленикъ того отступника, Исидоровъ, Григоріе (а именуетъ себе митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси) съ папѣжскими листы, да и съ первоначалника отступника съ патріаршими Григорьевыми грамотами и съ Сидоровыми; и пишеться Сидоръ въ нихъ легатосомъ, кгардиналомъ, а мене пишуть отщепенцемъ, а сами будучи зліи отступници отъ православія" (РИБ УІ, № 88, с. 668; последнюю фразу — по другому списку — ср.: "и пишеться Сидоръ въ нихъ легатосомъ, кгардиналомъ, а мене пишуть отщепенцемъ, рекше отступникомъ", АИ І, № 273, с. 505). Сохранение написания кгардинал в обоих московских списках І-й половины ХVІ в. однозначно указывает на то, что в данном послании цитируется западнорусский текст "папных листов", т.е. на то, что соответствующие папские грамоты стали известными в Москве в западнорусском переводе. Один из переводов этих грамот на западнорусский язык (грамоты папы Пия II польскому королю и великому князю литовскому Казимиру IV) сохранился в составе Софійской II летописи (список ХVІ в.); в западнорусском тексте Иона на самом деле назван "отщепенцем": "А которни подъ панствомъ твоего княженіа и твоей опеки живутъ, отъ Московскихъ и отъ сторонъ высшїа, которни стороны черезъ отщепенца и противника и тежъ злочестиваго сына Іону чернѣца, которнй же учинился архіепископомъ Рускимъ, и отсѣлъ его, и отнялъ и отвернулъ и отдѣлилъ тую Кіевскую церковь [...]" ; "а не припустилъ бы того Іоны отщепенца, алюбю которого иного на мѣсто его во архіепископство взяти" (ПСРЛ УІ, 168); перевод был сделан, по-видимому, с латини в Западной Руси, ср. латинский текст: "et que sub tuo temporalī dominio existerent, a Moschouensi et Russie Superioris partibus, que per scismaticum et rebellem ac iniquitatis filium Ionam monachum se pro archiepiscopo Russie

totius gerentem eandemque Chieuensem ecclesiam [...]" ; "non permittas eundem Iohannem [sic] scismaticum vel alium loco sui in illis partibus in archiepiscopum recipi" (Прохаска 1923, 69). Зап.-русск. отщепенец восходит к др.-польск. odsz-czerpieńiec, которое калькирует лат. (из греч.) schismaticus (см. Виноградов 1947, 7-12; Булахов 1965, 47-48; ср. также Кохман 1975, 15). В связи с этим необходимо указать, что папские грамоты о флорентийской унии, а также грамота Исидора о том же, сформулированные параллельно на латинском и греческом языках, были переведены в Московской Руси на церковнославянский язык (по всей видимости, с греческого текста) и так они и попали в летописи (см., напр., ПСРЛ VI, 156-158; 159-160; 160-161), между тем как западнорусский перевод указанной грамоты с латинского языка был выполнен со всей очевидностью при посредстве польского языка (ср. хотя бы законченную фразу этого последнего: "А ты (отъ) того дѣла заслужишь себѣ отплату щастья вѣкуистого, и абы темъ мы высокость твою кралевскую слухными хвалами у панѣ Бозѣ могли-бысьмо вельбѣти" - ПСРЛ VI, 169; ср. "Tuque proinde consequaris premia felicitatis eterne ac nos eciam celsitudinem regiam condignis possimus in domino laudibus commendare" - Прохаска 1923, 69; западнорусский текст можно считать скорее морфологической транскрипцией польского перевода, чем самостоятельным западнорусским переводом с латинского).

В западнорусском переводе стала известной Ионе и латинская грамота Григория Маммы Казимиру IV от 20 ноября 1458 г. (см. Прохаска, 1923, 71-72). Западнорусский перевод этой грамоты не сохранился, но имеется характерная цитата из него в окружном послании митрополита Ионы западнорусским епископам, датированном 1458-1459 гг.: "[Григорий Мамма] всю свою ересь обнажилъ есть, якоже и свидѣтельствуютъ нынѣшня самая его писанія, еже пишетъ

сице: "Григоріѣ, милостию Божию архиѣпискупъ коньстантиноградскіѣ" [...]. Который господинъ нашъ преже бывшій патриархъ коньстантиноградскіѣ себе именовалъ "архиѣпискупомъ коньстантиноградскіимъ?" (РИБ УІ, № 81, с. 622). Поскольку, как мы видели в произведениях о Флорентийском соборе, западнорусское слово архиѣпискуп как в западнорусском, так и в великорусском ассоциировалось однозначно с католическим архиепископом, употребление этого слова в нормальной впрочем титулатуре константинопольских патриархов показалось Ионе очевидным свидетельством того, что Григорий Мамма обратился в католичество. Если этот аргумент Иона считал серьезным, а не только риторическим приемом, то это свидетельствует о том, что он читал западнорусский текст как "свой текст", не отдавая себе отчета в том (или — во втором случае — нарочно игнорируя), что употребление в нем слова архиѣпискуп вм. архиѣписком обусловлено только тем, что переводчиком текста был человек, который мало разбирался в разнице между католической и православной церковной терминологии. Переводы латинских грамот о назначении митрополита Григория на западнорусский язык были выполнены, по всей вероятности, в литовской великокняжеской канцелярии, где переводчиком мог быть светский чиновник, быть может, даже католик, или, судя по тексту сохранившегося западнорусского перевода грамоты папы Пия II, можно также предположить, что был сделан сперва перевод с латинского на польский в латинском отделении литовской канцелярии, который потом был передан в русское отделение, где он был переписан западнорусским писцом.

Западнорусские переводы этих грамот были поставлены в Москву, по всей вероятности, посольством Казимира IV к Василию II, которое имело своей целью уговорить Московского великого князя признать митрополита Григория также в Москве, "зане бо Іона митро-

полить престарѣлся уже." Из сообщения Софійской 2-й летописи видно, что грамоты Ионы, в которых цитируются западнорусские переводы грамот Пия II и Григория Маммы, были написаны после приезда королевского посольства и отказа Василия Васильевича ("Князю же великому слова королева не приѣмшу, а Сидорова ученика не приѣмшу же; а Іона митрополить посла грамоту къ своимъ епископомъ, дабы отъ него не приѣмали благословеніа" — ПСРЛ IV, 169); указание на это посольство имеется впрочем и в грамотах самого Ионы: "Нынѣ пакъ, сыну, приѣздили отъ короля къ великому князю посольствомъ о томъ отступницѣ о Григорьи королевский писарь Якубъ да Ивашенецъ, о томъ, чтобы его князь великий принялъ и держалъ себѣ отцемъ и богомолцемъ, митрополитомъ" (РИБ VI, № 88, 1460—1461 гг., с. 668—669). В связи с этим посольством попадает слово писарь (заменившее в западнорусском др.-русск. дьякъ уже с конца XIV в., ср. выше,) и в великорусские летописи: "Тоя же весны [...] пришелъ на Москву посолъ отъ короля Казимира Якубъ писарь да Ивашенецъ" (ПСРЛ VIII, 153; то же: ПСРЛ XXV, 280; ср. Ильенко 1958, 7—8). В памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским конца XV в. слово писарь выступает только как титул польско-литовских канцелярских чиновников, между тем как московский чиновник, занимающий соответствующую должность, продолжает титуловаться древнерусским грецизмом дьякъ (см. Кохман II, 72—73; ср. неубедительную попытку доказать собственно великорусское происхождение слова писарь: Чурнаева 1968). Из церковнославянских памятников писарь впервые отмечается в Геннадиевской библии 1499 г., в переведенной с латинской Вульгаты I-й книге Паралипоменон (XVIII, 16), где оно передает лат. scriba; характерно, что слово писарь здесь сопровождается на поле глоссой КНИГЧИИ (КДРС).

Грамоты митрополита Ионы, в которых цитируются хотя и небольшие фрагменты западнорусских текстов, интересны между прочим и тем, что в них засвидетельствованы первые случаи того беспередовного цитирования западнорусских документов в великорусских ответных письмах, которым и объясняется наличие показательного числа западнорусизмов в московских грамотах, адресованных в Польско-Литовское государство, в частности, в дипломатических посланиях Ивана Грозного (ср. Золтан 1983). Пример отражения посольства "королевского писаря" как в грамотах Ионы, так и в летописях подтверждает существование тесной связи посольской документации с летописанием (ср. Лихачев 1947, 345; Лурье 1955, 175; Казакова 1980, 100) и дает основание привлечь летописные материалы в качестве надежных источников для исследования лексики тех дипломатических актов, которые не сохранились, но пересказываются в летописных известиях, как, напр., документы, связанные с женитьбой Ивана III на Софии (Зое) Палеолог в 1472 г. (см. ниже).

Основная масса западнорусской лексики в грамотах, вышедших из канцелярии митрополита Ионы (1448-1461 гг.), зафиксирована в документах, адресованных в Западную Русь (арцибискупъ, достати, доходъ, канцлеръ, листь, мѣстичъ, отщепенецъ, папешкий, писарь, поддати, польский, посполно, столбец), и это свидетельствует о том, что в обязанности "западнорусского отделения" митрополичьей канцелярии входило в первую очередь делопроизводство, связанное с западнорусской церковью как в годы совместного управления Ионы западно- и восточнорусской церковью (1451-1458 гг.), так и до этого времени (1448-1450 гг.) и после окончательного разделения двух митрополий (1458-1461 гг.). Вместе с тем небольшое число западнорусизмов засвидетельствовано и в посланиях великорусским адресатам; часть их и в этих грамотах связана с за-

паднорусским контекстом (княжа, пань), другие являются западно-русскими вкраплениями (зався, збродень); единственным западно-русским элементом, введенным в великорусский текст сознательно, является, на наш взгляд, элемент великокняжеского титула отчичь и дѣдичь (ср. I.3); кроме того, грамоты митрополичьей канцелярии, адресованные в великорусские области, несомненно содействовали также распространению и закреплению титула господарь, который был заимствован несколько раньше (ср. I.2.). Интересный эпизод представляет собой участие "западнорусского отделения" митрополичьей канцелярии в сношениях митрополита Ионы с Казанским ханством; как было отмечено выше, сохранившиеся документы, относящиеся к посольству Ионы в Казань, были написаны на западнорусском языке, в них наряду с лексическими западнорусизмами (добровольно, доступити; господарство, шкота; эти последние засвидетельствованы также в грамотах в Литву) отражаются и грамматические особенности западнорусского языка. В конечном итоге количество западнорусских слов, засвидетельствованных в грамотах митрополита Ионы великорусским адресатам, весьма скромно. Тем не менее самый факт существования "западнорусского отделения" митрополичьей канцелярии в центре Московского государства свидетельствует о непрерывности использования западнорусского делового языка в дипломатических сношениях Московской Руси, той традиции использования западнорусского языка в качестве "lingua franca" в дипломатическом общении Москвы с Западом, которая отражается впоследствии в посольской документации, сохранившейся с конца XV в. Немногочисленные, но все же имеющиеся западнорусские вкрапления в грамотах великорусским адресатам, а также некоторые указанные случаи вероятного влияния митрополичьей канцелярии на великокняжескую позволяют предположить, что некоторые

западнорусские по происхождению слова, получившие впоследствии широкое распространение в великорусском деловом языке, закрепились в языке государственной администрации под влиянием митрополичьей канцелярии. В некоторых случаях, при решении вопроса о реальной истории отдельных русских слов, первая или ранняя фиксация того или другого слова в грамотах митрополита Ионы зарубежным адресатам не может, разумеется, считаться доказательством его распространенности в великорусском, тем не менее может осветить ту предысторию этих слов в великорусском, знание которой столь необходимо для прослеживания межславянской миграции слов, особенно тех, которые никакими формальными признаками не обращают внимания на свое инославянское происхождение, как например, слова типа доход, добровольно.

Г Л А В А Ш

ЗАПАДНОРУСИЗМЫ В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ И В АКТАХ ВНУТРЕННЕГО УПРАВЛЕНИЯ В 40-70-х гг. XV в.

I. В связи с историей слова добровольно мы попытались обосновать предположение о том, что "западнорусское отделение" канцелярии митрополита Ионы могло иметь отношение к составлению двух великокняжеских грамот 1448-1449 гг., поскольку в московско-суздальском договоре (ДПГ № 52) имеется прямое указание на участие митрополита Ионы в подготовке этого акта, а в случае литовско-русского договора (ДПГ № 53) имеются косвенные свидетельства о посредничестве Ионы между Василием II и Казимиром IV.

В принципе, конечно, ничто не противоречит тому, что западнорусские элементы в московский текст грамоты Василия II Казимиру IV могли попасть и без участия митрополичьей канцелярии, поскольку при составлении московской грамоты могли воспользоваться и литовским проектом, из которого могли перенять формулировки, которые в конце переговоров оказались приемлемыми и для московской стороны. Если бы мы ничего не знали о существовании "западнорусского отделения" митрополичьей канцелярии в этот период, приходилось бы именно так объяснить наличие западнорусских слов в этом московском тексте. (Исходя из того обстоятельства, что эта грамота сохранилась в списке XVI в., внесенном в Литовскую Метрику западнорусским писцом, можно было бы также думать, что некоторые западнорусские слова попали в текст при переписывании. Такое объяснение представляется нам маловероятным; западнорусский писец мог ввести в переписываемый

им великорусский текст свои орфографические навыки, диктуемые часто своим произношением, напр., вм. -чи- он пишет -чн-, мог изменить и некоторые флексии, но едва ли решился бы заменить одно слово другим в тексте важного государственного документа. Поэтому, на наш взгляд, есть все основания полагать, что л е к с и ч е с к и е западнорусизмы, читающиеся в сохранившемся тексте, вполне могли иметься уже и в подлиннике). Однако в таком случае трудно было бы найти удовлетворительное объяснение для наличия западнорусизмов в почти одновременном, но все-таки предшествующем этому акту московско-суздальском договоре, в оформлении которого литовская сторона никак не могла принимать участия. Поэтому нам представляется, что самым естественным звеном, соединяющим эти грамоты, является личность митрополита Ионы, который был причастен к обоим договорам, и, как показывает лексика других документов митрополичьей канцелярии, западнорусизмы в этих двух договорах вполне удовлетворительно могут объясняться участием в их составлении митрополичьей канцелярии.

В московско-суздальском договоре обращает на себя внимание употребление слова запѣлка 'помеха, препятствие' (ДДГ № 52, с. 157); это первая известная в литературе фиксация этого слова в великорусских документах (в СРЯ У, 336 приводятся примеры из дипломатической переписки конца XV — начала XVI в.). В более ранних московских, а также новгородских и смоленских договорных грамотах (XIII—XV вв.) это же содержание — право на свободное передвижение послов и купцов по территории другого княжества — выражалось устойчивым словосочетанием — путь чистъ (Сергеев 1978, 88-90). Как установлено М.-Е.Собиж на основе более поздних материалов, слово это восходит в конечном итоге

к польск. zaszerka 'то же'; русск. ц объясняется автором или как заимствование из польской диалектной формы засерка, или как результат отождествления корневой морфемы с русск. цепить, цепляться (Собик 1969, 222-223). Первое объяснение маловероятно, поскольку предполагает непосредственные великорусско-польские контакты на междиалектном уровне; в западно-русском языке мы находим зачепка, ср. в тексте польско-литовского посольства в Москву в 1488 г.: "такии зачѣпки знакоми^т починаются и землямъ нашимъ шкоды велики дѣются" (ПДП I, № 4, с. 16). Поэтому приемлемо только второе объяснение, т.е. великорусск. зацѣпка нужно считать по существу словообразовательной калькой зап.-русс. зачѣпка, заимствованного из польск. zaszerka. В некоторых случаях, как напр., в литовско-русском договоре 1494 г., великорусское выражение путь чистъ могло сочетаться с выражением западнорусского происхождения без всяких зацепок: "А посломъ нашим по н(а)шимъ землям на обе стороны путь чистъ без всяких зацепокъ" (ДЛГ № 83, с. 331, ср. Сергеев 1978, 89).

К литовско-русскому договору 1449 г. относится первая известная нам фиксация слова статок в великорусском тексте: "А которне люди выведены отколе невольню, [../] ино ихъ отпусти^ти добровольно зъ ихъ статѣки къ ихъ местомъ" (ДЛГ № 53, с. 15 - КДРС).

О происхождении слова статок '(движимое) имущество', засвидетельствованного в великорусских памятниках XV-XVII вв. преимущественно делового характера, мнения ученых сильно расходятся. Я.А.Спринчак приводит слово статокъ 'имущество нарушителя закона' в списке слов, употреблявшихся в московских грамотах XIV-XV вв., но неизвестных памятникам белорусского и укра-

инского языков, т.е. как типичное великорусское слово, характеризующее великорусский деловой язык в противопоставлении с западнорусским (Спринчак 1956а, 121) несмотря на то, что неизвестное современному русскому литературному языку слово статок широко распространено в украинском и белорусском языках (статок I. 'имущество', 2. 'скот' - Гринченко IV, 200; I. 'достаток, состояние, имущество'; статки мн. ч. 'достатки', 2. обл. 'скот' - УРС У, 494-495; статак 'стадо' - БРС 880), а также засвидетельствовано в смежных с ними великорусских областях, в том числе и псковских (статок 'достаток, имение, стяжанье, нажитье или богатство' характеризуется В.Далем как "старое и западное, псковское" - Даль IV, 310). А.В.Исаченко, характеризуя язык московских судебников конца XV - XVI в., отмечает это слово в Судебнике 1497 г. (ср. Суд. 25) и причисляет его к словам западнославянского происхождения. При этом указывается на чешск. statky 'имущество' и польск. statki 'посуда' с тем, что, по мнению А.В.Исаченко, значение 'имущество' в польском не засвидетельствовано (Исаченко 1980, 241-242); это последнее замечание указывает, по-видимому, на то, что автор считал возможным возвести данное слово прямо к чешскому, без посредства не только западнорусского, но и польского языка. Между тем на самом деле слово статок было хорошо известно западнорусскому языку. Правда, в словарных источниках оно приводится из несколько более поздних западнорусских памятников, чем литовско-русский договор 1449 г. (ССУМ II, 385 - с 1459 г., Булько 1972, 307 - с 1488 г.), однако оно засвидетельствовано в Крестоцеловальной записи князя Ф.Л.Вортынского Казимиру IV, написанной в Троках 5 февраля 1448 г., причем в такой же фразе, в какой мы его встретили в польско-

русском договоре 1449 г., ср.: "А люди г(о)с(по)д(а)ра нашего, короля, которые зашли из литовского княженья в Московскую землю, князю Ивану Андреевичу выпустити добровольно со всеми их статки" (ДП № 50, с. 150). Об известности слова статок в западнорусском языке и в более раннее время свидетельствует его фиксация в Ипатьевской летописи под 1190 г., т.е. в составе Киевского летописного свода: "и дврѣ загоша, и статокъ его всѣ поймаша" (ПСРЛ II, 669, ср. Срезн. III, 509). Из этого контекста видно, что статокъ означало 'движимое имущество'. Слово статокъ фиксируется также в псковских летописях при описании морового поветрия в Пскове в 1352 г.: "[...] и богатым бо всяким тщится послужити и въ животе и по смерти, да наследуютъ что отъ имения ихъ; аще кто кому отдаваху статокъ свои живота или дети, то и тии тако жъ мнози, на борзе разболевшеся, умираху" (Псков. лет. I, 22 - Псковская I-я летопись по списку конца XVI в.; ср. то же в Псковской 3-й летописи по списку 60-х гг. XVI в. - Псков. лет. II, 101). Отметим, что в Псковской 2-й летописи, сохранившейся в списке конца XV в., этот рассказ отсутствует, под 1352 (6820) г. в ней читается только ссылка на это описание: "Бысть моръ золь въ Пскове и по селомъ и по всей волости хракотныи; о сем простране обрящени написано в Русском летописци" (Псков. лет. II, 27), поэтому нельзя уверенно сказать, относится ли появление слова статок в псковском говоре только к XVI в. или к более раннему времени. Слово статок в цитированном отрывке И.И.Срезневским толкуется как 'наследство' (Срезн. III, 509), хотя здесь возможно и значение 'имущество'. В великорусских юридических текстах второй половины XV - XVI вв. слово статок на самом деле могло употребляться также в значении 'наследство', в списках Музей-

ного вида Карамзинской группы Русской правды оно заменяет основной для Русской правды термин в этом значении - задница (РП I, 385-387, ср. Живов 1984, 67, примеч. 24).

Для великорусского делового языка середины XV в. слово статок является новым словом, между тем как в западнорусском оно имело более древнюю традицию употребления, и, судя по фиксации слова в Киевской летописи, а также по широкому распространению этого слова в современных украинском и белорусском языках, в Западной Руси оно имело поддержку и со стороны разговорного субстрата. В великорусском, наоборот, это слово распространилось канцелярским путем и оставалось до конца своего существования типичным канцеляризмом, как об этом свидетельствует его дальнейшая судьба.

После литовско-русского договора 1449 г. (или почти одновременно с ним) слово статок засвидетельствовано в одной из жалованных грамот Василия II митрополиту Ионе, датированной 1448-1461 гг.: "[...] яз князь великий Василей Васильевич, отца своего для Ионы митрополита Киевского и всея Руси, тех его христиан пожаловал того Левка сстатком и конми и животиною и рожью и ярью, и что ни есть того Левка сстатка, тем есмь всех тех митрополичих христиан пожаловал, и в того бы сстаток Левков никто ся не вступал. А хто ся имет вступати в тот Левков сстаток, и яз дал на того пристава своего [...]" (АФЭХ I, № 116, с. 108 - по сп. XVI в.). Так как в других жалованных грамотах Василия II слово статок не встречается, можно предположить, что слово попало в этот текст из предшествовавшего жалованной грамоте челобитной митрополита Ионы, т.е. в великокняжеской грамоте отражается в конечном итоге языковая практика митрополичьей канцелярии (о механизме составления по-

становлений, принимаемых в ответ на челобитъя, см. Шмидт 1958, 258-259). Таким образом, ранняя история слова статок в языке московской государственной дипломатии (литовско-русский договор 1449 г.) и в указанной великокняжеской грамоте может объясняться влиянием "западнорусского отделения" митрополичьей канцелярии. Закреплению слова в московском деловом языке могло способствовать и частое его употребление в дипломатических документах литовской великокняжеской канцелярии, адресованных в Москву. Слово статки (обычно в форме мн. ч.) встречается постоянно при перечислении обид литовской стороны уже начиная с первых сохранившихся такого рода документов, ср.: "А платя и иных статковъ всего взяли на шесдесять рублевъ, "Кони и коровы и иную каждую животину, платя и все домовне статки побрали" (ПДП I, № I, 1477 г., с. 2), "А животы и статки все побрали" (там же, № 8, 1489 г., с. 36). Слово статки засвидетельствовано и в западнорусских юридических текстах, как напр. в Судебнике Казимира IV, данном Литве в 1468 г.: "А будет ли в дому статков татя того, и он домовны статки плати" (ст. 4, см. Яковкин 1936, I2, ср. также ст. 6, там же).

В московских великокняжеских грамотах после упомянутых двух случаев ок. середины XV в. статки встречается в поручной грамоте Ивана Воронцова великому князю Ивану III ок. 1474 г. (по списку конца XV - начала XVI в.): "а животы и села и състатки кн(я)жи Даниловы всѣ, а то великомѣ кн(я)зю" (АСЭИ III, № 19, с. 35).

В великорусских юридических памятниках слово статок 'имущество'; 'наследство' часто встречается в Судебнике Ивана III 1497 г. Можно думать, что значение 'наследство' возникло в

великорусском из более раннего значения 'движимое имущество' как раз в юридической терминологии. В статье о наследстве Судебника 1497 г. статок относится определенно к движимому имуществу в составе наследства, так как упоминается о "статке" и о "землях" отдельно: "А которой человек умрет без духовные грамоты, а не будет у него сына, ино статок весь и земли дочери, а не будет у него дочери, ино взяти ближнему от его рода" (ст. 60, Суд. 27). В других статьях, в которых говорится о воровстве, слово статок может быть заменено по смыслу как словом имущество, так и словом наследство, но поскольку в этих контекстах оттенок наследства отодвигается на задний план (нет речи о наследниках, так как имущество вора конфискуется), можно принять, что слово статок употребляется и в этих статьях в основном своем значении 'имущество', ср. напр. в ст. 11: "А поймают татя въдругие с татбою, ино его казнити смертною казнью, а исцево заплатить изъ его статка, а досталь его статка судье. А не будет у того татя статка с исцеву гибель, ино его испу в гибели не выдати, казнити его смертною казнью" (Суд. 20).

Слово статок впоследствии переходило из Судебника 1497 г. в более поздние судебники, а также в другие юридические акты. Ср. в Судебнике 1550 г.: "А не скажет на себя сам, ино его вкинути в тюрьму до смерти, а исцево заплатить и его статка" (ст. 52, РРП IV, 245). В Судебнике 1589 г. появляется в данном месте форма мн. ч.: "[...] а исцево заплатить из его статков" (ст. 103, РРП IV, 425). В Сводном Судебнике начала XVII в. слово встречается в форме то единственного, то множественного числа в рамках одной и той же статьи: "[...] и заплатить исцево из его статка; а что его статка останетца за исцовым - и то отдати в прогонн. А не будет у которого дикого столько статков, чем исцево запла-

тить, ино его исцу в его гибели не выдавати, казнити его смертною казнью" (грань 9, гл. 61, ПРП IV, 507). Вне состава судебныхников это слово употреблялось обычно в форме мн. ч. уже в конце XV — первой половине XVI в., ср., напр., в правой грамоте рязанских писцов ок. 1535 г.: "а подворишка гне наши разграбили, а животы и статки поимали" (Пам. ряз. № 66, с. 103), или в Губной белозерской грамоте 1539 г.: "[...] и тех бы разбойников подворья, животы и статки отдавали б естя тем тем людям, которых учините у себя в головах" (ПРП IV, 178). По наблюдениям Е.Н.Поляковой, слово статки 'имущество' широко употреблялось и в пермских деловых документах XVII в., но оно не оставило за собой никаких следов в народных говорах. Все это указывает на то, что данное слово было элементом не народного языка, а принадлежностью специальной приказной лексики (Полякова 1976, 46-47). Отметим еще наличие этого слова (в качестве двух самостоятельных заглавных слов статки и статок) в рукописном лексиконе XVIII в. (Аверьянова 1964, 390). В словарях современного русского литературного языка это слово не засвидетельствовано, оно вышло из употребления, по-видимому, еще в XVIII в.

Возвращаясь к вопросу о происхождении этого слова в великорусском, констатация факта, что оно было заимствовано из западнорусского, подтверждает точку зрения А.М.Булыко, который статок в западнорусском (старобелорусском) рассматривает как заимствование из польск. statek (Булыко 1972, 307). Правда (и в этом отношении прав А.В.Исаченко), в современном польском языке statek имеет значение 'корабль' (с начала XVII в., Брукнер ЭС 514; это значение засвидетельствовано и в русском переводе с польского XVII в.: статки морские в соответствии с польск. statki morskie

Двор Цесаря Тур. 42, КДРС) и statki (только мн. ч.) - 'орудия, инструменты, посуда', но современные значения польского слова развились из более раннего значения 'движимое имущество', хорошо засвидетельствованного в древнепольских памятниках начиная с конца XIV в. (ССтп УШ, 429-430). Поэтому нельзя согласиться с указанным предположением А.В.Исаченко о том, что великорусск. статок могло быть заимствованным прямо из чешск. statek. В древнечешском statek засвидетельствовано - как и в древнепольск. - в значении 'движимое имущество' (Гебауэр Сл. I, 218, s.v. dědina). Нельзя согласиться и с мнением В.Махка, согласно которому чешск. statek слово праславянского происхождения (Махек ЭС, 575), так как приведенные им параллели из восточнославянских языков (в южнославянских языках это слово неизвестно), как мы видели, заимствованы из польского. Остается выяснить взаимоотношение чешского и польского слов; возможно, что и в данном случае мы имеем дело с ранним богемизмом в польском языке.

2. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Западной Европой до 1487-1488 гг. не дошли до нас в непосредственной форме (в виде грамот, договоров, посольской документации и т.п.), однако начиная со второй половины XV в. официальное летописание все шире использует актовъй материал, в летописи включаются и документы, касающиеся дипломатических сношений (см. Лихачев 1947, 354-360). Благодаря этому обстоятельству летописные известия о дипломатических сношениях в некоторой степени могут заменить несохранившуюся документацию; языковые особенности этих известий показывают, что западнорусский язык и в 1460-80-е годы выступал в качестве языка-посредника в сношениях Москвы с Западом.

2.1. После Флорентийского собора контакты Москвы с папским двором и Италией возобновились в 1469 г., когда в Москву прибыл Юрий Грек с посольством от кардинала Виссариона с предложением руки Софьи Палеолог Ивану III: "Прииде из Рима от гардинала Висариона Грекъ Юрьи именем к великому князю с листомъ, в нем же писано, что: "есть в Риму деспота Яморфискаго Фомы Ветхословца от царства Костянтина града дщерь его Софѣа именем, православная христьянка. Аще восхощещи поняти ея, то аз учиню в твоем государствѣ [..]" (ПСРЛ XXVI, 225, ср. также ПСРЛ XXV). Термин лист для обозначения грамоты кардинала Виссариона свидетельствует о западнорусской языковой стихии, хотя, судя по церковнославянскому языку перевода, сама грамота была написана на греческом языке, что впрочем вполне естественно, так как кардинал Виссарион был также греком — митрополитом никейским, видным сторонником унии среди греков на Флорентийском соборе. Знамательно также, что Юрий Грек (Траханиот) в Софийской 2-й летописи назван "паном Юргои" (ПСРЛ VI, 196, ср. Хорошкевич 1980, 180).

Посредством западнорусского перевода стала известной в Москве папская охранный грамота для послов Ивана III, как об этом свидетельствует ее пересказ в Воскресенской летописи под 1469 г.: "А листы своя далъ Ивану Фрязину таковы: что посломъ великого князя ходити добровольно два года по всѣмъ землямъ, которые под его панежствомъ присегаютъ" (ПСРЛ VIII, 155 — КДРС; ср. также ПСРЛ XXV, 281). Кроме западнорусских слов отмеченных уже и в более ранних памятниках (лист, добровольно, панежство, см. гл. II), обращает на себя внимание глагол присягати, который в великорусском тексте засвидетельствован здесь впервые (ср. КДРС). Русск. присяга, присягать/присягнуть рассматриваются обычно как

"оошеславянские", т.е. праславянские образования посредством приставки при- от сѣгати 'касаться', т.е. присяга значит буквально 'прикосновение (к предмету клятвы)' (ср. КЭС 365, Брикнер ЭС 445, Махек ЭС 535; Фасмер II, 434, Сергеев 1978, 19-20). Слова присѣга 'клятва', присѣгати 'клясться' на самом деле были известны старославянскому языку (С.-А. 105) и спорадически попадали и в церковнославянские тексты русской редакции XI в. (Срезн. II, 1476), но, по-видимому, они не получили распространения в древнерусском языке, в котором употреблялись в синонимическом значении слова клятва и рота. После введения христианства в Киевской Руси начинает распространяться обряд присяги, связанный с целованием креста как одного из священных предметов (Сергеев 1978, 5-19); основным термином в московском деловом языке XIV-XVII вв. для данного понятия оставалось крестное целование (обряд крестного целования для XVII в. подробно описан Котошихиным, см. Пеннингтон 1980, 84, ср. Сергеев 1978, II). Московскому обряду крестного целования в памятниках дипломатических сношений конца XV в. противопоставляется присяга как типичный западноевропейский обряд, ср. в инструкции московским послам, отправленным к Максимилиану Габсбургу в 1490 г.: "А не захочет Король креста цѣловати, а похочет присягу дати по своему обнчаю, и Король бы далъ присягу на докончалной грамотѣ по своему закону" (ЦДС I, 41). В памятниках сношений Москвы с Польско-Литовским государством слова присяга, присягати/присягнути характеризуют речь представителей польско-литовской стороны; ср. в речи литовского посла в 1487 г.: "и мы есмо ихъ присяги изъ ихъ записовъ не выпустили" (ЦДЛ I, № I, с. 3) или в записи ответа Казимира IV московским послам в 1489 г.: "бо тот князь Дмитрей намъ и великому князьству Литовскому присягнулъ

и записался и докончаніе вчинилъ; про то мы съ тобѣ присяги не выпускаемъ" (ПДП I, № 9, с. 40). Слова присяга, присягать могут относиться только к польско-литовской стороне еще и в XVI в., ср. в послании Ивана Грозного Стефану Баторию 1581 г.: "поругаючись н а ш е м у крестному целованью, что м н к тебе на грамоте крест целовали, и через присягу послов своих, которое они учинили за т в о ю душу" (Иван Грозный 1951, 217), "т н на том присягал, что тобе Лифлянское земли доступати" (там же, 229). Слова эти глоссируются еще и в московском переводе-редакции Литовского Статута: "присягнуть, сѣирѣчь крестъ поцелуютъ" (Ланно 1916, 35), "очиститься присягою, сѣирѣчь крестнымъ целованьемъ" (там же, 37), "под присягою нашею, сѣирѣчь за крестнымъ целованьемъ" (там же, 85) и др. Из текстов, написанных на церковнославянском языке глагол присяжи отмечается в Геннадиевской синодике 1499 года, в ветхозаветной книге Неемии, переведенной с латинского: "и присѣгль на бѣ" (ср. лат. "et adiuravi in Deo", Неем. XIII, 25 - КДРС).

Ранняя история слов присягати/присягнути, присяга в великорусском свидетельствует о том, что они были заимствованы из западнорусского во второй половине XV в. в связи с дипломатическими сношениями с Западом, а не продолжают соответствующие церковнославянские слова, засвидетельствованные sporadически в древнерусских памятниках. Повторное заимствование из западнорусского подтверждается и тем, что на протяжении XV-XVII вв. эти слова в великорусском употреблялись в качестве экзотизмов, они означали не свой, а чужой обычай. Слова эти стали общеупотребительными в русском языке лишь к началу XVIII в., когда крестное целование выходит из употребления (ср. Сергеев 1978. 14, 22). По свидетельству "Российской грамматики" А.А.Барсова

(1783-1788 гг.) в языковом сознании второй половины XVIII в. еще отражалось иноязычное происхождение слова присяга. Так, А.А. Барсов, возражая "прежним грамматикам", которые отвергали формы превосходной степени с префиксом най- как "отъ польскаго языка къ намъ прившеди́е", приводит между прочим и аргумент, что "польское ихъ происхожденіе по сродству польскаго языка съ Россійскимъ чрезъ славенскій не должно имъ вредить, тѣмъ паче, что и кромѣ того есть польскія слова в нашъ языкъ принятія какъ: присяга, опекунъ, и проч. то должно и ихъ уже знать и употреблять безъ сомнѣнія" (Барсов 1981, 496-487).

В западнорусском языке присяга, присягати/присягнути (присячь) засвидетельствованы большим количеством примеров уже со второй половины XIV в. (ССУМ II, 249, 271). Слова przysięga, przysięgać/przysięc с многочисленными дериватами широко представлены в древнепольских памятниках конца XIV - XV в. (ССтп UP, 344-355), поэтому можно предположить, что слова присяга, присягати/присягнути заменили цсл. крестное цѣлование, цѣловати крестъ в западнорусском (ср. ССУМ I, 512) под польским влиянием (ср. Кохман и Шнигер 1984).

Западнорусская лексика широко отражена и в переводе папской грамоты 1472 г., пересказанной в летописях: "Мѣсяца же Іуніа 24 отпустиша царевну Соѣю изъ Рима за великого князя [...]. И поидоша не тѣмъ путемъ, куды Орязинъ шель, но все [вар. : всею] областію папешкою къ морю. А папа по всѣмъ градомъ послалъ листы своя, такоже и по мѣстомъ, кимже имъ ити бяше [...], а пиша имъ, чтобы всѣ князи земель тѣхъ и панове честніи и бискупы и вся земля, гдѣ ни придетъ царевна, стрѣчали бы есте ее и чтили и кормъ давали [...]. И по тѣмъ листомъ папешкимъ велику честь вси земли тѣ въздаша царевнѣ Соѣи" (ПСРЛ XII, 147; ср. ПСРЛ XXV,

296). Отметим в связи с этим, что непонятно, почему "изменение маршрута кортежа Софьи — не через Польшу и Великое княжество Литовское, а по Балтике — заставляет думать о большой роли поляков в подготовке брака", как пишет А.Л.Хорошкевич. Нам думается, что этот брак, призванный возвысить авторитет московского государя на международной арене, мог вызвать сопротивление польской дипломатии. Необходимо указать, что выделенные нами в цитированном пересказе папской грамоты "полонизмы" не свидетельствуют ни о какой-либо роли поляков в подготовке брака Ивана III с Софьей, ни об "участии в переводе польских толмачей" (Хорошкевич 1980, 182, примеч. 637). Переводчиками латинской грамоты вполне могли быть выходцы из Западной Руси, находившиеся на службе московской дипломатии. В приведенной цитате нет ни одного слова, которое было бы неизвестным западнорусскому языку, и все они (бискуп, лист, пан, папешский) встречаются в памятниках московской церковной дипломатии середины XV в. (ср. выше, гл. II). Наличие их в этом тексте свидетельствует лишь о продолжении в 70-е годы XV в. той традиции использования западнорусского языка в сношениях Москвы с Западной Европой, которую мы обнаружили уже в произведениях о Флорентийском соборе.

Появление латинского "крыжа" и в этот раз вызвало резкое возражение в Москве. Посольство уже приближалось к Москве, когда великому князю стало известно, что "тотъ посолъ Антоний лятатосъ идетъ со царевною, а предъ нимъ крыж несутъ" (ПСРЛ XXV, 299), при этом советники Ивана III прямо ссылаются на митрополита Исидора: "иѣсть се бывало в земли нашей, что почести быти Латинской вѣре, учинилъ онъ то единъ Сидоръ, и онъ и погибъ" (там же). После совещания с митрополитом Филиппом Иван III "посла к тому лятату, что онъ не шелъ предъ нимъ крыж, но повелѣ скрыти его" (там же).

На западнорусское посредство в русско-итальянских контактах, завязавшихся в связи с посольствами в Рим, указывает и слово муроль (мулярь) 'зодчий', появившееся в летописных известиях 1475 г., когда возвратился из Венеции в Москву посол Ивана III и "привел с собою мастера муроля, кои ставит церкви и полаты, Аристотеля именем", т.е. Аристотеля Фиораванти (ПСРЛ XXV, 303, УШ, 181, ср. Казакова 1980, 96); в том же известии засвидетельствован и другой вариант этого слова - мулярь: "Венец¹ьский мулярь Аристотель начатъ рвы копати на основание церкви Пречистой Богородици" (ПСРЛ XXV, 303, ХУШ, 260, ср. СРН IX, 307). Слово муроль/мулярь заимствовано не из итальянского прилагательного murale 'стенной', как полагает Л.А.Хорошкевич (Хорошкевич 1980, 228), а из западнорусского мураль, мурарь, мулярь (см. Ильенко 1958, 12), заимствованного из польск. murarz, mularz 'каменщик' (Булыко 1972, 209), которое образовано от mur 'стена' (ССп IV, 364-365); форма mularz возникла в результате диссимиляции из murarz (Брикнер ЭС, 348). В современных белорусском и украинском языках муляр 'каменщик' является основным названием данной профессии; в великорусском это слово не получило распространения (ср. также образованное от того же корня глагол муровати, отмеченное выше в Хождении неизвестного суздальца на Флорентийский собор).

В том же известии в другой раз Аристотель титулуется словом мистр: "Мистр Венец¹ьский Аристотель начат разбивати церкви Пречистыя непадлийа стѣны новыя" (ПСРЛ XXV, 303). Слово это встречается и в более ранних памятниках, но в другом значении - 'магистр рыцарского ордена' (впервые по отношению к магистру ордена на Родосе в Хождении Зосимы 1420 г., см. Фасмер-Тр. II, 627-628, позже также по отношению к главе немецкого ордена в

Прибалтике, см. СРЯ IX, 178); в значении 'мастер' это слово засвидетельствовано здесь впервые (ср. СРЯ IX, 178-179, где цитируется форма мистро из летописного известия 1490 г., относящегося также к итальянскому специалисту: "И приведоша съ собою [...] лекаря, мистро Олена Жидовина, из Вѣнецѣи" - Ерм. лет., ПСРЛ XXIII, 187). Быть может, что форма мистро в данном случае представляет собой контаминацию итал. maestro и слова мистр, заимствованного посредством зап.-русс. мистр из польск. mistrz, которое вместе с чешск. mistr восходит к ср.-в.-н. meister, которое заимствовано из лат. magister (Булько 1972, 204, Лиминг 1976, 80). Форму мистр в летописном известии 1475 г. А.Л.Хорошкевич необоснованно считает словом, вошедшим в русский язык "в венецианском произношении" (Хорошкевич 1980, 228); эта форма характеризует второй член сложений, заимствованных русским языком из польского через западнорусское посредство, ср. бурмистр, кухмистр (Гардинер 1965, 152).

3. На основе некоторых лексических особенностей известий о турках, встречающихся в великорусских летописях и в грамотах государственных и церковных деятелей 60-70-х гг. XV в. можно предположить, что некоторая информация о турецком нашествии в Южной Европе поступила в Москву и в другие великорусские области через Западную Русь или посредством выходцев из Западной Руси, находившихся на службе московской дипломатии. После падения Константинополя в 1453 г. появляется в московских источниках прилагательное турецкий, заимствованное из польск. turecki (Фасмер-Тр. IV, 125-126, в.в. турок и Турция), по-видимому, через западнорусское посредство. В связи с этим необходимо указать, что основной формой прилагательного, образованного от

этнонима турок, на протяжении XV-XVII вв. и еще и в начале XVIII в. было не түренкий, а турский (турской) (см. Живов 1982, 340). В ранних известиях о турках в великорусских памятниках выступает обычно турский, ср. в цитированной выше в другой связи заметке неизвестного суздальца, автора "Хождения на Флорентийский собор" о встрече с сербским деспотом Георгием Бранковичем в 1440 г. в Загребе: "запленено бысть црьство его сербское от турьскаго царя Амурата" (Хожд. 70, ср. Казакова 1980, 39). В такой же форме засвидетельствовано это прилагательное и в "Повести о Царьграде" Нестора Искандера по списку начала XVI в.: "проиде сквозе все рати морския турского" (Русск. пов. 61), хотя в этом тексте встречается ряд лексических западнорусизмов (израда 'измена', гуфа 'отряд', башта 'башня', дело 'пушка', пищаль 'род огнестрельного оружия', збруя 'снаряжение' и некоторые другие, см. Штрикер 1979, 173-183); отметим, что около середины XV в. форма турский не была еще чуждой и западно-русскому языку, ср. запись о падении Константинополя в Волынской краткой летописи (сл. начала XVI в.) под 1453 г.: "Попущениемъ божимъ взятъ бысть Царьградъ царемъ турьскимъ месяца мая 29". В староукраинских грамотах XV в. преобладает уже форма түрепкий (19 раз, начиная с 1433-1443 гг., ССУМ II, 450), но отмечается еще и турский (3 раза, там же). Форма турский совпадает с соответствующими прилагательными в южнославянских языках (ср. болг., с.-х. турски); можно полагать, что русск. турский заимствовано из этих южнославянских форм, так как по историко-географическим соображениям вполне вероятно, что первые известия о турках могли распространиться как в Западной, так и в Московской Руси посредством балканских славян уже в XIV в.

Наряду с основной формой турский довольно рано появляется

в великорусских памятниках и полонизм тюрецкий, который указывает на другой канал информации о турках — через Западную Русь. М.Фасмер указывает на Ивана Пересветова, в сочинениях которого ему впервые встретилась форма тюрецкий; у Пересветова, выходя из Западной Руси, как известно, встречается ряд западнорусизмов (см. Тамань 1960, 98-104, 1961, 198-199). Отметим, что тюрецкий засвидетельствовано лишь в списках одной из редакций (т. наз. неполной) сочинений Пересветова, ср. напр.: "Турецкий царь Махмет-салтан сам был философ мудрый по своим книгам турецким, а греческия книги прочет, и написал слово в слово по-турецки" (Пересветов 1956, 187); другие примеры см. там же, 188, 189, 193), в т. наз. полной редакции читается везде турской: "Царь турской Махмет-салтан сам был философ мудрый по своим книгам по-турским, а се греческия книги прочел, и написав слово в слово по-турски" (там же, 151). Можно полагать, что в автографе употреблялась западнорусская форма тюрецкий, которая в одной из редакций была заменена более обычной для Московской Руси XVI-XVII вв. формой турской.

Указанная М.Фасмером фиксация формы тюрецкий в великорусских памятниках не является самой ранней. Эта форма засвидетельствована уже в 60-70-е годы XV в., ср. в послании Ивана III новгородскому архиепископу Ионе, датированном 1465-1470 гг., в котором великий князь, ссылаясь на падение Константинополя, упоминает о том, что там "больш е церкви Божьи соборные тюрецкий царь въ мизгити починилъ; а которые церкви оставилъ патрeяpху, на тѣхъ крестовъ нѣтъ, ни звону у нихъ нѣтъ, поютъ безъ звону" (РИБ VI, № 100, с. 711). О западнорусском источнике этой информации свидетельствует и наличие слова звон 'колокол', отмеченного В.В. Ильенко в сходном контексте в Тверской летописи под 1465 г.

(Ильенко 1958, 12). Сравнение этих двух текстов показывает, что несмотря на диаметрально различную интерпретацию того же факта, они восходят к одному и тому же источнику, ср.: "Того же лѣта вѣять бысть Царьградъ отъ Турскаго отъ салтанаа; а вѣры Рускыя не прѣставиль, а патрѣарха не свель, но одинъ въ градѣ звонъ отнялъ; у Софїи премудрости Божїя и по всѣмъ церквамъ служатъ литургїю божественную, и заутреню и вечерню поють безъ звону, а Русь къ церкви ходять, а пѣнія слушаютъ, а крещеніе Руское есть" (ПСРЛ XV, 495). В общем западнорусском источнике читалось, по-видимому, турсекїй, которое в летописи заменено формой турскїй, но сохранилось здесь другое западнорусское слово — звон 'колокол' (ср. укр. дзвін, польск. dzwon 'то же'). Отметим, что в подобном контексте употребляется слово звон и Большой челобитной Ивана Пересветова: "[...] Махмет-салтан, турсекїй царь, разбойнический род, осидел, и Царьгород взял [...], и красоту церковную обезчестил, звонн церковныя поотымал, и кресты с церковей поснимал, и образы чудотворныя из церковей повывосил, и в церквах мезгити поделал на свои скверныя молитвы" (Пересветов 1956, 205, ср. в полной редакции: "[...] турской царь [...] звон церковный поотнимал [...]", там же, 178 — КДРС). Слово звон употреблялось в великорусски памятниках XV—XVI вв. в других значениях ('действие по глаг. звонити', 'звучание, звук колокола, звон', 'звук, гул; отзвук' и др., СРЯ У, 356–357; с западнорусским звон 'колокол' может быть связано только отмечаемое с XVI в. значение 'несколько колоколов разного размера, подобранных специально для гармонического звучания', см. там же).

На то же событие — взятие Константинополя турками — ссылается и митрополит Филипп в своей грамоте новгородцам 1471 г.: "а

какъ оставя истину, да съединился Царь и Патріархъ Іосифъ съ Латиною [...], не впалъ ли въ руки Царьградъ поганымъ, не въ Турьцкихъ ли рукахъ и нынѣ?" (АИ I, № 281, с. 514), форма турьцкий является контаминацией форм турский и турський. По-видимому, более редкая форма турський в конце XV в. воспринималась как более высокая, чем общеупотребительная форма турский; во всяком случае, в исповедании епископом времен митрополита Симона (1495-1511 гг.) употреблялся как раз полонизм по происхождению турський, а не общая с южнославянскими языками форма турский: "Такоже и всѣхъ тѣхъ отрицаются, еже по немъ [после Спиридона Сатаны. - А.З.] когда случится кому прийти на Кіевъ отъ Рима латинскаго, или отъ Царяграда турськия дрѣжавы" (РИБ VI, № 52, с. 451-452, примеч. 3; ср. Малинин 1901, 483).

Слово турський засвидетельствовано также в Псковской 2-й летописи (сп. конца XV в.) под 1485 г.: "Того же лѣта волынський [д. б. волошский, т.е. 'молдавский']. - А.З.] воевода Стефанъ и угорський царь и ляцький литовський князь великий король Андрѣи съ всѣми своими князми, и понаимовавше множество жолнырей немецкихъ, идоша на поганого царя турського и отняша преже Бѣлгород и по том Келию град волынський" (Псков. лет. II, 67). О западнорусском источнике этого известия свидетельствует и слово жолнырь 'наемный солдат' (< польск. żołnierz, см. Фасмер-Тр. II, 61, Лиминг 1976, 107).

В памятниках дипломатических сношений Московского государства с Крымом употребляется в конце XV - начале XVI в. обычно турский (КрД I, 74 et passim), форма турський встречается редко, ср. напр. в инструкции русским послам 1502 г., сформулированной, по-видимому, западнорусским писцом, находящимся на

служб московской дипломатии: "да и про турецкого ему пытати, где оудет и с кем валчит" (КрД I, 405, ср. Сергеев 1972, 43-44); на западнорусского автора указывает здесь и валчити 'воевать'. В памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским форма турецкий характеризует сначала только высказывания польско-литовской стороны, ср. в ответе польского короля московским послам в 1490 г.: "ещо и чужй товарь брали турецкихъ купцовъ" (ПДН I, № II, с. 46), однако со временем этот вариант закрепляется и в документах московской дипломатии, ср. напр. в ответе Ивана III польско-литовским послам 1498 г.: "А мы, коли еще хотѣли [/.../] своихъ пословъ слати до Менли-Гирея и до турецкого" (там же, № 52, с. 248) или в речи московских послов в Литве: "А что послы наши ходять до перекопского и до волошского и до турецкого [/.../]" (там же, № 53, с. 254).

Таким образом, если и не подлежит сомнению, что из вариантов турецкий и турский этот последний был основным, общепотребительным в великорусском языке XV в., каким он и оставался до начала XVIII в., в определенных сферах письменности (в языке дипломатии, а также в некоторых памятниках церковной письменности), то уже в 60-70-е годы XV в. появляется и вариант турецкий, который впоследствии (в XVIII в.) вытесняет вариант турский.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный материал позволяет сформулировать некоторые выводы:

1. Использование лексических элементов западнорусского языка великорусским дипломатическим языком в общении с Западной Европой имеет более древнюю традицию, чем принято считать на основе посольской документации Московского государства, сохранившейся с конца XV в. (1487-1488 гг.). Та языковая практика, которая наблюдается в памятниках дипломатических сношений конца XV в. и впоследствии прослеживается на протяжении XVI-XVII вв. в документах Посольского приказа, засвидетельствована уже для языковой практики членов русского церковного посольства на Флорентийский собор 1439 г. Непрерывность традиции использования западнорусского языка в качестве языка московской дипломатии на протяжении 40-70-х гг. XV в. подтверждается сохранившимися или пересказанными в летописях документами как церковной, так и государственной дипломатии. Таким образом, отмеченное исследователями наличие большого числа западнорусских слов не только в документах сношений с Польско-Литовским государством, но также с другими европейскими странами, в частности, с Германией, не является новшеством конца XV в., а продолжением традиции, сложившейся уже в первой половине XV в.

2. Западнорусский язык мог выступать в качестве дипломатического языка Московского государства в его сношениях с Западной Европой благодаря тому обстоятельству, что по истори-

ческим причинам этот язык в качестве административного языка восточнославянских областей Польско-Литовского государства стал эквивалентом средневековой латыни, употреблявшейся в качестве административного языка в других областях этого государства и в то же самое время функционировавшей в качестве языка дипломатии во всей Центральной и Западной Европе. Таким образом, под прямым влиянием латыни или, чаще всего, под влиянием ее польского разговорного субстрата западнорусский язык обогатился рядом терминов, соотносимых не только с польскими, но вообще западноевропейскими реалиями и понятиями. Близкое языковое родство (и вообще отсутствие каких-нибудь следов, которые указывали бы на отражение в языковом сознании XV в. факта распада восточнославянской языковой общности) позволило московским дипломатам воспринимать эти термины западнорусского языка как свои, великорусские экзотизмы и использовать их для передачи западноевропейских реалий и понятий в сочинениях, предназначенных для великорусских читателей. Можно полагать, что наличие именно западнорусской экзотической лексики в великорусских текстах, рассказывающих о контактах с разными западноевропейскими странами, объясняется тем, что в этих контактах с западноевропейской стороны в качестве языка-посредника выступала латынь, а с великорусской стороны — соотносимый с нею западнорусский язык. На такую языковую практику указывает и то обстоятельство, что в московских переводах с латыни XV в. постоянно встречаются западнорусизмы.

3. Закреплению элементов западнорусского языка в языке московской дипломатии несомненно способствовало и то обстоя-

тельство, что окончательное разделение русской церкви наступило на много позже основного политического разделения восточнославянских земель между Литвой и Москвой. Как показал анализ документов, вышедших из канцелярии последнего общерусского митрополита Ионы (1448-1461), в годы его правления и западнорусской, и восточнорусской церковью (1451-1458), в московской митрополичьей канцелярии составлялись документы и на западнорусском языке. Документы эти были адресованы в большинстве случаев государственным и церковным деятелям Литовской Руси, но на основе двух западнорусских грамот митрополита Ионы, адресованных в Казанское ханство, можно предположить, что в практике митрополичьей канцелярии западнорусский язык воспринимался как язык дипломатии вообще.

4. Язык дипломатии, хотя и обслуживал специфическую сферу общения с иностранцами, не мог быть герметически изолированным от других сфер применения великорусского административного языка. Единичные западнорусские слова проникают и в те грамоты митрополита Ионы, которые адресованы в великорусские области; можно даже утверждать, что некоторые западнорусизмы, как напр., элементы великокняжеского титула господарь, отчичь и дѣдичь, были введены в великорусский деловой язык сознательно. Заслуживает внимания то обстоятельство, что около середины XV в. западнорусизмы характеризуют прежде всего те московские великокняжеские грамоты, которые так или иначе связаны с деятельностью митрополита Ионы, что дает основание предположить, что к их составлению была причастна митрополичья канцелярия. Язык церковной дипломатии, таким образом, мог оказать влияние как на язык документов государственной дипломатии, так и на язык актов внутреннего

управления.

5. Опыт — в том числе и языковой опыт — московской церковной дипломатии, накопленный начиная с участия в Флорентийском соборе, был использован, по-видимому, московской государственной дипломатией, когда Москва при Иване III завязала дипломатические контакты с рядом европейских стран. Летописные известия 1469–1475 гг., пересказывающие несохранившиеся документы дипломатических сношений Московского государства с папским двором и с итальянскими городами, однозначно подтверждают, что государственная дипломатия продолжала ту же языковую практику, которая сложилась раньше в церковной дипломатии.

6. Анализ лексики памятников московской церковной и государственной дипломатии XV в. позволяет считать язык дипломатии важным каналом проникновения в великорусский деловой язык западнорусской лексики, в том числе прочно усвоенных западнорусским языком лексических и семантических европеизмов. Правда, большинство из анализируемых ок. 50 слов оставалось на периферии русской лексики не только в пределах XV в., но и позже, на протяжении XV–XVII вв.; они употреблялись в великорусских текстах в качестве экзотизмов, для обозначения чужих понятий и реалий. Однако позже, в начале XVIII в., когда возникла потребность в словах, точно соотносимых с соответствующими словами западноевропейских языков, некоторые из них, как напр., право, присяга, справедливый, вошли в основной словарный фонд русского литературного языка, вытеснив или оттеснив на периферию свои традиционные церковнославянские эквиваленты. Бытование таких слов в языке великорусской дипломатии XV–XVII

вв., а также в переводных памятниках XVI-XVII вв. с точки зрения истории русской литературной лексики можно назвать их предисторией.

7. Знание предистории таких великорусских слов, особенно тех, которые состоят из одних славянских морфем и на фоне русской литературной лексики не отличаются никакими признаками заимствованных слов, приобретает первостепенную важность при изучении межславянских языковых контактов. Как раз то обстоятельство, что некоторые великорусские слова, прежде чем стать элементами общеупотребительной русской литературной лексики, на первых порах их бытования в великорусских памятниках употреблялись в качестве экзотизмов или в составе языковых клише дипломатических документов, позволило в некоторых случаях "поймать с поличным" трудно уловимую иначе миграцию отдельных слов и лексических значений из одного близкородственного языка в другой и тем самым доказать миграционный характер некоторых великорусских слов и лексических значений, считавшихся на основе их общеславянского распространения принадлежностью праславянского наследия, как напр., господарь > государь 'монарх', господарство > государство, добровольно, доход. Выявление межславянских заимствований имеет значение как для верификации результатов реконструкции праславянского словарного фонда, так и для исторической лексикологии русского языка.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

- ААЭ I Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею императорской Академии наук, т. I (1294-1598). СПб.: тип. 2-го отделения собств. е. и. в. канцелярии, 1836. - XV + 491 с.
- Аверьянова I964 Рукописный лексикон первой половины XVIII века./Подготовка к печати и вступительная статья А.П.Аверьяновой. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. - 401 с.
- АЗР I-II Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные Археографическою комиссиею, т. I-II. СПб.: тип. 2-го отделения собств. е. и. в. канцелярии, 1846-1848. Т. I - 419 с., т. II - 437 с.
- АИ I Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I. СПб.: тип. экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. - VIII, 551, 44 с.
- Алеф I959 Alef G. The Political Significance of the Inscriptions on Muscovite Coinage in the Reign of Vasili II. - "Speculum: A Journal of Mediaeval Studies", vol. XXXIV. Cambridge, Mass., 1959, p. 1-19.
- АРГ Акты Русского государства 1505-1526 гг./Составил С.Б.Веселовский. М.: Наука, 1975. - 435 с.

- Арциховский и
Борковский 1958 Арциховский А.В. и Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.) М.: Изд-во АН СССР, 1958. - 152 с.
- Арциховский и
Борковский 1963 Арциховский А.В. и Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956-1957 гг.). М.: Наука, 1963. - 328 с.
- Арциховский и
Янин 1978 Арциховский А.В. и Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962-1976 гг.) М.: Наука, 1978. - 192 с.
- АСЭИ I-III Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV - начала XVI в., т. I-III. М.: Изд-во АН СССР, 1952-1964. Т. I, 1952. - 804 с., т. II, 1958 - 727 с., т. III, 1964 - 687 с.
- Афан. Ник. Хожделение за три моря Афанасия Никитина 1466-1472. /Предисловие, подгот. текста, перевод и комментарии Н.И.Прокофьева. М.: Сов. Россия, 1980. - 208 с.
- АФЗХ I-III Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. I-III. М.: Изд-во АН СССР, 1951-1961. Ч. I, 1951 - 400 с., ч. II, 1956 - 663 с., ч. III, 1961 - 443 с.
- АЮЗ I-II Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией, т. I-II. СПб., 1863-1865. Т. I - 305, 15 с., т. II - 15, 288 с.
- Барсов 1981 "Российская грамматика" А.А.Барсова. / Подготовка текста и текстологический комментарий М.В.Тоболовой. Под ред. и с предислoви-

ем Б.А.Успенского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. - 776 с.

Басай 1966

Basaj M. Bohemizmy w języku pism Marcina Krowickiego. Wrocław etc.: Ossolineum, 1966. - 244 s.

Басай 1979

Basaj M. Stan i perspektywy badań nad wpływami polskimi na język rosyjski. - "Slavia Orientalis", v. XXVIII. Warszawa, 1979, z. 1, s. 3-13.

БЕР I-II

Български етимологичен речник, т. I-II./Редактор В.И.Георгиев. София: Изд-во на БАН, 1971-1979. - 679 и 736 с. (издание продолжается).

Бернштейн 1948

Бернштейн С.Б. Разыскания в области болгарской исторической диалектологии, т. I.: Язык валахских грамот XIV-XV веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. - 380 с.

Богдан 1908

Bogdan J. Über die Sprache der ältesten moldauischen Urkunden. - In: Zbornik u slavu Vatroslava Jagića (Jagić-Festschrift). Berlin:Weidmann, 1908, S. 369-377.

Д.Богдан 1933

Bogdan D.P. În chestiunea autenticității inscripției Alexandru Bazarab. - "Revistă Istorică Română", vol. III. București, 1933, p. 270-271.

Богоявленский 1980

Богоявленский С.К. Научное наследие: О Москве ХУП века. М.: Наука, 1980. - 271 с.

Бошков 1977-1979

Boškov V. Pitanje autentičnosti fojničke

ahd-name Mehmeda II iz 1463. godine. -
 "Godišnjak Društva istoričara Bosne i
 Hercegovine", knj. XXVIII-XXX. Sarajevo,
 1977-1979, s. 87-105.

Брицын 1965

Брицын М.А. Из истории восточнославянской
 лексики. К.: Наукова думка, 1965. - 159 с.

БРС

Белорусско-русский словарь./Под ред.
 К.К.Крапивы. М.: Гос. изд-во иностранных
 и национальных словарей, 1962. - 1048 с.

Брюкнер ЭС

Brückner A. Słownik etymologiczny języka
 polskiego. Wyd. 2. Warszawa: Wiedza pows-
 zeczna, 1970. - XVI, 805 s.

Булахов 1961

Булахов М.Г. Московский летописный свод
 конца XV в. как памятник русского лите-
 ратурного языка. - В кн.: Начальный этап
 формирования русского национального язы-
 ка./Отв. ред. Б.А.Ларин. Л.: Изд-во
 Ленингр. ун-та, 1961, с. 48-62.

Булахов 1965

Булахав М.Г. Нататкі па гісторыі лексікі.
 - В кн.: Беларуская мова: Даследаванні
 па лексікалогіі ./Галоўны рэд. М.Р.Суднік.
 Мінск: Навука і тэхніка, 1965, с. 45-59.

Булаховский 1951

Булаховский Л.А. К истории взаимоотношений
 славянских литературных языков. - "Извес-
 тия АН СССР: Отделения литературы и языка",
 т. X, вып. I, М., 1951, с. 37-49.

Булыко 1972

Булыка А.М. Дауніа запазычання беларускай
 мовы. Мінск: Навука і тэхніка, 1972. -
 381 с.

- Варш. сл. I—VIII Słownik języka polskiego. /Ułożony pod red. J.Karłowicza, A.Krynńskiego i W.Niedźwieckiego, t. I-VIII. Warszawa: Kasa im. Mianowskiego, 1900-1927.
- Виноградов 1947 Виноградов В.В. Из истории русской литературной лексики (К вопросу об исторических связях русского, украинского и белорусского языков). - "Доклады и сообщения Филологического факультета МГУ", вып. 3. М., 1947, с. 7-12.
- Виноградов 1982 Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVIII-XIX веков. 3-е изд. М.: Высш. школа, 1982. - 528 с.
/1-е изд.: 1934/.
- Виноградова Сл. Словарь-справочник "Слова о полку Игореве". /Сост. В.Л.Виноградова, вып. 1-5. М.; Л. Наука, 1965—1978 (издание продолжается).
- В-К III Вести-Куранты 1645-1646, 1648 гг./Изд. подготовили Н.И.Тарабасова, В.Г.Демьянов. Под ред. С.И.Коткова. М.: Наука, 1980. - 407 с.
- В-К IV Вести-Куранты 1648-1650 гг./Изд. подготовили В.Г.Демьянов, Р.В.Бахтурина. Под ред. С.И.Коткова. М.: Наука, 1983. - 296 с.
- Водов 1978 Vodoff W. Remarques sur la valeur du terme 'tsar' appliqué aux princes russes avant le milieu du XV siècle. - "Oxford Slavonic Papers", vol. XI. Oxford, 1978, p. 1-41.

- Водов I979 Водов В.А. Зарождение канцелярии московских великих князей (середина XIV в. - 1425 г.). - "Исторические записки", т. 103. М.: Наука, 1979, с. 325-350.
- Ворт I981 Worth D.S. The French Captain's Russian. - "Russian Linguistics", vol. 5. Dordrecht; Boston, 1981, p. 199-210.
- Воскр. лет. Летопись по Воскресенскому списку. - ПСРЛ, т. VII-VIII. СПб., 1856-1859. - X, 347 и VIII, 303 с.
- Вьртосу I960 Vîrtosu V. și E. Titulatura domnilor și asocierea la domnie în Țara Românească și Moldova pînă în sec.al XV-lea. București, 1960.
- Галецкий I915 Halecki O. Ostatnie lata Świdrigiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiellończyka. Krakow, 1915.
- Гардинер I965 Gardiner S.C. German Loanwords in Russian 1550-1690. Oxford: Blackwell, 1965.-330 p.
- ГВНЦ Грамоты Великого Новгорода и Пскова./Под ред. С.Н.Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. - 407 с.
- Гебауэр Сл. I-II Slovník staročeský. Napsal Jan Gebauer. Díl I-II (A-netbalivost). V Praze: Unie, 1903-1916. - XXX, 674; 632 s.
- Генсёрский I958 Генсюрський А.І. Галицько-Волинський літопис (Процес складання; редакції і редактори). Київ: Вид. АН УРСР, 1958. - 101 с.

- Генсёрский 1961 Генсюрский А.І. Галицько-Волинський літопис (Лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості). Київ: Вид. АН УРСР, 1961. - 284 с.
- Генсёрский 1961аа Генсюрський А.І. Південноруські і польські лексичні взаємозв'язки в XIII ст. - "Дослідження і матеріали з української мови", т. IV. Київ, 1961, с. 15-25.
- Генсиоровский и др. 1907 Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси./ Сборник материалов и исследований, сообщенных О.Генсиоровским, А.А.Кунником, А.С.Лаппо-Данилевским, И.А.Линиченко, С.Л.Пташицким и И.Режабком. СПб.: тип. Акад. наук, 1907. - У, IV, 334 с.
- Гиббенет I-II Историческое исследование дела патриарха Никона./ Составил по официальным документам Н.Гиббенет. Ч. I-II. СПб., 1882-1884. - IV, 270; XIV, 1124 с.
- ГІБМ Гістарычная лексікалогія беларускай мовы. /Рэдактары А.Я.Баханькоў, А.І.Жураўскі, М.Р.Суднік. Мінск: Навука і тэхніка, 1970. - 339 с.
- Глогер I-IV Gloger Z. Encyklopedia staropolska. T. I-IV. Wyd. IV. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1978. (Przedruk fotooffsetowy wydania z 1900-1903).
- Годинка 1891 Hodinka A. A szerb történet forrásai es első kora. Budapest, 1891. - 66 p.

- Голубинский I/ I-2,
II/ I-2 Голубинский Е.Е. История русской церкви.
Т. I, I-я половина тома. Изд. 2-е. М.,
1901 - XXIV, 968 с.; т. I, 2-я половина
тома. Изд. 2-е. М., 1904 - 926, ХУІІІ с.;
т. II, I-я половина тома. М., 1900 -
832 с.; т. II, 2-я половина тома. М.,
1911. - 956 с.
- Горшкова 1951 Горшкова О.В. Язык московских грамот
XIV-XV веков (лексика и фразеология).
АКД. М., 1951. - 16 с.
- Горшкова и
Хабургаев 1981 Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историче-
ская грамматика русского языка. М.: Высш.
школа, 1981. - 359 с.
- Гринченко I-IV Гринченко Б.Д. Словарь української мови.
Т. I-IV. Ки в, 1907-1909 (или фотомехани-
ческое переиздание: Київ: Вид. АН УРСР,
1958). - 497; 573; 506; 563 с.
- Гринчишин 1962 Гринчишин Д.Г. Із спостережень над адмі-
ністративно-юридичною лексикою в україн-
ських грамотах XIV-XV ст. - "Дослідження
і матеріали з української мови", т. У.
Київ, 1962, с. 31-52.
- Грицак 1958 Грицак П. Галицько-Волинська держава.
Нью-Йорк, 1958. - 214 с.
- Грушевский У/2 Грушевский М. История Украины-Руси. Т. У,
ч. 2. У Львові, 1905. - 432 с.
- Грушевский 1902 Грушевський М. Чи маємо автентичні грамо-
ти кн. Льва? (Критично-історична розвід-
ка). - "Записки Наукового Товариства ім.

- Шевченка", т. 45. Львів, 1902, с. 1-22.
- Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. I (А - Бянье). Мінск, 1982. - 146 с. (издание продолжается).
- Гумецкая І967 Гумецька Л.Л. Чи впливала старочеська мова на мову українських грамот XIV-XV ст.? - "Мовознавство", Київ, 1967, № 4, с. 92-95.
- Гумецкая І969 Гумецкая Л.Л. К истории украинско-польских языковых связей. - В кн.: Исследования по польскому языку. М.: Наука, 1969, с. 219-228.
- Гумецкая І971 Гумецкая Л.Л. Заметки об украинско-западнo-славянских связях древнего периода. - В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков./Сборник статей к 70-летию чл.-корр. АН СССР В.И.Борковского. М.: Наука, 1971, с. 113-118.
- Даль І-ІV Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. Изд. 2-е. СПб.; М. 1880-1882 (или фотомеханическое переиздание: М.: Русский язык, 1978-1980). - 700; 779; 555; 684 с.
- Дамерау І963 Damerau N. Russisches und westrussisches bei Kurbskij. Wiesbaden, 1963. - 96 s.
- Дарко І917 Darkó J. A vészprémi apácamonostor alapítólevelének 1109.-i másolatáról. - "Egyetemes Philologiai Közlöny", 41. évf. Budapest, 1917, p. 257-272, 336-351.

- ДДГ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв./Подготовил к печати Л.В.Черешнин. Отв. ред. С.В.Бахрушин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - 586 с.
- Дельгер 1948 Dölger F. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München: Bruckmann, 1948. - 363 s.
- Дельгер 1956 Dölger F. Byzantinische Diplomatie: 20 Aufsätze zum Urkundenwesen der Byzantiner. Ettal, 1956. - XVI, 419 S.
- Дурново 1924 Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка. М.; Л.: Госиздат, 1924. - 376 с.
- Дурново 1969 Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. [Изд. 2-е]. М.: Наука, 1969. - 295 с.
- ЕСУМ I Етимологічний словник української мови. Т. I. Київ: Наукова думка, 1982 (издание продолжается).
- Живов 1982 Живов В.М. Margaretiana renovata. - "Russian Linguistics", vol. 6. Dordrecht; Boston, 1982, p. 335-351.
- Живов 1984 Живов В.М. История русского права как лингво-семиотическая проблема [в печати; ссылки даются на страницы машинописи].
- Жуковская 1972 Жуковская Л.П. О некоторых проблемах истории русского литературного языка древнейшего периода. - "Вопросы языкознания", М., 1972, № 5, с. 62-76.
- Журавский 1978 Журавский А.И. Деловая письменность в системе старобелорусского литературного языка.

- В кн.: Восточнославянское и общее языкознание. М.: Наука, 1978, с. 185-191.
- Закревская 1983 Закревська Я.В. До історії українсько-південнослов'янських мовних зв'язків. - В кн.: З історії міжслов'янських зв'язків (Збірник наукових праць). Київ: Наукова думка, 1983, с. 147-155.
- Золтан 1977 Золтан А. О старорусском "мѣстичь". - "Studia Slavica", т. XXIII. Budapest, 1977, p. 161-163.
- Золтан 1977а Золтан А. [Рец. на кн.: Кохман 1975] - "Studia Slavica", т. XXIII. Budapest, 1977, p. 191-198.
- Золтан 1978 Zoltán A. Wczesne zapożyczenia polskie w języku rosyjskim a polska leksykologia historyczna. - "Annales Universitatis Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio Linguistica", т. IX, Budapest, 1978, p. 211-219.
- Золтан 1979 Золтан А. К вопросу о восточнославянско-венгерских лексических связях старшего периода. - "Studia Slavica", т. XXV, Budapest, 1979, p. 465-473.
- Золтан 1983 Золтан А. Некоторые аспекты польско-восточнославянских языковых контактов в области лексики (К вопросу о полонизмах в посланиях Ивана Грозного к Стефану Баторию). - В кн.: Hungaro-Slavica 1983. Budapest: Akadémiai, 1983, p. 333-344.

- Золтан 1984 Zoltán A. Beiträge zur Entstehung der russischen Drakula-Geschichte. - "Studia Slavica", t. XXX. Budapest, 1984 (в печати).
- Иван Грозный 1951 Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д.С.Лихачева и Я.С.Лурье. Под ред. В.М.Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. - 716 с.
- Иллич-Свитыч 1960 Иллич-Свитыч В.М. Лексический комментарий к карпатской миграции славян. - "Известия АН СССР. Отделение литературы и языка", т. XIX, М., 1960, вып. 3, с. 222-232.
- Ильенко 1958 Ильенко В.В. Западные, юго-западные и южные слова в великорусских летописях XV-XVI веков. Днепропетровск: Днепропетр. гос. ун-т, 1958. - 16 с.
- Ильинский 1911 Ильинский Г.А. Грамоты болгарских царей. М., 1911 (= Древности: Труды Славянской комиссии императорского Московского Археологического общества, т. V). - 159 с.
- Исаченко 1970 Isačenko A.V. Die Gräzismen des Grofürsten. - "Zeitschrift für slavische Philologie", Bd. XXXV, Heidelberg, 1970, S. 32-52.
- Исаченко 1980 Issatschenko A. Geschichte der russischen Sprache. 1. Band: Von den Anfängen bis zum Ende des 17. Jahrhunderts. Heidelberg: Winter, 1980. - 348 S.
- І. Я. 1967 І. Я. /Рец. на статью: Мацурек 1966./ - "Архіви України", р. XXI, Київ, 1967, № 3, с. 83-84.

- Казакова 1970 Казакова Н.А. Первоначальная редакция "Хождения на Флорентийский собор". - ТОДРЛ, т. XXV, М.; Л.: Наука, 1970, с. 60-72.
- Казакова 1980 Казакова Н.А. Западная Европа в русской письменности XV-XVI веков (Из истории международных культурных связей России). Л.: Наука, 1980. - 278 с.
- Карплюк 1977 Karpluk M. O języku Macieja Strykowskiego, historyka i poety z drugiej połowy XVI wieku: I. Regionalizmu, cechy ruskie i poetyzmu w dziedzinie fonetyki. Wrocław etc.: Ossolineum, 1977. - 105 s.
- Карский I-III Карский Е.Ф. Белорусы: Язык белорусского народа. Вып. I и 2-3. М.: Изд-во АН СССР, 1955-1956. - 475; 518 с.
- Карский 1962 Карский Е.Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М.: Изд-во АН СССР, 1962. - 712 с.
- Каштанов 1970 Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М.: Наука, 1970. - 502 с.
- Каштанов 1982 Каштанов С.М. Современные проблемы европейской дипломатики. - В кн.: Археографический ежегодник за 1981 г. М.: Наука, 1982, с. 26-51.
- КДРС Картотека Древнерусского словаря XI-XVII вв. - Институт русского языка АН СССР, Москва.
- Кипарский I-III Kiparsky V. Russische historische Grammatik. Bd. I-III. Heidelberg: Winter, 1963-1975. - 171; 288; 375 S.

- Клосс 1980 Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII веков. М.: Наука, 1980. - 312 с.
- Конечный 1925-1926 Konieczny F. Geneza uroszczeń Iwana III do Rusi Litewskiej. - "Ateneum Wileńskie", t. III, Wilno, 1925-1926, s. 194-264.
- Косман 1969 Kosman M. Kancelaria wielkiego księcia Witolida. - "Studia Źródłoznawcze", t. XIV. Warszawa; Poznań: PWN, 1969, s. 91-119.
- Котков 1974 Котков С.И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М.: Наука, 1974. - 359 с.
- Кохман I-IV Kochman S. Polonizmy w języku rosyjskiej korespondencji dyplomatycznej (1487-1571). Cz. I-IV. - "Sprawozdania Opolskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk", seria B. Cz. I - Nr 7, Opole, 1971, s. 37-54, cz. II - Nr 8, 1972, s. 63-74, cz. III - Nr 9, 1973, s. 33-42, cz. IV - Nr 10, 1974, s. 15-27.
- Кохман 1967 Kochman S. Polsko-rosyjskie kontakty językowe w zakresie słownictwa w XVII wieku. Wrocław etc.: Ossolineum, 1967. - 184 s.
- Кохман 1970 Kochman S. Z historii czesko-polsko-rosyjskich związków leksykalnych. - "Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej im. Powszańców Śląskich w Opolu", seria A: Filologia rosyjska, nr VII, Opole, 1970, s. 69-78.

- Koxman I972 Kochman S. W.Trediakowski w kręgu polskich wpływów językowych. - "Acta Universitatis Wratislaviensis", No. 170: Slavica Wratislaviensia, III. Wrocław, 1972, p. 39-54.
- Koxman I974 Kochman S. Z zagadnień czesko-polsko-wschodniosłowiańskich związków leksykalnych. - "Studia Śląskie", seria nowa, t. XXVI. Wrocław, 1974, s. 145-159.
- Koxman I975 Kochman S. Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII w.: Słownictwo. Opole: PTN, 1975. - 154 s.
- Koxman I977 Kochman S. Z dziejów terminologii sądowniczej w językach wschodniosłowiańskich (pravo, po-vođ). - Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej im. Powstańców Śląskich w Opolu", seria A: Filologia rosyjska, nr XV, Opole, 1977, s. 73-84.
- Koxman I978 Kochman S. Z badań nad terminologia dyplomatyczna w języku rosyjskim XVI-XVIII w. (1. gramota, 2. list). - "Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej im. Powstańców Śląskich w Opolu", seria A: Filologia rosyjska, nr XVI, Opole, 1978, s. 73-86.
- Koxman I981 Kochman S. Stan badań nad dziejami terminologii dyplomatycznej w języku rosyjskim. - "Uniwersytet Gdański: Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego: Filologia rosyjska", t. 9, Gdańsk, 1981, s. 197-201.

- Кохман и Шнигер
1984 Kochman S., Sznigier Cz., Czy ros. prisjaga jest polonizmem? - "Uniwersytet Gdański: Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego: Filologia rosyjska", t. 12. Gdańsk, 1984 (в печати).
- Кочин 1935 Памятники истории Великого Новгорода и Пскова./Сборник подготовлен к печати Г.Е.Кочиным. М.: Л.: Соцгиз, 1935. - 192 с.
- Кочин Сл. Материалы для терминологического словаря древней России. Составил Г.Е.Кочин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. - 487 с.
- КПМЛ II Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Стефана Батория (с 1573 по 1580 год). Издана [...] М.Погодиным и Д.Дубенским. М.: Унив. тип., 1843. - II, 285, У с.
- КрД I-II Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Т. I. СПб., 1884 (Сб. РИО, т. 41). - XXII, 558, IV с. ; т. II. СПб., 1895 (Сб. РИО, т. 95). - XIX, 706 с., 108 стб.
- Кресценций 1549 Piotra Crescentyna Księgi o gospodarstwie, y o opatrzeniu rozmnożenia rozlicznych pożytkow, każdemu stanowi potrzebne. Drukowano w Krakowie u Heleny Florianowey roku 1542.

- Кржижкова 1960 Křížková H. Vývoj opisného futura v jaziciach slovanských, zvlášť v ruštině. - "Acta Universitatis Palackianae Olomucensis". Facultas Philosophica 4, Philologica II. Praha, 1960, s. 3-24.
- Курашкевич 1932 Kuraszkiewicz W. Gramoty halicko-wołyńskie XIV-XV wieku: Studium filologiczne. - "Byzantinoslavica", t.IV, Praha, 1932, s.335-364.
- Курашкевич 1934 Kuraszkiewicz W. Gramoty halicko-wołyńskie XIV-XV wieku: Studium językowe. Kraków, 1934, - 173 s.
- Курашкевич 1937 Kuraszkiewicz W. [Рец. на кн.: Станг 1935.] - "Rocznik Sławi styczny", t. XIII. Kraków, 1937, s. 39-58.
- КЭС Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка./Под ред. С.Г.Бархударова. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1971. - 542 с.
- Лашно 1916 Лашно И.И. Литовский статут в Московском переводе-редакции. Юрьев: тип. К.Маттисена, 1916. - XXX, [2], 396 с.
- Ларин 1948 Ларин Б.А. Парижский словарь московитов 1586 г. Рига: Латв. гос. ун-т, 1948. - 211 с.
- Ларин 1959 Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618-1619 гг.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. - 423 с.
- Лиминг 1976 Leeming H. Rola języka polskiego w rozwoju leksyki rosyjskiej do roku 1696: Wyrazy pochodzenia łacińskiego i romańskiego. Wrocław etc.: Ossolineum, 1976, 118 s.

- Линде I-VI Linde S.B. Słownik języka polskiego. T. I-VI. Wyd. 2. Lwów, 1854-1856.
- Лихачев 1947 Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. - 499 с.
- Лихачев 1951 Лихачев Д.С. Общественно-политические идеи "Слова о полку Игореве". - ТОДРЛ, т. УШ. М.; Л. 1951, с. 17-30.
- Лось 1915 Łoś J. Przegląd językowych zabytków staropolskich do r. 1543. Kraków, 1915. - 384 в.
- Лурье 1955 Лурье Я.С. Из истории русского летописания конца XV в. - ТОДРЛ, т. XI, М.; Л. 1955, с. 156-186.
- Лурье 1963 Лурье Я.С. О путях развития светской литературы в России и у западных славян в XV-XVI вв. - ТОДРЛ, т. XIX. М.; Л. 1963, с. 262-288.
- Лурье 1964 Повесть о Дракуле. Исследование и подготовка текстов Я.С.Лурье. М.; Л.: Наука, 1964. - 211 с.
- Львов 1965 Львов А.С. О западнославянских словах в памятниках древнерусской письменности. - В кн.: Проблемы современной филологии. Сборник статей к семидесятилетию академика В.В.Виноградова. М.: Наука, 1965, с. 199-203.
- Львов 1966 Львов А.С. К истории слова грамота в древнерусской письменности. - В кн.: Исследования источников по истории русского языка и письменности. М.: Наука, 1966, с. 88-103.

- Львов 1968 Львов А.С. Чешско-моравская лексика в памятниках древнерусской письменности. - В кн.: Славянское языкознание: VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968 г.). Доклады советской делегации. М.: Наука, 1968, с. 316-338.
- Малинин 1901 Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофеев и его послания. Киев, 1901. - VIII, 768, 105 с.
- Мареш 1967 Мареш В.Ф. Стих чешско-церковнославянской песни "Господине, помилуй ны". - In: To Honor Roman Jakobson: Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday. Vol. II. The Hague; Paris: Mouton, p. 1261-1263.
- Мартель 1938 Martel A. La langue polonaise dans les pays ruthènes, Ukraine et Russie Blanche. Lille, 1938. - 318 p.
- Матушевский 1958 Matuszewski J. O państwie i Państwie. - "Czasopismo Prawno-Historyczne", t. X. Warszawa, 1958, z. 2, s. 77-104.
- Махек ЭС Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. 3. vyd. Praha: Academia, 1971. - 864 s.
- Мацурек 1958 Macůrek J. Po stopách spisovné češtiny v jihozápadní Ukrajině koncem 14. a v 1. polovině 15. století. - In: Franku Wollmanovi k sedmdesátinám. Praha, 1958, s. 42-64.
- Мацурек 1960 Macůrek J. K dějinám česko-ukrajinských a česko-rumunských vztahů 2. pol. 14. a 1. pol. 15. století. - In: Slovanské historické studie III. Praha: Nakl. Československé Akademie

Věd, 1960, s. 127-184.

- Мацурек I960a Macůrek J. K otázce vztahů listiny české, ukrajinské a moldavské v druhé polovině 15. století. - "Sborník prací Filosofické fakulty Brněnské University", r. IX. Řada historická (C), č. 7. Brno, 1960, s. 151-159.
- Мацурек I966 Macůrek J. Působila česká listina na listinu moldavskou v 2. polovině 15. století? - "Sborník prací Filosofické fakulty Brněnské university", r. 15, Řada historická (C), č. 13. Brno, 1966, s. 25-54.
- Мельников I967 Мельников Е.И. О чешских лексических элементах в русском языке, заимствованных через посредство польского и других языков. - "Slavia", r. XXXVI. Praha, 1967, s.98-114.
- Мельников-Печерский I-II Мельников П.И. (Андрей Печерский). На Горах: Продолжение рассказов "В лесах". Кн. I-2. М.: Худож. лит., 1979. - 605; 509 с.
- Миклошич Сл. Miklosich Fr. Lexicon palaeoslovenico-graeeco-latium. Vindobonae: Braumüller, 1862-1865. - XXII, 1171 p.
- Миклошич I858 Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii. /Ed. Fr.Miklosich. Viennae: Braumüller, 1858. - XII, 580 p.
- Миклошич и Мюллер IV/I Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana collecta ediderunt Fr.Miklosich et Ios.Müller. Vol. IV.: Acta et diplomata monasteriorum et ecclesiarum orientis. T. I. Vindobonae: Gerold, 1871. - XIV, 441 p.

- Микуцкий 1953 Mikucki S. Etudes sur la diplomatie russe la plus ancienne I.: Les traités byzantino-russes du X-e siècle. - In: Bulletin de l'Academie Polonaise de Sciences et des Lettres. Classe de Philologie - Classe d'Histoire et de Philosophie. Supplement 7. Krakow, 1953, p. 1-40.
- Миниковска 1980 Minikowska T. Wyrazy ukraińskie w polszczyźnie literackiej XVI w. Warszawa etc.: PWN, 1980. - 174 s.
- Миниковска 1980a Minikowska T. O rutenizmach leksykalnych w Libri Legationum - "Studia z Filologii Polskiej i Słowianskiej", t. 19. Warszawa, 1980, s.59-75.
- Миту 1963 Mitu M. Termeni de origine polonă in documentele slavo-moldovenesti: I, 1388-1517. - "Romanoslavica". Vol. VIII. București, 1963, p. 155-224.
- Мольнар и Шимон 1977 Molnár J., Simon Gy. Magyar nyelvemlékek. 2. kiad. Budapest: Tankönyvkiadó, 1977. - 287 p.
- Моравчик 1938 Moravcsik Gy. Görögnyelvű monostorok Szent István korában. - In: Emlékkönyv Szent István király halálának kilencszázadik évfordulóján. I. köt. Budapest, 1938, p. 387-422.
- Мст. ев. Апракос Мстислава Великого./Изд. подготовили Л.П.Жуковская, Л.А.Владимирова, Н.П.Панкратова. Под ред. Л.П.Жуковской. М.: Наука,

- Назир. Назиратель. Изд. подготовили В.С.Голышен-
ко, Р.В.Бахтурина, И.С.Филиппова. Под ред.
С.И.Коткова. М.: Наука, 1973. - 751 с.
- Натансон-Леский 1922 Natanson Leski J. Dzieje granicy wschodniej
Rzeczypospolitej: Cz. I. Granica moskiewska
w epoce jagiellońskiej. Lwów; Warszawa, 1922.
/= Rozprawy Historyczne Towarzystwa Naukowe-
go Warszawskiego. T. 1, z. 37. - 24 s.
- Никан. лет. Никаноровская летопись. ПСРЛ, т. XXVII. М.;
Л.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 17-136.
- Новг. I лет. Die erste Novgoroder Chronik nach ihrer
ältesten Redaktion (Synodalhandschrift) 1016-
-1333/1352./Edition des altrussischen Textes
und Faksimile der Handschrift im Nachdruck.
Leipzig, 1971. - 564S.
- Обн.-Барх. I Обнорский С.П. и Бархударов С.Г. Хрестома-
тия по истории русского языка. Ч. I. Изд.
2-е. М.: Учпедгиз, 1952. - 416.
- Острогорский 1935 Острогорски Г. Автократор и самодржац. -
"Глас Српске краљевске академије", књ. .
CLXIV, Други разред, 84. Београд, 1935,
с. 95-187.
- Охманьский 1982 Ochmański J. Historia Litwy. Wyd. 2. Warsza-
wa etc.: PWN, 1982. - 340 s.
- Павлов 1878 Павлов А. Критические опыты по истории
древнейшей греко-русской полемики против
латинян. СПб.: тип. Акад. наук, 1878. -
VI, 210 с.

- Пальцев 1973 Пальцаў Г.В. Агульныя словы чэшскага па-
ходжання ў беларускай і польскай літара-
турных мовах. - В кн.: Польские говоры в
СССР. Ч. I./Ред. В.В.Мартынов. Минск: На-
вука і тэхніка, 1973, с. 120-131.
- Пам. ряз. Памятники русской письменности XV-XVI вв.:
Рязанский край. Изд. подготовили С.И.Котков,
И.С.Филиппова. Под ред. С.И.Коткова. М.:
Наука, 1978. - 185 с.
- Панченко и Успен- Панченко А.М. и Успенский Б.А. Иван Гроз-
ский 1983 ный и Петр Великий: концепции первого мо-
нарха. - ТОДРЛ, т. XXXVII, Л.: Наука, 1983,
с. 54-78.
- Пат. Печ. Патерик Киевского Печерского монастыря./Изд.
Археографической комиссии. СПб., 1911. - II,
275 с.
- Пашкевич 1924 Paszkiewicz H. Ze studiów nad polityką pols-
ką, litewską i krzyżacką Bolesława Jerzego,
ostatniego księcia Rusi Halicko-Włodzimiers-
kiej. - "Ateneum Wileńskie", t.IV.Wilno, 1924, s.4-57
- Пашкевич 1924a Paszkiewicz H. Z dziejów rywalizacji polsko-
węgierskiej na terenie Rusi Halicko-Włodzimi-
erskiej w XIV w. - "Kwartalnik Historyczny",
r.XXXVIII. Lwów, 1924, s. 281-310.
- Пашуто 1950 Пашуто В.Т. Очерки по истории галицко-волин-
ской Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1950. - 331 с.
- ПДП I Памятники дипломатических сношений Москов-
ского государства с Польско-Литовским. Т. I.
СПб., 1882 (Сб. РИО, т. 35) - VI, XXII, 869

- ЦДС I Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, ч. I.: Сношения с государствами европейскими: Памятники дипломатических сношений с империей Римскою, т. I. (с 1488 по 1594 год). СПб.: тип. 2-го отделения собств. е. и. в. канцелярии, 1851. - XXV с., 1620 столб.
- Пеннингтон 1968 Pennington A.E. Future Periphrasis in 17th-Century Russian: Some Evidence from Translated Materialy. - "The Slavonic and East European Review", vol. XLVI, N 106. London, January 1968, p. 31-47.
- Пеннингтон 1980 Grigorij Kotošixin, O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajloviča./Edited with a Commentary by A.E.Pennington. Oxford: Clarendon Press, XVI, 775 p.
- Перени 1955 Перени Й. Легенда о святом Владиславе - в России. - "Studia Slavica", т. I, Budapest, 1955, p. 227-244.
- Пересветов 1956 Сочинения И.Пересветова./Подгот. текста А.А.Зимин. Под ред. Д.С.Лихачева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. - 388 с.
- Пещак 1974 Грамоти XIV ст./Упорядкування, вступна стаття, коментарі і словники-показчики М.М. Пещак. Київ: Наукова думка, 1974. - 255 с.
- Пов. Повесть Симеона Суздальского об осьмом (Флорентийском) соборе: Исидоров собор и хождение его. - В кн.: Павлов 1878, Приложение

- Полоцк. гр. I-II Полоцкие грамоты XIII - начала XVI в. Вып. I-2./Сост. А.Л.Хорошкевич. М.; АН СССР. Ин-т истории СССР, 1977-1978. - 228; 219 с.
- Полякова 1976 Полякова Е.Н. Названия имущества в пермских памятниках XVII - начала XVIII века. - В кн.: Живое слово в русской речи Прикамья: Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1976, с. 37-48.
- Попов 1875 Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI-XV вв.). М.: тип. Т. Рис, 1875. - УШ, /2/, 418 с.
- Преобр. I-II Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. Т. I-II. М.: ГИС, 1959. - /4/, I-718 с.; 719 - 1284 с.
- Приселков 1916 Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг.: тип. "Научное дело", 1916. - УШ, II6 с.
- Прохаска 1923 Prochaska A. Nieznane dokumenta do unji Florenckiej w Polsce. - "Ateneum Wileńskie", t. I, Wilno, 1923, s. 58-74.
- Прохоров 1978 Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л.: Наука, 1978. - 238 с.
- ПРИП У Памятники русского права. Вып. I-5. М.: Госкриздат, 1952-1959. - XVI, 288; 442; 528; 632; 667 с.
- Псков. лет. I-II Псковские летописи. Вып. I/Пригот. к печа-

ти А.Насонов. М.; Л., 1941 - LXIV, 148 с.;
вып. 2/Под ред. А.Н.Насонова. М.: Изд-во
АН СССР, 1955. - 364 с.

ПСРЛ I-XXXV

Полное собрание русских летописей. Т. I.
Лаврентьевская летопись. М.: Изд-во вост.
лит., 1962. - УШ, 578 с. Т. II. Ипатьевская
летопись. М.: Изд-во вост. лит., 1962. -
ХUI, 938, 87 с. Т. UI. Софийские летописи.
СПб.: Археогр. комис., 1853. - 360 с. Т. УШ.
Летопись по Воскресенскому списку. СПб.:
Археогр. комис., 1859. - УШ, 303 с. Т. IX -
XII. Летописный сборник, именуемый Патриар-
шею или Никоновскою летописью. М.: Изд-во
вост. лит., 1965. XXIII, 256, /4/, 244; XII,
254, UI, 266 с. Т. XV (вып. I). Рогожский
летописец. - т. XV. Летописный сборник,
именуемый Тверскою летописью. М.: Наука,
1965. /4/, УШ с., 186 стб., УП с., 504 стб.
т. ХУШ. Симеоновская летопись. СПб.: Археогр.
комис., 1913. - III, 316 с. Т. XX. I-2-я
половина. Львовская летопись. СПб.: Археогр.
комис., 1910-1914, - IV, 418; 419-686 с. Т.
XXIII. Ермолинчская летопись. СПб.: Археогр.
комис., 1910. - UI, 408 с. Т. XXV. Москов-
ский летописный свод конца XV в. М.; Л.:
Изд-во АН СССР, 1949. - 464 с. Т. XXVI. Во-
логодско-Пермская летопись. М.; Л.: Изд-во
АН СССР, 1959. - 413 с. Т. XXVII. Никаноров-
ская летопись. Сокращенный летописный свод

1493 г. Сокращенный летописный свод 1495 г.
М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. - 418 с. Т.
XXXV. Летописи белорусско-литовские. М.:
Наука, 1980. - 307 с.

Пут. посл.

Путешествия русских послов XVI-XVII вв.:
Статейные списки. М.; Л.: Изд-во АН СССР,
1954. - 491 с.

Радоичич 1957

Радојичић Ђ. Сп. Стара српска књижевност
у средњем Подунављу у. - "Годишњак Фило-
зофског факултета у Новом Саду", књ. II. Но-
ви Сад, 1957, с. 239-270.

Речек 1961

Reczek J. Rosyjska rozprawka o polonizmach
w języku rosyjskim XVI w. - "Język Polski",
t. XLI, Kraków, 1961, s. 152-153.

Речек Сл.

Reczek S. Podręczny słownik dawnej polsz-
czyzny. Wrocław etc.: Ossolineum, 1968. -
XVII, 933 s.

РИБ VI

Памятники древнерусского канонического пра-
ва. Ч. I /Памятники XI-XV вв./. Изд. 2-е
(= Русская историческая библиотека, т. VI.)
СПб., 1908. - 1466 с. и стб. разд. паг.

Роман и Ветулани
1959

Roman S., Vetulani A. Ruski przekład pols-
kich statutów ziemskich z rękopisu moskiews-
kiego. Wrocław etc.: Ossolineum, 1959. -
214 s.

РП I-III

Правда Русская. /Под ред. Б.Д.Грекова. Т. I.
Тексты. II. Комментарии. Т. III. Факсимильное
воспроизведение текстов. М.; Л.: Изд-во АН
СССР, 1940-1963. - 506; 864; 471 с.

- Русановский 1965 Українські грамоти ХУ ст./Підготовка тексту, вступна стаття і коментарі В.М.Русанівського. Київ: Наукова думка, 1965. - 163 с.
- Русановский 1978 Русановский В.М. Язык деловых документов восточных славян XIV-XV вв. - В кн.: Восточнославянское и общее языкознание. М.: Наука, 1978, с. 178-184.
- Русск. пов. Русские повести XV-XVI вв. /Сост. М.О.Скрипиль. М.; Л.: Гослитиздат, 1958. - 488 с.
- РХС I-XXIII Rječnik Hrvatskoga ili srpskoga jezika./Na svijet izdaje Jugoslaveska Akademija Znanosti i Umjetnosti. Dio I-XXIII.Zagreb,1880-1976.
- Рыбаков 1964 Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI-XIV вв. М.: Наука, 1964. - 48 с.
- С.-А. Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg; 's-Gravenhage: Winter, 1955. - XX, 341 S.
- СТГД I-II Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. Ч. I-II. М.: тип. Н.С.Всеволожского, 1813-1819. - VI, [17], 643; VII, [19], 610 с.
- Сергеев 1971 Сергеев Ф.П. Русская дипломатическая терминология XI-XVII вв. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1971. - 219 с.
- Сергеев 1972 Сергеев Ф.П. Русская терминология международного права XI-XVII вв. Кишинев: Картя

молдовеняскэ, 1972. - 258 с.

Сергеев I978

Сергеев Ф.П. Формирование русского дипломатического языка. Львов: Вища школа, 1978. - 222 с.

Син. пат.

Синайский патерик. /Изд. подготовили В.С. Голышенко, В.Ф.Дубровина. Под ред. С.И.Коткова. М.: Наука, 1967. - 401 с.

Скок I-IV

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I-IV. Zagreb, 1971-1974.

Славский I-V

Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I-V. Kraków: Tow. Mił. Jęz. Pol., 1952-1982 (издание продолжается).

СЛП I-VI

Słownik łaciny średniowiecznej w Polsce./Pod red. M.Plezi. T. I-VI. Wrocław etc.: Ossolineum, 1953- (издание продолжается).

Смирнов I910

Смирнов Н. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910. - 398 с. (= Сб. ОРЯС, т. 88, № 2).

Смол. гр.

Смоленские грамоты XIII-XIV веков. /Подготовили к печати Т.А.Сумникова и В.В.Лопатин. Под ред. Р.И.Аванесова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. - 139 с.

Смолка I890

Smolka S. Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego. - "Pamiętnik Akademii Umiejętności w Krakowie. Wydziały: Filologiczny i Historyczno-Filozoficzny", t. VIII, Kraków, 1890, s. 1-55.

- Собик 1969 Sobik M.-E. Polnisch-russische Beziehungen im Spiegel des russischen Wortschatzes des 17. und der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Meisenheim am Glan: Hain 1969. - 377 S. (=Slavisch-Baltisches Seminar der Westfälischen Wilhelms-Universität Münster. Veröffentlichung Nr. 13).
- Соболевский 1900 Соболевский А.И. Церковнославянские тексты моравского происхождения. Варшава, 1900./Отд. оттиск из "Русского филологического вестника". - 68 с.
- Соболевский 1903 Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. Изд. 3-е. М.: Унив. тип., 1903. - 302 с.
- Соболевский 1903а Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903. - VIII, 460 с. (=Сб. ОРЯС, т. 74, № I).
- Соболевский 1910 Соболевский А.И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб.: тип. имп. Академии наук, 1910. - IV, 206 с. (= Сб. ОРЯС, т. 88, № 3).
- Соболевский 1980 Соболевский А.И. История русского литературного языка./Изд. подготовил А.А.Алексеев. Л.: Наука, 1980. - 194 с.
- Соловьев У. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 15-ти кн. М.: Соцгиз, 1959-1966. Кн. V (тт. 9-10), 1961. - 755 с.
- Соловьев 1961 Soloviev A.V. APXWN PWZIAZ . - "Byzantion", t. XXXI, Bruxelles, 1961, fasc.1, p.237-244.

- СП I-XIV Słownik polszczyzny XVI wieku./Instytut Badań Literackich PAN. T. I-XIII. Wrocław, 1966-1982 (Издание продолжается).
- СПрасл I-IV Słownik praszowieński. /Pod. red. F.Sławskiego. T.I-IV.Wrocław etc.:Ossol.,1974-1983. (Издание продолжается).
- Спринчак I956 Спринчак Я.О. З історії давньоруського слова "Господа" та його похідних в української мові. "Українська мова в школі", т. VI, Ки в, I956, № 5, с. 67-68.
- Спринчак I956а Спринчак Я.А. К сравнительному изучению лексики московских и украинских грамот XIV-XV вв. - "Вопросы языкознания", М., I956, № 6, с. II5-I22.
- Срезн. I-III Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I-III. СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Акад. наук, I893-I903. (Воспроизведение текста издания I893-I903 гг. - М., I958) - IX, 49 с., I420 стб.; I5 с., I802 стб.; I684, 272 стб., I3 с.
- Срезневский I882 Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (X-XIV веков): Общее современное обозрение. Изд. 2-е СПб.: тип. Акад. наук, I882. - /2/, с., IV, 392 стб.
- СРНГ I-XIX Словарь русских народных говоров. /Гл. ред. Ф.П.Филин. Вып. I-I9. М.; Л.: Наука, I965-I983. (Издание продолжается).

- СРЯ I-X Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. I-IO. М.: Наука, 1975-1983 (издание продолжается).
- ССУМ I-II Словник староукраїнської мови XIV-XV ст. Т.I-2. Київ; Наукова думка, 1977-1978.
- ССтп I-УШ Słownik staropolski. /Red. naczelny S.Urbańczyk. Т.I-VIII. Wrocław etc.: Ossolineum, 1953-1981 (издание продолжается).
- Станг 1935 Stang Chr.S. Die westrussische kanzleisprache des Großfürstentums Litauen. Oslo, 1935. - 166 S.
- Станг 1939 Stang Chr. S. Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk. Oslo, 1939, - 148 S.
- Стойкович 1973 Стойкович О. Польские лексические элементы в языке древнейших славяно-молдавских грамот. Bucureşti: Centrul de Multiplicare al Universităţii din Bucureşti, 1973. - 16 p.
(Доклады и сообщения, представленные на УИ Международном съезде славистов, Варшава, 21-27 авг. 1973 г.).
- Суд. Судебники XV-XVI вв. /Подгот. текстов Р.Б.Мюллер и Л.В.Черепнина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. - 619 с.
- СЯС I-III Slovník jazyka staroslověnského./Hlavní red. J.Kurz. Т.I-III. Praha: Českosl. akad. věd, 1958-1982. - LXXIX, 853; 638; 671 S.
- Тамань 1960 Тамань В.М. Полонизмы в языке русских памятников XVI века. - "Ученые записки ЛГУ". № 267. Серия филологических наук,

- вып. 52. Л., 1960, с. 98-124.
- Тамань 1961 Тамань В.М. К вопросу о польском влиянии на литературный язык Московской Руси. - В кн.: Начальный этап формирования русского национального языка. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1961, с. 197-204.
- Татищев 1979 Татищев В.Н. Избранные произведения./ Под общей ред. С.Н.Валка. Л.: Наука, 1979. - 464 с.
- Тихомиров 1969 Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М.: Наука, 1969. - 374 с.
- Томас 1971 Thomas G. Russian Naval Terms from Middle Low German. - "The Slavonic and East European Review", vol. XLIX, Number 115, London, April 1971, p. 173-188.
- Томас 1976 Thomas G. Средненижненемецкие заимствования в русском языке. - "Russian Linguistics", vol. 3. Dordrecht; Boston, 1976, p. 55-62.
- Трубецкой 1927 Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания. /Собрание статей. /Париж/: Евразийское книгоиздательство, 1927. - 94 с.
- Укр. лекс. Історія української мови: Лексика і фразеологія. /Відпов. ред. В.М.Русанівський. Київ: Наукова думка, 1983. - 743.
- Укр. морф. Історія української мови: Морфологія. / Відпов. ред. В.В.Німчук. Київ: Наукова думка, 1978. - 539 с.

- Улукханов 1972 Улукханов И.С. О языке древней Руси. М.: Наука, 1972. - 135 с.
- Унбегаун 1935 Unbegaun B. La langue russe au XVIe siècle (1550-155). I.: La flexion des noms. Paris: Institut d'Etudes Slaves de l'Université de Paris, 1935. (Bibliothèque Russe de l'Institut d'Etudes Slaves.T.XVI).-480 p.
- Унбегаун 1975 Унбегаун Б.О. Четири писма турског султана Селима I на српском језику. - В кн.: Xenia Slavica: Papers Presented to Gojko Ružićić on the Occasion of His Seventy-fifth Birthday. The Hague; Paris: Mouton, 1975, p. 221-228.
- УРС I-VI Українсько-російський словник. Українсько-руський словарь. Т. I-VI. Київ: Вид. АН УРСР, 1953-1963.
- Усп. сб. Успенский сборник XII-XIII вв./Изд. подгот. О.А.Князевская, В.Г.Демьянов, М.В.Ляпон. Под ред. С.И.Коткова. М.: Наука, 1971. - 754 с.
- Успенский 1968 Успенский Б.А. Архаическая система церковнославянского произношения (Из истории литургического произношения в России). М.: Изд-во МГУ, 1968. - 156 с.
- Успенский 1971 Успенский Б.А. Книжное произношение в России (Опыт исторического исследования). М., 1971. (Машинопись).
- Успенский 1983 Успенский Б.А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского

литературного языка. М.: Изд-во МГУ, 1983.
- 144 с.

- Успенский 1983а Успенский Б.А. Диглоссия и двуязычие в истории русского литературного языка. - "The International Journal of Slavic Linguistics and Poetics", vol. XXVII. The Hague, 1983, p. 81-126.
- Успенский и Живов 1983 Успенский Б.А., Живов В.М. Выдающийся вклад в изучение русского языка XVII века (О книге: Grigorij Kotošixin, O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajloviča: Text and Commentary. Ed. by A.E.Pennington, Oxford, 1980). (в печати; ссылки даются на страницы машинописи).
- Хабургаев 1980 Хабургаев Г.А. Становление русского языка (пособие по исторической грамматике). М.: Высш. школа, 1980. - 191 с.
- Хадрович 1947 Hadrovics L. Le peuple serbe et son église sous la domination turque, Paris: Presses universitaires de France, 1947. - 168 p.
- Хадрович 1955 Hadrovics L. Der südslavische Trojaroman und seine ungarische Vorlage. - "Studia Slavica", t.I. Budapest, 1955, p.49-135.
- Ходыницкий 1934 Chodynicki K. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska: Zarys historyczny 1370-1632. Warszawa, 1934. - 403 с.
- Хожд. Хождение на Флорентийский собор. - В приложении к статье: Казакова 1970, с. 62-72.
- Холлош 1979 Холлош А. О языке грамоты Матиаша Корвина

к Ивану III. - "Studia Slavica", t.XXV. Budapest, 1979, p. 189-193.

- Хорошкевич 1980 Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV - начала XVI в. М.: Наука, 1980. - 293 с.
- Хорошкевич 1982 Хорошкевич А.Л. Право "вывода" и власть "государя". - В кн.: Россия на путях централизации: Сборник статей. /Отв. ред. В.Т.Пашуто. М.: Наука, 1982, с. 36-41.
- Христиани 1906 Christiani W.A. Über das Eindringen von Fremdwörtern in die russische Schriftsprache des 17. und 18. Jahrhunderts: Diss. Berlin:Stankiewicz 1906. - 67 S.
- Хрэст. I Хрэстаматня па гістарыі беларускай мовы. Ч. I. Рэд. Р.І.Аванесаў. Мінск: Выд. АН БССР, 1961. - 243 с.
- Хюттль-Ворт 1963 Hüttl-Worth G. Foreign Words in Russian: A Historical Sketch 1550-1800. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1963/=University of California Publications in Linguistics. Vol. 26/. - 182 p.
- Фасмер I-III Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I-III.Heidelberg:Winter,1953-1958.
- Фасмер-Тр. I-IV Фасмер М. Этимологический словарь русского языка./ Перевод с немецкого и дополнения О.Н.Трубачева. Т. I-IV. М.: Прогресс, 1964-1973. 562; 671; 827; 855 с.
- Фенне I-II Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian, Pskov 1607./Edited by L.L.Hammerlich, R.Jakobson, Elizabeth van Scho-

oneveld, T.Starck and A.Stender-Petersen.
Vol. I-II. Copenhagen: Royal Danish Acad.
of Sciences and Letters, 1961-1971. -
566; XXVIII, 488 p.

Филин 1972

Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Историко-диалектологический очерк. Л.: Наука, 1972. - 655 с.

Филин 1974

Филин Ф.П. Об истоках русского литературного языка. - "Вопросы языкознания", М., 1974, № 3, с. 3-13.

Фогараш 1958

Foragasi M. Europäische Lehnwörter im Spiegel einer russischen diplomatischen Urkundensammlung (1488-1699). - "Studia Slavica", t. IV. Budapest, 1958, p. 57-62.

Цебе 1916

Czebe Gy. A veszprémvölgyi oklevél görög szövege. Budapest, 1916 /-Értekezések a történeti tudományok köréből. 24. köt. 3. sz./.- 49 p.

Чабан 1962

Чабан М. /Рец. на статьи: Мацурек 1958, 1960, 1960а/. - "Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР", р. XVI, Київ, 1962, № 6, с. 64-65.

Черных 1956

Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии: Древнерусский период. М.: изд-во Моск. ун-та, 1956. - 243 с.

Чижевский 1954

Čyževský D. Lexikalisches I. - "Zeitschrift für slavische Philologie", Bd. 22. Heidelberg, 1954, S. 333-362.

- Чурмаева 1968 Чурмаева Н.В. К истории слова писарь в русском языке. - В кн.: Русская историческая лексикология. /Гл. ред. С.Г.Бархударов. М.: Наука, 1968, с. 228-233.
- Шахматов 1915 Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг.: тип. Акад. наук, 1915. - 369 с. (Энциклопедия славянской филологии./Под ред. И.В.Ягича. Вып. II.I.).
- Шахматов 1938 Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV-XV вв. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1938. - 372 с.
- Шевелев 1975 Shevelov G.Y. On Lexical Polonisms in Literary Ukrainian. - In: For Wiktor Weintraub./Eds. Erlich, V. et.al. The Hague: Mouton, p. 449-463.
- Шевелев 1979 Shevelov G.Y. A Historical Phonology of the Ukrainian Language. Heidelberg: Winter, 1979. - 809 p.
- Шелудько 1931 Шелудько Д. Німецькі елементи в українській мові. - "Збірник Комісії для дослідження історії української мови", т. I. Київ, 1931, с. 1-60.
- Шенкер 1983 Шенкер А. Главные пути лексических заимствований в славянских языках /на материалах чешского, польского и восточнославянских языков X-XVI вв./. - В кн.: American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. vol.I.: Linguistics. Columbus, Ohio: Slavica, p. 255-267.

- Шмидт 1958 Шмидт С.О. Заметки о языке посланий Ивана Грозного. - ТОДРЛ, т. XIV, М.; Л., 1958, с. 256-265.
- Штекль 1954 Stöckl G. Die Begriffe Reich, Herrschaft und Staat bei den orthodoxen Slaven. - "SAECVLVM: Jahrbuch für Universalgeschichte", Bd. 5, München, 1954, S. 104-118.
- Штекль 1966 Stöckl G. Kanzler und Metropolit. - "Wiener Archiv für Geschichte des Slaventums und Osteuropas", Bd. V, Graz; Köln, 1966. S. 150-175.
- Штибер 1974 Stieber Z. Świat językowy Słowian. Warszawa: PWN, 499 s.
- Штридтер 1961 Striedter J. Die Erzählung vom walachischen vojevoden Drakula in der russischen und deutschen Überlieferung. - "Zeitschrift für slavische Philologie", Bd. 39. Heidelberg, 1961, S. 398-427.
- Штриккер 1979 Stricker G. Stilistische und verbalsyntaktische Untersuchungen zum moskovitischen Prunkstil des 16. Jahrhunderts: Die Erzählung über die Belagerung Pleskaus durch den polnischen König Stephan Bathory 1581/82 im Vergleich mit der Erzählung über die Eroberung Konstantinopels durch die Türken 1453. München: Sagner, 1979 [=Slavistische Beiträge, Bd. 127]. - XIII, 678 S.

- Щушарин I965 Щушарин В.П. Древнерусское государство в западно- и восточноевропейских средневековых памятниках. - В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965, с. 420-452.
- Щапов I976 Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. /Изд. подготовил Я.Н.Щапов. М.: Наука, 1976. - 239 с.
- ЭСБМ I Этымалагічны слоунік беларускай мовы. Т. I. Мінск: Навука і тэхніка, 1978. - 184 с. (издание продолжается).
- ЭСВенг I-III A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára./Főszerkesztő Benkő L. I-III. Köt. Budapest: Akadémiai, 1967-1976.-1142;1108;1231 p.
- ЭСРЯ I/I-5, II/6-8 Этимологический словарь русского языка./Под ред. Н.М.Шанского. Т. I, вып. I-5, т. II, вып. 6-8. М.: Изд-во МГУ, 1963-1982.
- ЭССЯ I-X Этимологический словарь славянских языков: Общеславянский лексический фонд./Под ред. О.Н.Трубачева. Вып. I-IO. М.: Наука, 1974-1984.
- Якобсон I950 Jakobson R. О стихотворных реликтах раннего средневековья в чешской литературной традиции. - "Slavistična Revija: Revue de Slavistique". vol. 3 (= Ramovšev Zbornik: Mélanges Ramovš).Ljubljana, 1950, p.267-273.
- Якобсон I952 Jakobson R. New Slavic Etymological Dictionaries. - "Slavic Word: A Slavic Supplement to Word, Journal of the Linguistic Cir-

cle of New York". No. 1 (= Word, vol. 8, No.4), New York, 1954, p. 387-394.

- Яковкин 1936 Законодательные акты Великого княжества Литовского. /Сборник материалов подготовлен к печати И.И.Яковкиным. Л.: Соцэкгиз, 1936. - XII, 155 с.
- Якубинский 1953 Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М.: Учпедгиз, 1953. - 368 с.
- Янин I-II Янин В.Л. Актовые печати древней Руси X-XV вв. Т. I-II. М.: Наука, 1970. - 326, 367 с.
- Ярошенко 1931 Ярошенко В. Українська мова в молдавських грамотах XIV-XV вв. - "Збірник Комісії для дослідження історії української мови", т. I. Київ, 1931, с. 247-339.
- Яцимирский 1909 Яцимирский А.И. Язык славянских грамот молдавского происхождения. СПб., 1909. - 24 с. [Отдельный оттиск из "Сборника по славяноведению", т. III].
- HRM Suppl. Supplementum ad Historica Russiae monumenta. Petropoli, 1848. - Дополнения к Актам историческим, относящимся к России, извлеченным из иностранных архивов и библиотек А.И.Тургеневым. СПб.: тип. Праца, 1848. - XV, 543 с.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

(В указателе приводятся слова, встреченные в анализируемом круге источников, о происхождении и истории которых содержится информация в диссертации. Слова не западнорусского происхождения, но привлекаемые для сравнения, включены в скобки. Римскими цифрами обозначены главы, арабскими - параграфы, В. - Введение).

архиепископ П.І.І.

(барка) П.І.І.

епископ П.І.І.

(кардинал) П.І.І.

господарь І.2.

господар(ь)ство І.2.І.

(господин) І.2.

граница П.І.І.

грош П.І.І.

(держава) І.2.І.

добровольно П.2.

доставати/достати П.2.

доступити П.2.

доход П.2.

(дука) П.І.І.

(дукат) П.І.І.

жак П.І.3.

завсе, зався П.2.

зацепка Ш.І.

збродень П.2.

звон 'колокол' Ш.2.2.

золотой 'монета' П.І.І.

канцлер П.2.

каплан П.І.І.

кляштор П.І.2.

клячити П.І.3.

княжа П.2.

коруна П.І.3.

костел П.І.3.

крыж П.І.2.

лист 'грамота' П.2.

местич П.2.

миля П.І.І.

мистр Ш.2.І.

(мних) П.І.І.

муляр, муроль Ш.2.І.

муровати П.І.І.

мша, мшу мшити П.І.2.

(новци) 'монеты' П.І.І.

окрутный П.І.3.

отщепенец П.2.

отчич и дедич I.3.

пан П.І.І.

папез, папезев,

папезский П.І.2.

папезство Ш.П.І.

писарь В.З. І; П.2.

(планина) П.І.І.

поддати П.2.

полонина, Полониные

горы 'Альпы' П.І.І.

польский П.2.

посполно П.2.

право П.І.І.

приклякати/приклякнути П.І.2.

присягати Ш.2.І.

приход 'доход' П.2.

(ратман) П.І.І.

справедливый П.І.3.

статок Ш.І.

столець 'престол' П.2.

турецкий Ш.2.2.

шкода (шкота, щкота) П.2.